

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 2 2022 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

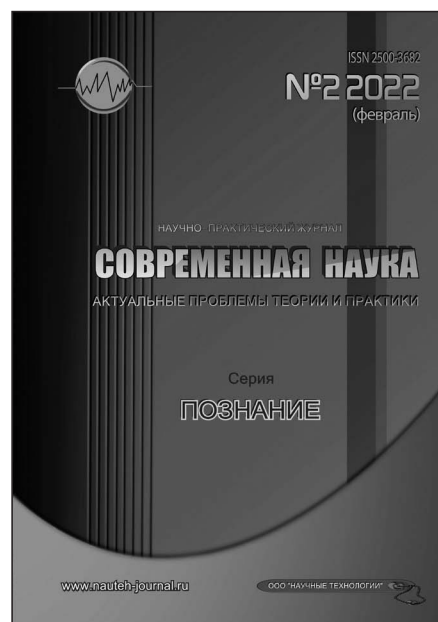
Подписано в печать 24.02.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №2 (февраль) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Баринов В.И. – Техногенная культура: SmartEducation
Barinov V. – Technogenic culture: SmartEducation... 5

Горшенева М.К. – Современные практики корпоративной культуры: опыт России
Gorsheneva M. – Modern corporate culture practices: Russian experience... 9

Сидорова А.М. – Эвенкийский танец как средство трансляции духовных ценностей народа
Sidorova A. – Evenk dance as a means of broadcasting the spiritual values of the people... 14

Хаменок В.И. – Испанский музыкальный театр и жанр чико как особая разновидность зарсуэлы
Khamenok V. – Spanish musical theater and genero chico as a particular type of zarzuela... 17

Психология

Вязникова Л.Ф., Ткач Е.Н. – Тенденции и парадоксы педагогического взаимодействия в системе «Преподаватель – студент» в современном социокультурном контексте
Vyaznikova L., Tkach E. – Trends and paradoxes of pedagogical interactions in the system "Teacher - student" in the modern socio-cultural context... 23

Гуткевич Е.В. – Семья в условиях пандемии COVID-19 (обзор актуальных психологических исследований)
Gutkevich E. – Family in the context of the COVID-19 pandemic (review of current psychological research)... 27

Зарединова Э.Р. – Особенности механизма психологической защиты у детей-сирот
Zaredinova E. – The peculiarities of the psychological protection mechanism in orphans... 32

Мягкова С.Н., Шилова И.М. – Повышение психологической устойчивости руководителя при формировании стратегии развития образовательного учреждения
Myagkova S.N., Shilova I.M. – Improving the psychological stability of the head in shaping the development strategy of the educational institution... 36

Проскурякова Л.А., Поляков И.В. – Взаимосвязь девиантного поведения с мотивацией обучения подростков
Proskuryakova L., Polyakov I. – The relationship of deviant behavior with the motivation of adolescent learning... 41

Проскурякова Л.А., Трусова А.О. – Эмоциональное выгорание и его связь с невротической депрессией у сотрудников федеральной пожарной службы
Proskuryakova L.A., Trusova A.O. – Emotional burnout and its connection with neurotic depression in employees of the federal fire service... 45

Рендакова А.В. – Анализ фундаментальных основ концепции эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова с применением метода философской герменевтики
Rendakova A. – The foundations of B.I. Dodonov's concept of a person's emotional orientation using the method of philosophical hermeneutics... 50

Ринг Е.Ю. – Значение эмоционального интеллекта и эмпатической реакции в системе профессиональной деятельности
Ring E. – The importance of emotional intelligence and empathic reaction in the system of professional activity... 59

Семёнов П. – Путь индивидуации св. Игнатия Лойолы - взгляд с позиции психоанализа
Semjonovs P. – The way of individuation of St. Ignatius of Loyola - a view from the perspective of psychoanalysis... 62

Философия

Давыденкова А.Г., Коваленко Н.Г. – К вопросу о методологии познания гуманитарных наук: история и современность

Davydenkova A.G., Kovalenko N.G. – To the question about the cognition methodology of the humanities: history and modernity 67

Паршикова Г.В. – Проблема сознания и постулаты квантовой механики

Parshikova G. – The problem of consciousness and the postulates of quantum mechanics..... 74

Скопа В.А. – сущностное понимание ценности в социально-философском дискурсе

Skopa V. – essential understanding of value in socio-philosophical discourse 76

Федотов В.В. – Основные теории трудовой мотивации в социологии и социальной философии
Fedotov V. – Main theories of work motivation in sociology and social philosophy..... 80

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 84

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 85

ТЕХНОГЕННАЯ КУЛЬТУРА: SMARTEDUCATION

TECHNOGENIC CULTURE:
SMARTEDUCATION

V. Barinov

Summary: The article is devoted to the study of changes in modern educational practices due to the emergence of "Smart" technologies. The analysis of Smart technologies and the effectiveness of their application in the educational environment are conducted.

The purpose of this work is to analyze the impact of Smart technologies on the educational process and technogenic culture in general, to identify the change of the educational paradigm of the information society, to trace the emergence of a new phenomenon – "Smart Education".

The changes taking places in the education system are increasing the effectiveness of learning, which enables to lay the reliable groundwork for the human capital formation, as required by the developing modern economy.

Keywords: artificial intelligence, technogenic culture, gadget, "Smart technologies", "E-learning", "Smart Education".

Баринов Владимир Иванович

аспирант, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
sedriksakson@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию изменений в современных образовательных практиках в связи с появлением «умных» технологий. Проводится анализ Smart-технологий и эффективность их применения в образовательной среде.

Цель работы – проанализировать влияние Smart-технологий на образовательный процесс и техногенную культуру в целом. Выявить изменение образовательной парадигмы информационного общества. Проследить появление новоявления – «SmartEducation».

Происходящие изменения в системе образования повышают эффективность обучения и это позволяет заложить надежный фундамент формирования человеческого капитала, как этого требует постоянно развивающаяся современная экономика.

Ключевые слова: искусственный интеллект, техногенная культура, гаджет, технологии «Smart», электронное обучение, «E-learning», «SmartEducation», Smart-образование.

Современное общество динамично развивается. Следовательно, возникает потребность в деятельном, творчески мыслящем подрастающем поколении, которое способно выбирать жизненный путь ответственно и осмысленно. Базовые документы в сфере образования акцентируют внимание на необходимости формирования специально созданной среды, которая станет своеобразным помощником учащимся для их самореализации в будущем. Обеспечение таких условий является приоритетным направлением работы системы образования в нашей стране, так как она обладает значительными ресурсами в плане формирования и становления личности многогранной и всесторонне развитой.

Образование является процессом подготовки человека к полноценной жизни в условиях постиндустриального информационного общества. Развитие новых технологий накопления, передачи и обработки информации меняет не только сферу материального производства, но и духовные, интеллектуальные сферы жизни. Сегодня требуется наличие практических знаний, что, в свою очередь, негативно сказывается на воспитательном компоненте образования, приводит к его потере. Все это нивелирует значение образования и, как следствие, мешает полноценному развитию науки и культуры [7].

В настоящее время техногенная культура стремительно развивается в условиях всесторонней информа-

ционной поддержки. Происходят глобальные перемены в информационных технологиях, которые сопровождают нас везде: в школе, дома, на улице. Большинство из нас уже не может представить свою жизнь без технических новшеств – гаджетов, роль которых в жизни каждого человека существенно отличается [1].

Интернет, гаджеты и технологии «Smart» активно используются в образовательном процессе. Эти инновации становятся основой формирования будущего человеческого капитала в отечественной культуре.

Понятие «человеческий капитал» вошло в науку в середине двадцатого века. Его единицу представляет не сам человек как таковой, а знания, умения и навыки, что способствует выходу образования на лидирующее место в формировании интеллектуальных ресурсов и экономическом росте страны.

В настоящее время «разумными» возможно назвать дома, автомобили, деньги; появились «умная» работа, «умные» города и правительства, а в развитых государствах и целые отрасли. Актуальное информационное поле приходит к новому «эволюционному» витку, переходит в SmartSociety, или «умное» общество.

Основная часть. В нашей стране ведется активная работа по внедрению информационных Smart-технологий в образование в рамках национального проекта «Обра-

зование». Это инициатива, направленная на достижение двух основных целей: первая – обеспечение российского образованию глобальной конкурентоспособности, вхождение России в ТОП-10 государств по качеству образования, вторая – формирование социально ответственных и воспитанных личностей на основе культурных, исторических традиций и нравственно-духовных ценностей.

Электронное обучение, внедрение принципов повышения квалификации на протяжении всей жизни, в том числе с применением модульных образовательных и интеллектуальных технологий, построенных на основе искусственного интеллекта, ведет к кардинальным переменам в обществе, меняет традиционные практики общения, работы, развлечений и, конечно же, образования. Ввиду этого изменяется образовательная парадигма информационного общества. На смену «E-learning» приходит новое явление – «Smart Education» (умное образование). Электронное обучение, которое на заре XXI века использовалось как просто технология, сейчас активно трансформируется, обрастает новыми Smart и Digital инструментами и превращается в интеллектуально насыщенную технологию [3].

Образование традиционно выступало фундаментальной системой науки. Оно всегда очень аккуратно и осторожно включало в свои методики новации. Но в настоящее время произошли кардинальные перемены, в результате чего это стало одной из самых быстро изменяемых отраслей, с точки зрения как содержания, так и технологий и методик. Совершенствование Smart-технологий, применение Digital инструментов и обработка информации при помощи искусственного интеллекта энергично проникло в повседневную жизнь и уже вносит свои коррективы в то, как мы обучаемся, учим, работаем, как мы живем. Растет новое поколение, для которого Smart-устройства и гаджеты (карманные компьютеры, планшеты, ноутбуки, которые используют «продвинутые» технологии) стали просто необходимыми элементами жизненного пространства. Нет никаких сомнений в том, что настоящее время – это время трансформаций, и мы готовы постоянно изменяться и приспосабливаться под окружающую нас среду, соответствуя требованиям экономики и общества. От того, насколько быстро мы адаптируемся, зависит, смогут ли все ультра-новинки стать инструментом для достижения поставленных целей.

Сегодняшние школьники давно на «ты» с персональными компьютерами и многими современными гаджетами, и новую информацию они принимают с повышенным интересом, если ее преподавать с применением передовых технологий Smart, визуализируя ее на базе алгоритмов работы искусственного интеллекта.

Появление Smart-технологий, Digital инструментов и техники, которая работает на основе ИИ, изменяет и роль преподавателя. Он становится тьютором – координирует самостоятельную учебно-познавательную деятельность учащихся.

Изменяются и задачи, которые появляются у учителей и преподавателей. Они не только должны быть профессионалами своего дела, но и уметь анализировать огромные потоки информации, знаний, ресурсов, применять разные техники для работы с учащимися. [5].

При этом образование Smart предоставляет преподавателю новые Digital инструменты и площадку, построенную на алгоритмах работы искусственного интеллекта: появляется возможность обмениваться опытом в интеллектуальных чатах, больше уделять времени теоретической и научной деятельности, сокращая время, которое тратится на доработку материала, который уже имеется на образовательных платформах. Они могут разработать индивидуальную траекторию развития для каждого учащегося в соответствии с требуемыми компетенциями. Преподавателю просто необходимо не только знакомить школьников с новыми технологиями и инструментами обучения, но и уметь самому в совершенстве ими владеть, по-иному выстраивая обучающую деятельность [4].

Применение «умных» технологий в образовательных практиках оказывает благоприятный эффект, позволяет преподавателям повышать ресурсы обучения, работать как с одним обучающимся, так и с несколькими или со всем классом при любом методе обучения, а также обеспечивает доступ к разным банкам информации и Big data, которые доступны для преподавателей и учащихся 24 часа в сутки. Использование «умных» технологий позволяет проводить «живые» уроки, мотивировать учащихся к обучению, а также дает возможность педагогу повысить качество образования в соответствии с запросами общества. Проведение уроков с применением Smart-технологий предполагает наличие автоматизированного рабочего места педагога [6]. В результате появилась возможность замены на уроках традиционных наглядных пособий мультимедийными.

Основная идея «умного» образования – большая гибкость, которая возможна благодаря наличию Big data банков информации, в которых содержатся максимально различные по формату представления мультимедиа, это приводит к простому изменению контента под уровень и задачи слушателя.

Применение Smart-технологии реализует возможность разработать целый комплекс заданий и упражнений, которые нацелены на:

- моделирование инновационной составляющей урока через внедрение современных ИКТ-технологий с возможностью управления качеством образования;
- раскрытие и адаптацию наилучших условий для формирования учебных умений и навыков в процессе применения Smart-технологий;
- создание результативных методов и приёмов, а также форм работы, которые способствуют становлению креативного мышления у обучающихся и формированию «человеческого капитала»;
- обучение работать с разными базами данных информации, с Big-data (большие данные) данными;
- оптимальное ведение урочной деятельности, расширение информационной среды;
- обучение умению работать с информацией с применением интерактивных помощников, на основе искусственного интеллекта;
- создание здоровьесберегающих условий для обучающихся во время урочной и внеурочной деятельности в процессе использования интерактивной Smart-технологии.

Технология Smart и внедрение основ искусственного интеллекта предполагает становление эпохи «умных» устройств, которые создают рабочее поле для того или иного вида деятельности. Внедрение данных разработок в систему образования и педагогические практики в настоящее время находятся на начальном этапе, термины и основные понятия проходят процесс формирования. Сегодня темп разработки технологий и обновление поколения устройств существенно ускорился, ежегодно производители выпускают на рынок все более совершенные устройства для профессиональной деятельности и коммуникации. В связи с этой тенденцией существует потребность в изменении платформ, которые используются для передачи знаний и широкого применения Smart-устройств. Издавна область образования являлась консервативной средой, но в связи с новыми вызовами она должна стать одной из самых быстро изменяющихся систем как по содержанию, так и по внедрению Digital инструментов и методики обучения. Скорость, с которой происходят обновления знаний и технологий, можно рассмотреть с позиции критерия качества системы образования.

С начала XXI века можно считать нормой ведение учебного процесса с применением интерактивных презентаций, которые построены в таких программных продуктах, как Microsoft PowerPoint, Apple Keynote или Prezi. Педагоги с распространением компьютерной техники и автоматизацией рабочих мест активно применяют эти программы в своей работе. Приоритетная задача образования на сегодня – становление стойкой мотивации обучающихся к образованию, другая – применение новейших Digital-инструментов освоения этих знаний и

визуализация с помощью творческих решений, основанных на Smart-технологиях [2].

В настоящее время свою эффективность и наглядность представления учебного материала показывают интерактивные презентации с мультимедийным содержанием информации. Такая форма соединения информации, как мультимедиа (одновременная возможность сочетания текста, звука, видео) позволяет превратить учебный материал в систему ярких опорных образов, которые четко структурированы и расположены в алгоритмическом порядке. В данном случае при просмотре подобного учебного материала у обучающихся одновременно работают различные каналы восприятия, что дает возможность зафиксировать информацию в памяти учеников не только в фактографическом, но и в ассоциативном виде.

Сегодня качественное образование является обстоятельством, которое позволяет успешно социализировать детей и молодёжь, удовлетворять потребность экономики в кадрах высокой квалификации и выполнять социальный заказ государства.

Использование Smart-технологий в учебном процессе предполагает, что учитель умеет:

- обрабатывать текстовую, цифровую, графическую и звуковую информацию при помощи соответствующих процессоров и редакторов для подготовки дидактических материалов (варианты заданий, таблицы, схемы, чертежи, рисунки и т.д.);
- создавать слайды по данному учебному материалу, используя редактор презентации MS PowerPoint и продемонстрировать презентацию на уроке;
- использовать имеющиеся готовые программные продукты по своей дисциплине;
- организовывать работу с электронным учебником на уроке;
- применять учебные программные средства (обучающие, закрепляющие, контролируемые);
- осуществлять поиск необходимой информации в Интернете в процессе подготовки к урокам и внеклассным мероприятиям;
- организовывать работу с учащимися по поиску необходимой информации в Интернете непосредственно на уроке;
- разрабатывать тесты, используя готовые программы – оболочки или самостоятельно, и проводить компьютерное тестирование.

Smart-технология с дополнением системы искусственного интеллекта работает на конкретного ребенка. Учащийся использует такое количество структурированной информации, которое может освоить; работает в тандеме с системой в том ритме, который оптимален для

него. Нет никаких сомнений в том, что Smart-технологии относятся к развивающимся технологиям и должны шире внедряться в процесс обучения.

Формируется среда образовательного процесса, которая фокусируется на применении новейших методик, включающих:

- самостоятельную работу с электронными обучающими ресурсами (включают инструменты самоконтроля и совершенствования мастерства);
- планомерную работу обучающихся в малых группах и взаимный контроль;
- профильное обучение с применением Digital-инструментов в рамках цифровых сообществ (дистанционное образование, цифровые лаборатории, интерактивные проекты и комплексы и т.п.);
- применение возможностей глобальной информационно-вычислительной сети Интернет для общения, совместной работы и обработки Big Data;
- заполнение и ведение виртуального профиля учащегося.

Чтобы любой учащийся смог в равной доле использовать этот потенциал и получил возможность достичь высоких образовательных результатов, назрела потребность в трансформации новой модели работы образовательного учреждения, в котором организована Smart-интеллектуальная среда обучения.

В заключение можно сказать о том, что информационные Smart-технологии позволяют построить открытую систему образования, обеспечивающую каждому школьнику собственную траекторию обучения. Они коренным образом изменили организацию процесса обучения, формируя у детей системное мышление, дали возможность рационально организовать познаватель-

ную деятельность школьников в ходе учебно-воспитательного процесса, использовать компьютеры с целью индивидуализации учебного процесса и обращения к принципиально новым познавательным средствам, изучать явления и процессы в микро- и макромире, внутри сложных технических систем на основе использования средств компьютерной графики и моделирования, представлять в удобном для изучения масштабе различные физические и химические процессы, реально протекающие с очень большой или малой скоростью, проводить лабораторные работы в условиях имитации реального опыта или эксперимента.

Продуктивное применение «умных» технологий в урочное время, разумная комбинация педагогической практики и возможностей цифровой техники позволяют преподавателю повысить уровень знаний обучающихся.

Построение образовательного процесса на основе «умных» устройств помогает спроектировать уроки креативного и когнитивного типов. Однако для успешной реализации подобного опыта педагогическому сообществу необходима высокая коммуникативная компетенция в области Smart и Digital технологий.

Внедрение и распространение новейших «умных» технологий должно повысить тягу к освоению новых знаний не только у учащихся школ, студентов вузов, но и у взрослого населения, для того чтобы они могли успешно социализироваться в глобальном сообществе, активизировать процесс самообразования в течение всей жизни. Это дает возможность проводить обучение намного эффективнее и постоянно повышать квалификацию, заложить надежный фундамент в формирование человеческого капитала, как этого требует постоянно развивающаяся современная экономика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов В.И. Парадоксы техногенной культуры [Текст] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. - 2020. - №4. - С. 5-8.
2. Бектурова З.К. Возможности внедрения Smart технологий обучения в школе [Текст] // Международный журнал экспериментального образования. - 2015. - № 7. - С. 125-126.
3. Ерёмин А.П., Крисковец Т.Н., Ксенофонтова А.Н., Леденева А.В., Меркулова Л.В. Образовательные технологии [Электронный ресурс] // Книжные издания. - О.: Экспресс-печать, - 2019 - С. 313. URL: <https://rucont.ru/efd/685275> (дата обращения: 20.09.2021).
4. Завражин А.В. СМАРТ и гуманитарные аспекты преподавания в высшей школе [Текст] // Статистика и Экономика. - 2015. - №3. - С. 6-9.
5. Комлева Н.В. Модели и инструменты инновационного развития образования в открытой информационной среде [Текст] // Монография. - М.: МЭСИ. - 2013. - С. 199-201.
6. Кудрявцева М.Е. Гуманитарные аспекты образования, творчества и свободы личности [Текст] // М. Директ-Медиа. - 2014. - С. 240-243.
7. Ледовских Н.П. Проблемы эволюции современной субкультуры детства [Текст] // Гарантии прав ребенка - безопасность детства: Сборник научных трудов. - М.: Московский городской педагогический университет. - 2018. - С. 99-103.

© Баринов Владимир Иванович (sedriksakson@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ РОССИИ

MODERN CORPORATE CULTURE PRACTICES: RUSSIAN EXPERIENCE

M. Gorsheneva

Summary: The modern culture of an organization contains many aspects that shape its personality and reputation, make it recognizable in the world community. Therefore, the socio-cultural phenomenon of corporate culture in Russian organizations requires special consideration both at the level of specific companies and at the country level. Exploring corporate culture, the author sees in it a reflection of the national culture, its system of values, which are significant not only for the whole society, but also for a specific organization. This work is devoted to the analysis of existing practices of corporate culture, taking into account the specifics of Russian general cultural models. The study revealed the specific features of the corporate culture of Russian organizations, the features of the influence of managers (leaders) on its formation and the main obstacles that slow down the development of leadership potential within the framework of corporate culture.

Keywords: corporate culture, values, leadership, Code of Ethics, ideal corporate culture, real corporate culture, Russian organizations.

Горшенева Маргарита Константиновна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Майкоп
Rita03.94@mail.ru

Аннотация: Современная культура организации содержит множество аспектов, которые формируют ее индивидуальность и репутацию, делают ее узнаваемой в мировом сообществе. Поэтому, социокультурный феномен корпоративной культуры в российских организациях требует специального рассмотрения как на уровне конкретных компаний, так и на уровне страны. Исследуя корпоративную культуру, автор видит в ней отражение общенациональной культуры, ее системы ценностей, которые значимы не только для всего общества, но и для конкретной организации. Данная работа посвящена анализу существующих практик корпоративной культуры с учетом специфики российских общекультурных моделей. В результате исследования выявлены специфические черты корпоративной культуры российских организаций, особенности воздействия руководителей (лидеров) на ее формирование и основные препятствия, замедляющие процесс развития лидерского потенциала в рамках корпоративной культуры.

Ключевые слова: корпоративная культура, ценности, лидерство, Этический кодекс, идеальная корпоративная культура, реальная корпоративная культура, российские организации.

Возрастающая значимость корпоративной культуры в управлении организациями обуславливает актуальность ее исследования. Быстрое развитие информационного общества диктует необходимость транснациональным корпорациям уделять особое внимание росту конкуренции и поиску дополнительных ресурсов в реализации потенциала самих предприятий.

Всё больший интерес тема корпоративной культуры вызывает у специалистов – культурологов в рамках междисциплинарных исследований.

Кроме того, феномены, объединяющие идеи, как ключевые факторы социокультурного динамического развития, становятся предметом специального научного изучения культуры [1]. Именно в данном поле появляется возможность взаимного согласования корпоративности и культуры, а также изучения корпоративной культуры как особого предмета культурологического исследования. Это связано с тезисом, о том, что любые формы объединения социальных групп, любые формы человеческой консолидации, основанные на ценностных основаниях, предполагают корпоративность, но не во всех формах появляется корпоративная культура, которая ограничена, прежде всего, конкретным профес-

сиональным сегментом – границами культуры организации (корпорации) [2].

За рубежом данная проблема изучается с конца XX века. В России она исследуется в разных направлениях научного знания с начала XXI века, когда ученые начинают обращать внимание на корпоративную культуру как на показатель, связанный с экономикой предприятий.

Современная культура организации содержит множество аспектов, которые формируют ее индивидуальность и репутацию, делают ее узнаваемой в мировом сообществе. Поэтому, в российских организациях социокультурный феномен корпоративной культуры требует специального рассмотрения и на уровне конкретных компаний, и на уровне страны.

Зарубежные исследования культуры, определяющей ценности и поведение работников организации, а также деятельность самой организации в обществе представлены С. Гертцем, Э. Петтигрю, С.П. Роббинсом, Д. Сильверманом. Их дополняют работы У. Дункана, Ф. Котлера, М. Мескона, Ф. Хедоури, А. Файоля, отражающие теоретические основы управления организациями, культуру

предпринимательской среды.

В работах отечественных ученых, таких как В.Г. Афанасьев, О.С. Виханский, А.И. Наумов, А.А. Погорадзе, И.В. Романенко, Е.К. Смирницкий, А.С. Зубра, Л.С. Вечер, В.П. Шейнов нет системного подхода, затрагиваются лишь отдельные грани корпоративной культуры.

Поэтому, несмотря на явную актуализацию осмысления корпоративной культуры, дать ей исчерпывающее определение достаточно сложно в связи с междисциплинарностью и многозначностью изучения феномена.

В своем исследовании «Корпоративная культура современного общества» А.В. Аверин подчеркивает, что актуальность проблемы корпоративной культуры в России обусловлена общественными процессами, которые затрагивают не только настоящее, но и будущее. «Устранение командно-административных структур от выполнения властных функций обнаружило слабость, а порой и беспомощность общественных механизмов самоорганизации и самоуправления не только в политической, социальной, культурной сферах, но, что наиболее важно, в экономической...», происходит «...обесценивание важнейших качеств личности, которые пользуются наибольшим спросом в цивилизованном обществе, низкий престиж таких свойств работника, как профессионализм, компетентность, интерес к профессии, исполнение профессионального долга, профессиональное мастерство, творчество, талант.» [3, с.5].

В этой связи особенно важно предупреждение о том, что культура корпоративных отношений в нашей стране не должна копировать опыт западных стран, а создавать свою, российскую систему ценностей в соответствии с культурным прошлым нашей страны, отечественной ментальностью, православной этикой, наработанным опытом «культуры труда» и «культуры производства» [4].

В современном осмыслении изложенных концепций корпоративной культуры ведущую роль в ее исследовании играет ценностно-нормативный подход. Применительно к данному случаю можно использовать ценностно-нормативную трактовку самой культуры, в которой корпоративную культуру мы будем рассматривать «... как сочетание усвоенных, воспроизводимых и транслируемых норм мышления и деятельности и субъективно принятых ценностей, определяющее содержание общественной жизни» [5, с.37]. Тем не менее, корпоративная культура функционирует и развивается в рамках организации, и от ее качества зависит результат осуществления миссии корпорации.

Структура корпоративной культуры представлена следующими компонентами: философией компании, системой ценностей, поведенческими нормами и пра-

вилами, ритуалами, действующими в конкретной организации. Иными словами, корпоративная культура нами рассматривается через систему ценностей, правил, принципов, норм поведения и способов их реализации, которые способствуют формированию, развитию и осуществлению миссии организации.

Одновременно необходимо отметить, что, корпоративная культура находится в постоянной взаимосвязи и взаимном влиянии с культурными универсалиями. Исследуя корпоративную культуру, мы видим в ней отражение общенациональной культуры, ее системы ценностей, которые значимы не только для всего общества, но и для конкретной организации. Постулируя данное утверждение, представим на основе анализа существующих практик специфику корпоративной культуры с учетом российских общекультурных моделей.

Главные особенности корпоративной культуры российских организаций состоят в следующем:

- российская корпоративная культура и деловой этикет отличаются от норм, принятых в других странах, «и это не проблема россиян, а уникальность национального характера [6, с.180-184; 7; 8, с.12]. Это означает, что зарубежный опыт корпоративности не воспринимается в рамках русского менталитета как правильный, он обязательно корректируется и превращается в собственную модель или систему корпоративных ценностей;

— для России ценность внутриколлективных отношений, так называемый корпоративный дух коллектива, важнее вознаграждения за труд, самой деятельности корпорации. Большинство российских сотрудников, воспринимает работу как жизненную цель, а свободное время – как возможность восстановить силы перед новым рабочим днем.

— в России корпоративная культура является символом перехода к рыночным отношениям, она постоянно провозглашается в документах, связанных с устойчивым развитием, но в реальной деятельности потенциал ценностно-смысловой основы корпорации часто не рассматривается руководством как значимый ресурс.

— главной чертой Российской ментальности в фокусе деятельности организаций является некий «дуализм» в поведении, когда с одной стороны персонал компании живет по принципу выживания «каждый сам за себя», но с другой стороны, в условиях неопределенности и внешних вызовов коллектив создает эффективно действующие группы. [8, с. 12].

— в России сложным образом выстраивается карьера сотрудников, так как явный дух лидерства и амбициозность не поддерживается руководством, на ключевые посты расставляются родственни-

ки, либо «свои люди», лояльные руководству, что провоцирует конфликты между соперниками и отсутствие уважительных отношений.

- в российских компаниях процесс взаимодействия с партнерами осуществляется с применением «жестких» схем, когда в ход идет принцип «результат оправдывает все» [6].
- многие отечественные компании грешат слабой дисциплиной, что ведет к задержкам сроков выполнения заданий и снижением качества продукции и услуг.

Однако и в России в настоящее время появляются современные управленцы, открытые новациям. Это поколение предпринимателей, которые имеют новый взгляд на развитие бизнеса и внедряют в своих организациях новую культуру управления. Ценностный смысл этой культуры состоит в поиске новых форм в управлении человеческими ресурсами. Новая корпоративная идеология лидерства ставит человека в центр организации и рассматривает развитие его ценностной основы и творческого потенциала в рамках концепции «корпорация - сообщество».

В культурологии лидерство связывается с отношениями доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе. Согласно определению Ф. Фидлера, лидер — это индивид, перед которым стоит задача руководства и координации групповой деятельностью, кто в случае отсутствия руководителя несет основную ответственность за выполнение работы.

В данном исследовании понятия лидер и руководитель отождествляются, т.е. по-нашему мнению, лидерство, как корпоративный процесс, основывается на результатах, полученных в совместной коллективной деятельности, где непременным условием совместной деятельности является наличие общей цели, ценностей и мотивации, без которых невозможно формирование корпоративности.

Вопросы воздействия руководителей на формирование корпоративной культуры стали объектом отдельного изучения только к концу XX века. Считалось, что руководители в зависимости от собственных убеждений и понимания могут произвольно воздействовать на элементы корпоративной культуры. [9, р. 137].

Например, руководитель влияет на отбор сотрудников при приеме на работу, может влиять на адаптацию и социализацию новых работников и на миссию организации и ее ценности.

После выхода книга Роберта Хауса «Теория харизматического руководства 1976» у исследователей корпо-

ративной культуры зародилась идея об особом стиле лидерства, включающего компоненты символического менеджмента и управления ценностями [10, с.86]. Это была переработка идей Макса Вебера о харизме. Хаус развил эту идею. Он выяснил, что харизма влияет на отношения между лидером и последователями, которые принимают идеи лидера, эмоционально привязаны к нему, испытывают доверие, настроены на выполнение миссии организации, на ее успех, которому они всячески способствуют.

В период конца 1970-х, середины 1980-х гг. понятие «харизматическое лидерство» заменяется понятием «трансформационное лидерство» [11, р.28]. Н. Тичи определил, что такого рода лидерство основывается на передаваемой точке зрения, которая требует формирования определенной системы идей и ценностей для осуществления профессиональной деятельности и должна адекватно восприниматься приверженцами лидера [12, с.81]. В 1990-е г. исследователями была представлена новая парадигма руководства [13, р.14].

Таким образом, были сформирована доказательная база гипотезы о том, что ценностное измерение лидерского потенциала должно соотноситься с ценностями, лежащими в основе корпоративной культуры организации.

Главной задачей корпоративной культуры является создание в организационном пространстве «командного духа», организация команды единомышленников из сотрудников корпорации. В настоящее время социокультурные, экономические и информационные изменения корпоративного пространства привели к тому, что профессиональное пространство системы «человек-профессия» выступает социокультурным профессиональным пространством, а корпоративная культура становится таким пространством для лидерства.

Социокультурное пространство, определяемое системой ценностей, формируется в корпоративных сводах правил, которые называются Этическими (Корпоративными) кодексами. Они определяют этические нормы и правила поведения сотрудников, стандарты деятельности, принципы и обязательства, устанавливающие эффективные взаимоотношения с обществом, партнерами, клиентами, персоналом. Неукоснительное соблюдение данных обязательств и принципов позволяет объединить субъектов корпоративного взаимодействия вокруг философии, ценностей и целей организации.

Анализ корпоративных кодексов крупнейших компаний России показал, что, несмотря на разнообразие, большинство из них универсальны для любых компаний независимо от отраслевой специфики, построены на международных общепринятых стандартах управления

и этических нормах.

Изученные кодексы включают характеристики, разработанные для шести групп лиц: сотрудники, клиенты, инвесторы, конкуренты, партнеры и общество (население). Работа с клиентской группой (клиентоориентированность) стоит в приоритете, с ней связано качество работ, услуг, продукции компании, а также соответствие требованиям нормам здравоохранения и безопасности. Особую роль отводят конфиденциальности информации о клиентах. Для сотрудников важное значение придается соблюдению стандартов охраны труда и здоровья, запрету на проявления дискриминации, уважению человеческого достоинства, соблюдению прав человека, обеспечению равных условий приема на работу.

В данных корпоративных кодексах представлена «идеальная» модель корпоративной культуры, которая построена на определенных базовых принципах. В авторском исследовании 15 крупнейших российских компаний были выделены семь базовых принципов, которым должна соответствовать идеальная корпоративная культура компании:

1. Доверие (сотрудники призваны оправдывать доверие, которым наделены со стороны компании);
2. Корпоративная социальная ответственность (соблюдение существующих законодательных и нормативных актов);
3. Приверженность провозглашенным нормам и правилам, взятым обязательствам;
4. Уважение прав собственности;
5. Прозрачность предоставляемой информации о компании;
6. Справедливость;
7. Совместная работа компании со всеми заинтересованными сторонами.

Идеальная (декларируемая) корпоративная культура выступает референтной ценностной основой для реальной корпоративной культуры, построенной на доминантных ценностях организации текущего момента времени. Реальная корпоративная культура может выступать сильной или слабой, в зависимости от преобладания в организации ценностей близких к идеальной культуре [14].

Ценностные ориентиры, на основании которых лидер выстраивает свою деятельность, связывают внутренний мир лидера с корпоративной культурой, которая выступает в данном качестве как смысловая система, передаваемая путем языка и других символических средств. В случае согласования декларируемых в корпоративных документах идеальных ценностных систем лидера и сотрудников, возможно рассогласование в их реальных внутренних ценностных представлениях (глубинной культуре), что приводит к снижению результативности организации. Включение в оценку поведения лидера культурно-ценностного измерения позволяет приблизить эффективность лидерства к реалиям корпоративной деятельности.

Анализируя особенности развития лидерства в российских компаниях, выделим те из них, которые замедляют данный процесс:

- приоритет личных отношений над профессиональными (личных связей, противоречащих профессиональным требованиям);
- неумение работать в команде;
- тотальный контроль за сотрудниками, препятствующий делегированию полномочий.

Российским компаниям необходимо как можно раньше осознать, основные препятствия, тормозящие развитие лидерства, тогда и процесс развития лидерского потенциала в рамках корпоративной культуры у них будет проходить гораздо эффективнее.

Подводя итог исследованию, необходимо отметить, что национальная модель корпоративного управления России, находится в стадии становления, трансформационные корпоративные процессы и нововведения носят декларативный характер и не связаны с реальной корпоративной культурой.

Правильно построенная система корпоративного лидерства, основанная на культурно-ценностном подходе, позволяет создавать в условиях неопределенности базу для развития компаний, выступая гарантом финансовой прозрачности и подотчетности компании для инвесторов.

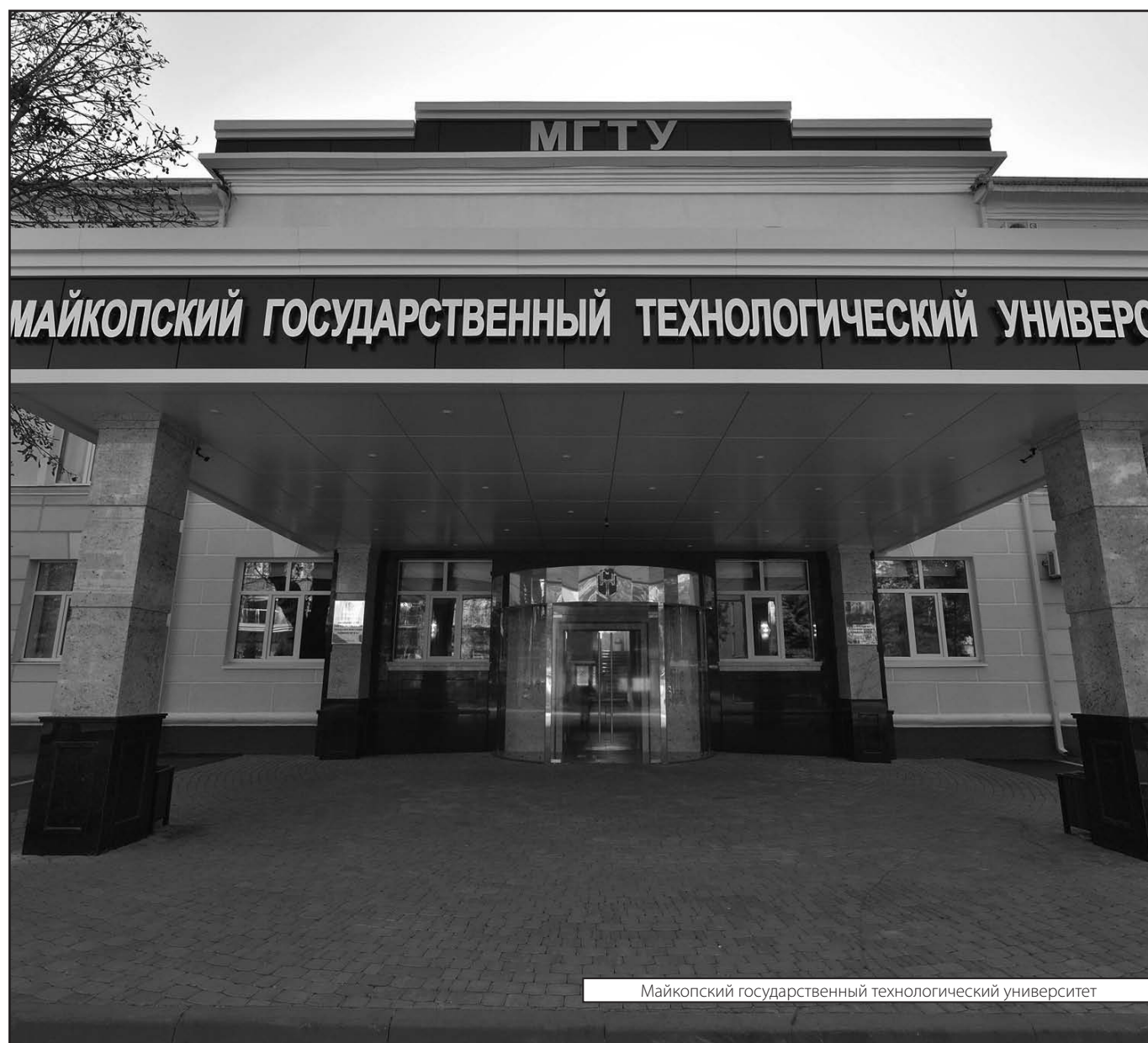
ЛИТЕРАТУРА

1. Зубанова Л.Б. Объединяющие идеи как фактор социокультурной динамики: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 - Челябинск.-2002. - 177с.
2. Цукерман Г.В. Корпоративность как объект культурологического осмысления: к постановке проблемы//Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. -2016. - № 2 (46). - С. 60-68.
3. Аверин А.В. Корпоративная культура современного общества: дис. ... канд. филос. наук.: 09.00.13.- Ставрополь.- 2006. - С. 5.
4. Кузичев С.В. Корпоративная культура как социокультурный феномен: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 - М.- 2004. - 150 с.
5. Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего. - Челябинск: Энциклопедия.- 2011. - 288 с.

6. Алексеев А.С., Пантелеев С.С., Голодаев Д.М., Савина А.О., Крыжевская С.И., Васина А.В. Особенности современного российского стиля управления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016.- Т. 43. - С. 180-184. - URL: <http://e-koncept.ru/2016/76446.htm>;
7. Бадмаева С.В., Тимофеева Е.К. Влияние «российского менталитета» на стиль российского менеджмента // Психологическая наука и образование.- № 5.- 2010.- С. 68-76.
8. Прохоров А.П. Русская модель управления. - М.: Эксмо.- 2009.- 384с.
9. Francesco A.M., Gold V.A. International Organizational Behavior. PrenticeHall, 1998.
10. Маничев С.А., Маничева Л.Г. Организационная культура как контекст менеджмента// Петербургский психологический журнал.- 2013.-№5.- с.73-98.
11. Bass B.M. Leadership and performance beyond expectations. New York: FreePress.1985.
12. Тичи Н., Деванна М.А. Лидеры реорганизации: (Из опыта американских корпораций): Сокр. пер. с англ./ Науч. ред. и авт. предисл. Н.А. Климов. – М.: Экономика, 1990.
13. Bryman A. Charisma and social structure. A study of love and power. London: Sage. 1992.
14. Занковский А.Н. Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.03-М.- 2012. - 47 с.

© Горшенева Маргарита Константиновна (Rita03.94@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВЕНКИЙСКИЙ ТАНЕЦ КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДА

Сидорова Анастасия Марковна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Арктический
государственный институт культуры и искусств»
nastagiki8@mail.ru

EVENK DANCE AS A MEANS OF BROADCASTING THE SPIRITUAL VALUES OF THE PEOPLE

A. Sidorova

Summary: In this article we will consider the rituals and customs of the Evenki. Traditional and play dances in the context of the rite. Spiritual - practical unity embraces customs and their ideological, mental content of the Evenki into an inseparable whole. The concept of the traditional culture of the Evenki is analyzed.

Keywords: rituals, customs, tradition, ancestral legends, traditional dances, game dances.

Аннотация: В статье рассматриваются обряды и обычаи эвенков. Традиционные и игровые танцы в контексте обряда. Духовно-практическое единство, которое овладевает в неразделимое целое обычаи и их мировоззренческое содержание эвенков. Анализируется понятие традиционной культуры эвенков.

Ключевые слова: обряды, обычаи, традиция, родовые предания, традиционные танцы, игровые танцы.

Укоренных малочисленных народов севера издавна бытуют традиции песенно-танцевального искусства, не исключением является и эвенкийская культура. Они переданы в виде различных родовых песен и хороводных танцев, где каждый этнос несет свою типологию и фольклор песни и танцев. В данной же статье рассматривается песенно-танцевальное искусство эвенков, его истоки, значение и место в традиционном эвенкийском мировоззрении.

С давних пор ежегодные празднества, в пору, когда пробуждается природа у эвенков существовало традиция устраивать встречи, которые помогали и давали возможность обмена информацией и общения кочевых семей. Такие встречи эвенкам из различных местностей помогали осознанию общности интересов, помогали развитию духа и взаимопомощи, укреплению разных родов. На определенном условленном месте, после зимнего кочевания в начале лета и зародилась важная роль национальных праздников эвенков как икэнипкэ, бакалдын.

Огромный культурно – созидательный смысл несли в себе обряды и обычаи в ходе подготовке к главному празднику эвенков Икэнипкэ. Обряд и обычаи заключали в себя не только песню, но и танцевальное искусство из которых получалось полноценное театрализованное представление, в виде различных обрядов вытекающих друг от друга. Но в то же время содержащих весь смысл и каноны определенных традиций коренных малочисленных народов севера. Одним из не мало важных событий при таких встречах это были народные сказки, нимгакан, родовые предания и легенды. Из чего и зарождались

представления о мире, о других народах, где именно принимали и учились опыту получая различные знания молодое поколение и мудрость жизни. Не надо так же и забывать о спортивных состязаниях родовых племен, национальных традиционных играх эвенков.

Ведь национальные традиционные игры, традиционные обряды, обычаи, празднества, дают той или иной характер, который делает их особенными. Скрыта в этом и смысл в том, чтобы молодое поколение обучалось и воспитывалось для кочевой жизни отлично знающим и оберегающим природу. Молодое поколение, хорошо усвоив такую жизненную науку, обязано стать продолжателем рода эвенков и передавать эстафету будущим поколениям. Старейшины родов, собравшись вместе, исполняли песни на различные темы, например, о зиме, весне, лете и осени. В своих песнях эвенки воспевали красоту родного края, его природу. Пели о том, что земля – это дом человека, и человек должен передать его будущим поколениям в таком виде, каким он был создан.

Ведь природа для эвенка – это все. Для формирования нравственных ценностей настоящий эвенк должен слушать природу, ставь мудрым оленеводом и охотником он становится полезным семье и всему роду. Вот такой всеобъемлющий смысл вкладывали эвенки в понятие природа.

Человеку, не знающему эвенкийский язык, трудно понять, от чего трижды меняется настроение танца. Философия бытия эвенков как раз в смене ритма и заключалась. Традиционные танцы по натуре у эвенков – это раздумье о значении жизни, о триумфе справедливости,

о необходимости неустанного поиска в мироздании счастья, изобилия в песне и в танце эвенков – описание природы.

В долгие зимние вечера предки объясняли детям значение движений традиционных танцев и слова традиционных песен. В трудные минуты жизни молодой эвенк должен был твердо знать значение заповедей, которые должны ему помочь справиться с трудностями, стать еще сильнее духовно одолевая противника и избежать поражения. Психологические педагогические, народные мудрости содержат в себе традиционно песенно-танцевальное искусство.

Нет человека вне природы, человек – частица природы, природа есть внутри каждого, и поэтому эвенк должен воспитать себя как упорного, но в то же время понимающего законы природы, и человека, любящего ее. Если эвенк будет ленивым, безвольным, не знающим законов природы и не уважающим сородичей, то он не сможет стать полноправным членом коллектива, не сможет жить в условиях кочевой жизни, также он никогда не станет охотником. Молодой человек должен вобрать в себя все премудрости, советы и традиции старших поколений для того, чтоб стать настоящим человеком, нужным для кочевой, суровой, но прекрасной жизни среди первозданной земли, которая породила всех людей, зверей, рыб, насекомых и которая дала нам жизнь. И он должен стать гордостью рода своими высоко нравственными качествами.

Только в случае объединения эвенки могли выстоять в суровых условиях севера и сохранить себя как народ. Они воссоздают лики окружающего мира таким, как есть в реальной жизни. Они являются примером богатства языка, его беспредельности во времени и пространстве. Нимгакан – это эпос эвенков, его истоки уходят в глубокую древность. Это способ передачи традиций и обычаев предков будущим поколениям. Беспрерывность передачи традиций и обычаев эвенков через нимгакан зависит от воспитания и степени усвоения нравственных ценностей.

Чтобы защитит свой народ, его язык и культуру, веру в дальнейшее развитие у каждого коренного малочисленного народа севера должно быть мужество в беспощадной борьбе с силами природы, чтобы суметь сбечь себя как народ с самобытной культурой. В борьбе у эвенков на веру в дальнейшее развитие опирались на народные традиционные танцы и песни как на испытанную систему.

Задача заключается в возрождении эвенкийских национальных традиций и обычаев. Ведь коренным малочисленным народам севера традиции и обычаи еще важнее и нужнее, только благодаря им, мы может сохранить

себя как народ. Сегодня нужно духовное возрождение народа, в этом заключается самое важное, чтобы молодежь имела четкие нравственные ориентиры.

В традиционном миропонимании эвенков преобладающим выступает мир рождения, взросления, увядания, смерти – как весь жизненный цикл природы и человека. Единство и тождество природы и человека проявляется в том, что связи между ними строятся на основе взаимодействий и восстанавливая таким образом равновесие. У эвенков, как и у других народов севера, олицетворение и персонификация природы – важнейшее в традиционном мировоззрении, и оно также проявление экологической культуры эвенков. Традиционные танцы и песни как отражение мировоззрения эвенков сумело представить наиболее общие черты и способы давнего восприятия окружающего мира, а также воспроизведение этой системы в поведенческом комплексе.

У эвенков продолжением человека, его воплощением как звуки и слова мыслятся живыми и действительными – это результат человеческого творчества. Большинство своей истории человечество провело именно в традиционном обществе. Традиционное общество – это наиболее длительная из трех стадий развития человеческого общества, ее история насчитывает тысячи лет. [4, С.59].

Система социализации, где важнейшим отличительным качеством в традиционном обществе является бесспорно семейно-общинный строй, как способ трансляции. Духовно-практическое единство же, которое охватывает в неделимое целое обычаи, их ментальность, их идейное содержание коренных малочисленных народов можно отнести к традиционным.

К традиционной культуре обращение является на удивление важным и эвристически актуальным, потому что длительное время отношение ко всему традиционному было несколько пренебрежительным и поверхностным, в частности к традиционной культуре эвенков как к примитивному явлению, которое постепенно исчезает. Но в наше время ситуация в гуманитарном знании начинает кардинально изменяться, некоторые современные авторы отмечают ее реанимацию в эпоху постмодерна.

К традиционной культуре корректно относить культуру подобных обществ, в которых традиция анализируется как единственный результативный механизм воссоздания социальных институтов и норм, где содействие последних доказывается и узаконивается самим фактом их существования в прошлом. При этих обстоятельствах традицию отличают такие особенности как стойкость, повторяемость, многозначительность, выборочность, относительно культурного наследия, направленность на

мотивационное поведение человека и тому подобное.

У эвенков одной из основных функций является утверждение определенной картины мира. В рамках данного выхода свое понимание традиционной культуры высказывает А.В. Захаров-традиционная культура, считает он, имеет место тогда, когда современность «интерпретируется, оценивается, легитимируется сквозь «призму» прошлого, когда прошлое делается исходной точкой для понимания настоящего» [1. С.108].

Совокупность материальных и духовных ценностей, которые охватывают все стороны деятельности и жизни этноса является наиболее общим определением традиционной культуры коренных малочисленных народов. Традиционными ценностями рождаются те элементы культурного и социального наследия, которые переда-

ются из поколения в поколение, и сохраняются в жизнедеятельности народа в течение продолжительного времени.

Традиционная народная культура прошлого, с уверенностью можно сказать, что она-универсальна. Она устанавливает и нормирует все аспекты жизнедеятельности общины как уклад жизни, как формы хозяйственной деятельности, обычаи и обряды.

Символическое выражение традиции включает в себя верование, мир, поверья, знание языка и фольклора, социальные взаимоотношения членов сообщества, тип семьи, питания, одежды, воспитание детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, отношения людей с природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров А. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – С. 108
2. Нилов В.Н. Традиционная хореография коренных народов Севера и Дальнего Востока // Фольклор палеоазиатских народов, Якутск: ИПМНС СО РАН, 2005.
3. Нилов В. Н. Северный танец. Традиции и современность. - 2-е изд., доп. - М.: Северные просторы, 2005.
4. Флоренская В. Единство человека и природы в традиционном обществе // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т.65. - №3. – С. 59
5. Сказания восточных эвенков. / Сост. Варламова Г.И., Варламов А.Н.; Отв. ред. А.Н. Мыреева. – Якутск: ЯФ ГУ, Изд-во СО РАН, 2004.

© Сидорова Анастасия Марковна (nastagiki8@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПАНСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР И ЖАНР ЧИКО КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ САРСУЭЛЫ

Хаменок Вера Ивановна

К.филол.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова), доцент, Московский
государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке
verakhamenok@gmail.com

SPANISH MUSICAL THEATER AND GENERO CHICO AS A PARTICULAR TYPE OF ZARZUELA

V. Khamenok

Summary: **The purpose** of the article is to trace the development process of genero chico. **A scientific novelty** of a given research is associated with poor elaboration of the topic in Russian. By studying a particular aspect of the genre's history, the author demonstrates certain characteristics of minor genres forming part of it and having far more fine subdivision. The author addresses the issues of scenography, personality of actor, composer and librettist. **As a result**, it becomes apparent that genero chico, included in a bigger genre of zarzuela, is heterogeneous by its nature. Moreover, she gives a reader an opportunity to have a better understanding of its functioning in cultural and historical context, as the appearance of chico is directly related to the emergence of a new system which includes: librettist, composer, scenographer, actor and, finally, audience.

Keywords: zarzuela, género chico, teatro por horas, Spanish musical theatre, Teatro Apolo.

Аннотация: **Цель** статьи – проследить процесс развития жанра чико. **Научная новизна** статьи обусловлена слабой разработанностью темы на русском языке. Исследуя отдельный аспект истории жанра, автор демонстрирует некоторые черты входящих в него субжанров, имеющих, в свою очередь, еще более мелкое дробление; обращается к вопросам сценографии, личности актера, композитора и либреттиста. **В результате**, становится очевидным, насколько жанр чико, вписанный в более крупный жанр сарсуэлы, гетерогенен по своей природе, а также появляется возможность приблизиться к пониманию его функционирования в культурно-историческом контексте, поскольку появление чико напрямую связано с возникновением новой системы, в которую входят: либреттист, композитор, сценограф, артист и, наконец, зритель.

Ключевые слова: сарсуэла, жанр чико, театр по часам, испанский музыкальный театр, театр Аполо.

Введение

Испанская культура – явление, вызывающее неизменный интерес русских искусствоведов и людей, не имеющих к искусству и науке отношения. Тем не менее, испанский музыкальный театр (в отличие от драматического) до сих пор остается чем-то неизведанным и оттого еще более манящим. **Актуальность** текущего исследования состоит в том, что жанр чико оказывается еще менее изученным, чем сарсуэла, о которой на русском языке литературы практически нет, тогда как испаноязычный мир считает сарсуэлу своим культурным достоянием наряду с фламенко и творческим наследием знаменитых композиторов-испанцев: И. Альбениса, П. де Сарасате, М. де Фалья и многих других. И если музыка из сарсуэл постепенно становится известной слушателю на постсоветском пространстве (нередко – безотносительно к жанру), то исторические аспекты ее становления и жанровое многообразие в синтетической форме, включающей в себя драматический текст и сценическую постановку, нередко оказываются за кадром.

Важнейшие **задача** данной статьи – определение дифференциальных признаков жанра чико в рамках сарсуэлы в процессе его развития и всем разнообразии.

Кроме того, назрела необходимость популяризации сарсуэлы в русскоязычном искусствоведении, поскольку до настоящего времени за ней закрепился статус жанра второстепенного значения и такого же качества, связанный не столько с истинным положением вещей, сколько с недостаточной его изученностью. Вдумчивое изучение источников на испанском языке, включающих в себя не только собственно нотные тексты, но и обширный пласт материалов социокультурной направленности, позволило бы сформировать менее предвзятое и подкрепленное массивом работ зарубежных исследователей мнение.

Действительно, использование литературоведческих и музыковедческих **методов исследования**, а также опора на **теоретическую базу** указанных дисциплин представляют возможность изучения жанра чико с разных сторон. Так, Р. Альер [2], Э. Касарес Родисо [4], Ф. Доменеч Рико [10], С. Салаун [11] и М. Сурита [12] рассматривают процесс становления сарсуэлы и наиболее яркие примеры произведений, А. Пенья-и-Гоньи [9] и Э. Касарес Родисо [5] ставят перед собой задачу определения дифференциальных признаков жанра, проводящих между ним и оперой четкую черту, тогда как Х.М. Леса [8] обращается к сарсуэле в контексте развития

музыкального искусства, а Л. Иберни [7] в большей степени интересуется реализация жанра чико в творчестве Р. Чапи. Научные изыскания М. дель Кармен Бобес Навес о сценографии также следует принимать во внимание в связи с театральной природой изучаемого жанра. Работа с оригинальными изданиями на испанском языке позволяет создать для русскоязычного читателя подмалевки картины, изображающей культурно-исторический процесс в Мадриде конца XIX-начала XX века.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что материалы статьи могут войти в лекционный и/или практический курс по истории зарубежной музыки и испанского музыкального театра. Кроме того, данная статья может быть полезна режиссерам и актерам в ходе постановки произведений чико на сценах российских театров.

Жанр чико, определяемый в переводе с испанского как «малый», в чистом виде зародился в Мадриде с появлением «ла Глориоса» в 1868 году и, по мнению Ф. Доменеч Рико, полностью исчез в 1929 году, с закрытием Театра Аполло [10; p.11], хотя уже с 1910 года начался период постепенного спада популярности жанра. Фактически время развития чико совпало с периодом революции (1868-1874), а также Реставрации бурбонской монархии.

Распространено мнение о том, что во время Реставрации сформировался социум, который понимал, принимал и оказывал значительное влияние на формирование жанра чико. Действительно, в это время экономический рост был если не стремительным, то довольно стабильным. По сравнению с другими европейскими столицами, Мадрид был довольно небольшим. Так, в начале XX века его населяло порядка 540 тысяч человек. Тот факт, что столица Испании уже отошла от чисто вспомогательной функции для двора, все еще не позволял отнести ее к индустриально развитым городам. Основными направлениями деятельности маленьких организаций Мадрида было производство товаров первой необходимости для среднего класса и предметов роскоши для состоятельных людей. При всем этом, электричество появляется в Мадриде лишь в 1899 году благодаря запуску электростанции.

Эмигранты постепенно переезжают в Мадрид, однако их занятия лишь опосредованно связаны с нарождающейся индустриализацией. Так, 20% работающих были заняты в качестве домашнего персонала. Другая, однако не менее значительная, часть работников была связана с типографским и издательским делом, которое в тот момент переживало период бурного роста. Самые свежие политические новости можно было узнать из таких газет, как: «La correspondencia de España», «El Imparcial», «El Liberal», «La Época», «La Iberia», «El País», «El Globo» и других. Испанская столица начала XX века активно пре-

вращалась в город публицистов и литераторов.

Изменение государственного устройства привело к появлению клерков и госслужащих. Средний класс состоял из военных, владельцев небольших лавок, публицистов и так далее. Именно из этой среды выходили литераторы, относящиеся к так называемому «серебряному поколению» Испании. Однако таким людям нужна была столица, которая бы соответствовала грядущему величию нации. Наиболее радикально настроенные деятели призывали к изменениям на глубинном уровне, тогда как другие довольствовались бы незначительными переменами. Однако между замыслом и реализацией некоторых амбициозных планов, как в случае с проспектом Гран Виа, могло пройти более двадцати лет (замысел относится к 1886 году, начало постройки – к 1910).

Не следует, однако, полагать, что страна легко проходила эпоху трансформации, – в начале XX века жители нередко выходили на улицы Мадрида для защиты своих прав и свобод. Тем не менее, мадридцы желали не только хлеба, но и зрелищ, потому что уставали от постоянной политической борьбы. Бой быков, современная литература, ночной образ жизни и страсть к театру, – вот характерные развлечения в столице того времени.

Жанр чико превосходно отвечал требованиям мадридской публики рубежа веков. В отличие от прочих одноактных сарсуэл, которые создавались и ранее, сарсуэлы чико изначально были ориентированы на показ в театре по часам (teatro por horas). Эта форма, совершенно новая для Испании, обрела огромную популярность. Кафе-театры, пришедшие из Франции, прижились на мадридской почве. Театр по часам – театральный жанр с произведениями небольшой продолжительности, преимущественно существовавший в конце XIX – начале XX вв. Это были произведения с довольно скудным сценическим решением, иногда включающие в себя музыку. От первоначальных пьес с костюмбристской ориентацией авторы перешли к разработке с каждым разом все более вульгарных тем. Публика узнавала себя в героях одноактных сарсуэл, что, вполне естественно, способствовало наполняемости залов.

Тем не менее, жанр чико не был гомогенным по своей природе. Даже такое явление имело два различных направления: одно из них ориентировалось на традиции парижских комиков, другое брало истоки из сарсуэлы и комической оперы в варианте, предложенном Барбьери.

Цена на входные билеты была очень низкой, однако даже при этом в стоимость входило питание, и в течение дня можно было посетить несколько представлений. Театр по часам также назывался «театром по отделениям» (teatro por secciones) и стал точкой наивысшего расцвета

жанра чико наряду с «театром стиха» (teatro de verso).

По мнению Ф.А. Варелы, появление театра по часам коренным образом изменило восприятие сценического действия. Несмотря на то, что эта разновидность испанского театра вновь была имитацией парижских «кафе-концертов», ей был присущ свой, испанский, колорит.

Первыми создателями театра по часам были три актера, пользовавшихся популярностью публики: Хосе Вайес, Антонио Рикельме, Хуан Хосе Лухан. Они придумали такой театральный формат, при котором за вечер показывалось четыре произведения, и каждое из них длилось в пределах часа. В этом театре зрители получали кофе и небольшую закуску, однако основным блюдом всегда оставалось сценическое действие. Кроме того, что низкая цена позволяла сделать театр более доступным, тот факт, что зрители не находились весь вечер на представлении, давал им возможность продолжать выполнять многие другие дела. Например, работать.

Система впервые была опробована в кафе Эль Рекрео на улице ла Флор баха. Успех нового типа театра был настолько большим, что уже очень скоро это кафе перестало вмещать всех желающих. Переезд в Театро Вариедадес был осуществлен к сезону 1868-1869 годов. Новая компания, реализовавшая замысел, была вполне достойного уровня.

В том же театральном сезоне группа других актеров обосновалась в эль Театро сирко де Пауль, затем переименованном в Театро Лопе де Руэда. Как можно видеть, в названии заложена отсылка к Лопе де Руэда, создававшему пасос (современник мог бы их считать интермедиями). К этому формату обращался, а также Мигель де Сервантес Сааведра, что свидетельствует в пользу предположения о преемственности жанра чико и глубинных связях не только с немецкой опереттой, но и настоящей, большой испанской литературой. Основной задачей, которую ставили перед собой основатели театра, было обрести компактную форму, доступную широкому кругу зрителей, комедийную составляющую, а также перехватить инициативу у первооткрывателей нового-старого испанского жанра.

После появления второго театра в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX века новая система начинает применяться в многочисленных театрах и кафе, часть которых создается «с нуля», тогда как другие лишь меняют направление своей деятельности.

Наиболее значимым и знаменитым в контексте развития жанра чико был театр Аполо, созданный 24 ноября 1873 года. Его основатели стремились к тому, чтобы завоевать статус наиболее эlegantного театра столицы. Однако Аполо отличался также большой вместительностью (в зрительном зале было 1093 кресла, а также

36 балконов на трех ярусах) и технической оснащенностью, что фактически позволяло ему конкурировать с королевским театром Мадрида. Белокаменный красавец Аполо с великолепной входной группой с гордостью распахивал свои двери для многочисленных зрителей. Вестибюль театра Аполо стал местом притяжения для испанского бомонда, а люди попроще приходили глядеть на блистательную публику.

Сессией, пользующейся наибольшей популярностью, была четвертая, самая поздняя. Она начиналась в полночь, однако уже за полчаса до нее в вестибюле театра и возле него было не протолкнуться. Значительная часть состоятельных зрителей приезжала не только и не столько ради представления, подготовленного артистами, сколько для того, чтобы показать себя.

Все это, а также близость к географическому центру Мадрида, привело к тому, что Аполо на долгие годы стал центром ночной жизни испанской столицы. Важно отметить, что Театр Аполо изначально планировался в качестве театра с более академичным репертуаром, также называемого «театром стиха», в 70-е годы на его сцене можно было увидеть даже итальянские оперы. Тем не менее, публика жаждала иного, классический музыкальный театр в Мадриде уже работал, и не считаться с ним было нельзя.

Аполо стремительно шел к упадку, несмотря на все свое величие. Театр по часам стал для него не просто спасением, но истинным Ренессансом. Так, перейдя на новые рельсы в 1879-80 годах, Аполо очень быстро не только сравнялся по популярности с театрами, специализирующимися на чико, но и с легкостью превзошел их. Уровень произведений, появившихся на сцене Аполо («Вербена де Палома», «Бунтарка», «Вода, кусочки сахара и настойка»), всячески способствовал тому, что к названию этого театра очень быстро стали добавлять определение – «храм жанра чико» [6].

Появление театров по часам, с одной стороны, привело к большей популярности одноактных произведений, но, в то же время, выявило острую нехватку соответствующего репертуара. Показывать ежедневно одни и те же сарсуэлы не представлялось возможным, следовательно, требовалось поставить процесс создания одноактных произведений на поток. Вполне естественно, что общий уровень жанра существенно снизился. В ход шло все: интермедии, одноактные сарсуэлы, сайнете, комические хугете, пародии, новые произведения, старые... Первый репертуарный список Вайеса, Рикельме и Лухана включал такие произведения: «Жена артиста», «Упорство девочки», «Ничего общего с дьяволом», «Намерение женщины», «Случайный муж», «Дебют артиста», «Два слепца», «Возвращение корсара», «Дамы Камелии» и другие.

Высочайший спрос на репертуарные произведения породил целую плеяду либреттистов и композиторов. Примечательно, что значительная часть литераторов относилась к группе либерально настроенных публицистов. В качестве примера можно привести Хосе Лопеса Сильву, Томаса Лусенью, Фелипе Переса и Гонсалес, Сельсо Лусио, Рикардо Монастерио, Сальвадора Гранекс, Си-несио Дельгадо, Хосе Перес Суньигу и многих других.

Производство фактически шло «с колес»: то, что могло быть интересно публике, практически сразу после написания ставилось на сцене. Вполне предсказуемо, что рубеж XIX и XX веков вновь стал временем подъема сарсуэлы, приобретшего невиданный ранее размах.

Изначально чико имел название, полностью отражавшее содержание и продолжительность произведений, входящих в него, однако шаг за шагом развитие жанра приводит к тому, что начинает ставиться знак равенства между «чико» и определениями «незначительный», даже «глупый».

Тем не менее, чико, подобно матрешке, включает в себя еще более мелкие субжанры: сайнете, также называемый пасильо (pasillo), журнал (revista), комический хугете (juguete), сарсуэлу, пародию, комедию, оперетту. И все же дробление идет еще дальше. Так, комедии могут быть лирическими, драматическими, хугете – комическими или комико-лирическими.

Сайнете был одним из самых востребованных и популярных субжанров в рамках чико. Сохранив отдельные черты, присущие ему с XVIII века, сайнете в семействе чико во многом обязан Рамону де ла Крусу и костюмбризму XIX века.

По мнению Ф.Д. Рико, сайнете чико – исключительно мадридское явление, наряду с сарсуэлой [10; p.11]. Характерными чертами мадридской сарсуэлы было то, что она всегда сохраняла связи с региональными мотивами, как на музыкальном, так и сюжетном уровнях.

Журнал – крайне своеобразный жанр, существовавший в пределах чико, не имевший, однако, развития в XX веке. Основной ориентацией журнала было изображение происходящего в обыденной жизни. Журнал – своеобразный способ переосмысления рутинного через сценическое действие.

С 80-х годов XIX века журналы преимущественно посвящались критике испанского жизнеустройства. Произведения такого рода были щедро сдобрены политической сатирой. Один из ярких примеров – «Год всмятку» Рикардо де ла Вега (1888).

Комический хугете, в свою очередь, берет свои исто-

ки из французского музыкального искусства. Точнее, из водевилей. В нем нет налета костюмбризма, жизнь низших слоев общества не входит в сферу его интересов. Любовь представителей среднего класса со всеми ее коллизиями – вот что по-настоящему важно в комических хугете.

Одноактная сарсуэла – жемчужина в ожерелье чико. Сарсуэла этого времени восходит к большим сарсуэлам начала XIX века. Они не становятся исключением из общего правила, поскольку также имеют свои подвиды: народно-комические, комико-исторические, мелодраматические и так далее. В сущности, сарсуэла довольно слабо отличалась от сайнете, кроме того, сарсуэлами нередко называли почти все испанские театральные произведения, содержавшие и музыкальные, и драматические номера.

Пародия была одним из наиболее популярных субжанров в рамках чико. Их востребованность привела к появлению композиторов, специализирующихся на создании именно этого типа произведений. В качестве примера можно привести имя Сальвадора Гранеса. Некоторые его пародии пользовались тем же успехом, что «Вербена де Палома».

Оперетты появились раньше, чем чико, прибыв в Испанию из Франции, где влияние Оффенбаха было очень сильным. История развития испанской оперетты связана с мадридскими комиками, о которых автор статьи публикует отдельное исследование. Оперетта, пожалуй, была наименее востребованным субжанром в рамках чико. Вероятно, потому что в ней было слишком мало национального, испанского.

Признаком роста влияния жанра чико было то, что некоторые вокальные части из субжанров начинали исполняться отдельно, а драматический текст мог уходить в народ в виде крылатых выражений.

Сценография театра по часам заслуживает отдельного рассмотрения. Действительно, формат, при котором декорации и реквизит менялись не менее четырех раз за вечер, требовал от сценографов и артистов недюжинной изобретательности. В то же время, театр по часам во многом предвосхитил бруковское «пустое пространство», поскольку сама ситуация вынуждала театральных деятелей избирать предельно функциональное предметное наполнение спектакля. Театр Аполо, впрочем, имел гораздо больше возможностей для того, чтобы поразить воображение публики. Однако он стоит особняком.

Ана Ариас де Коссио в своем исследовании обращается к изучению оперной сценографии в Мадриде XIX века и сообщает, что постановки в придворном окруже-

нии Мадрида значительно отличались от тех, которые можно было увидеть в Барселоне, поскольку в каталонском городе сценография создавалась с большей ориентацией на итальянские и французские образцы [5; p.283].

Мадридский вариант сценографии XIX века не пользовался таким престижем, как это было в Севилье, Сарагосе и Валенсии. Своеобразным источником сценографических идей в Испании была Барселона. Именно оттуда приезжали наиболее востребованные сценографы.

Артисты оказывались в центре событий, но, с одной стороны, аскетичная сценография принуждала их к более высокому уровню актерского мастерства; с другой стороны, именно многочисленные постановки, создававшие пестрый калейдоскоп картинок и действующих лиц, не позволяли актерам глубоко проникнуть в мотивацию персонажей, выстроить образ и даже качественно разучить произведения.

Существенную роль в успешном или, наоборот, провальном показе сарсуэлы играли актеры. Так, Антонио Мартин Морено призывает считаться со значением актеров уже в XVIII веке. По его мнению, эти люди оказывали существенное влияние на жизнь современников [8; p.410]. В конце века актеры начинают диктовать моду представителям аристократии. Особой властью обладали актрисы. Среди наиболее влиятельных особ XVIII века, задавших высочайшую планку артистам последующих столетий, можно назвать следующих: Мария Ладвенант (более известная под псевдонимом Ла Лавенана), Мария Антония Вайехо Фернандес (Ла Карамба), Мария дель Росарио Фернандес (Ла Тирана). По мнению Сельсы Алонсо, одним из наиболее ярких певцов XIX века был выходец из Гранады, Франсиско Йероа и Салас (1812 – 1875).

Однако спрос на чико был большим, и далеко не все актеры были так хороши на сцене, как культовые личности XVIII и XIX веков. Планка требований к вокальному мастерству также постоянно снижалась.

Вполне предсказуемо, что весь комплекс перечисленных проблем, с которыми сталкивались театры по часам, способствовал снижению его авторитета, что не могло не сказаться и на имидже одноактных сарсуэл. В сущности, и среди наших современников довольно распространено мнение относительно невысокого качества сарсуэл в целом, что привело к недостаточной изученности жанра в русскоязычной музыковедческой литературе.

Были, однако, и в XIX веке у чико не только хулители, но и защитники. Среди них Хосе Иксарт. В качестве аргументов в пользу чико он приводил тот факт, что чико слишком долго для ничего не значащего жанра пользовался популярностью публики. Кроме того, одним из очевидных его достоинств критик считал «абсолютную объективность испанского сценического представления» [10; p.28], которая сохранилась лишь в сайнете.

Период бурного роста чико подошел к концу в 1910 году, с которого начался спад популярности жанра, завершившийся закрытием Аполо в 1929 году. То, что двери театра закрыли, стало символом ухода целой эпохи, продлившейся более полувека. Жанр чико погрузился в летаргический сон.

Выводы

Итак, жанр чико, вбирающий в себя многочисленные субжанры, переживал на рубеже XIX-XX веков период бурного расцвета, что было напрямую связано с развитием индустриализации и ростом городского населения. Несмотря на довольно пренебрежительное отношение некоторых русских искусствоведов к сарсуэле, следует отметить: жанр чико опирается на многовековую историю, восходящую к немецким, французским и итальянским образцам, а также к пасос Лопе де Руэда и интермедиям Мигеля де Сервантеса, что свидетельствует об особой его значимости для испанской культуры и необходимости более пристального его изучения в русскоязычном искусствоведческом сообществе в рамках дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Alier R. La zarzuela. Editorial: MA NON TROPPO, 2002. 502 p.
- Bobes Naves M. del Carmen. Semiótica de la escena. Análisis comparativo de los espacios dramáticos en el teatro europeo. Madrid: Arco/Libros, 2001. 583 p.
- Casares Rodicio E. Diccionario de la zarzuela. España e Hispanoamérica (en 2 volúmenes). Madrid: Instituto Complutense de Ciencias Musicales (ICCMU), 2006. Vol. 2. 1110 p.
- Casares Rodicio E., Torrente A. La ópera en España e Hispanoamérica (en 2 volúmenes). Volumen II. Actas del Congreso Internacional, La ópera en España e Hispanoamérica. Una creación propia. Madrid, 29.XI/3.XII de 1999.
- <https://www.march.es/publicaciones/ensayos-tme/ensayo.aspx?p0=3&l=2> (дата обращения: 08.11.2020)
- Iberni L.G. Ruperto Chapí. Madrid: Instituto Complutense de Ciencias Musicales (ICCMU), 2009. 575 p.
- Leza J.M. Historia de la música en España e Hispanoamérica 4 (en 2 volúmenes): La música en el siglo XVIII. Editorial: Fondo de Cultura Económica de España, 2014.

9. Peña y Goñi A. España, desde la ópera a la zarzuela. Alianza Editorial, S.A., Madrid, 1967.
10. Rico Domenech F. La zarzuela chica madrileña. Comunidad de Madrid, 1998. 350 p.
11. SALAÜN S. El "género chico" o los mecanismos de un pacto cultural In: Les spectacles en Espagne (1875-1936) [online]. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2011 (generated 19 mars 2019). Available on the Internet: <<http://books.openedition.org/psn/1329>>. ISBN: 9782878547320.
12. Zurita M. Historia del género chico // Madrid : Prensa Popular, 1920, 127 p.

© Хаменок Вера Ивановна (verakhamenok@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке

ТЕНДЕНЦИИ И ПАРАДОКСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – СТУДЕНТ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

TRENDS AND PARADOXES OF PEDAGOGICAL INTERACTIONS IN THE SYSTEM "TEACHER – STUDENT" IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL CONTEXT

L. Vyaznikova
E. Tkach

Summary: The article discusses methodologically significant aspects of educational reforms, psychological problems of interaction in the "teacher-student" system, the essence of the humanization of education, and the teacher's resource capabilities. According to the authors, a necessary condition for the perception and development of a holistic person is value-reflexive interaction. It is defined in the article as a way of activating professional self-development and self-actualization of the subjects of the educational process based on the "switching on" of reflexive mechanisms, a way of involving them in a situation of value choice. The strategy and tactics of such interaction in the "teacher-student" system is based on their openness and mutual understanding, which in turn is impossible without the development of emotional intelligence. In the absence of moral reflection on the part of the teacher, a rigid system of moral principles easily degenerates into primitive modeling, addressed to others, but not to oneself. The ability to see the spiritual dimension in the problems of others (students, colleagues) depends on the teacher's personal experience of experiencing spiritual problems.

Keywords: humanitarianism, subjective reality, value-reflexive interaction, emotional intelligence.

Вязникова Любовь Федоровна

Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»

lviaz@inbox.ru

Ткач Елена Николаевна

К.псих.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»

elenat3004@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологически значимые аспекты образовательных реформ, психологические проблемы взаимодействия в системе «преподаватель – студент», сущность гуманитаризации образования, ресурсные возможности педагога. По мнению авторов, необходимым условием для восприятия и развития целостного человека является ценностно-рефлексивное взаимодействие. Оно определяется в статье как способ активизации профессионального саморазвития и самоактуализации субъектов образовательного процесса на основе «включения» рефлексивных механизмов, способ вовлечения их в ситуацию ценностного выбора. Стратегия и тактика такого взаимодействия в системе «преподаватель – студент» базируется на их открытости и взаимопонимании, которое в свою очередь невозможно без развития эмоционального интеллекта. При отсутствии нравственной рефлексии у преподавателя жесткая система моральных принципов легко вырождается в примитивное моделирование, обращенное к другим, но не к себе. Умение видеть духовное измерение в проблемах других (студентов, коллег) зависит от личного опыта переживания духовных проблем самим педагогом.

Ключевые слова: гуманитарность, субъективная реальность, ценностно-рефлексивное взаимодействие, эмоциональный интеллект.

Сегодня мы все являемся свидетелями смены типа культурного наследования, а точнее – смены способа детерминации человеческой жизни. Значимость социального контроля, незыблемость традиций, жесткость культурных образцов поведения в сознании определяли сверхценность опыта старшего поколения. Ныне ведущим становится процесс самодетерминации, самоопределения – выбора индивидуальных смысловых ориентаций, стратегии жизни. А это обуславливает необходимость радикальной смены профессиональной установки школьных учителей, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений, всех, кто включён в образовательное пространство.

К сожалению, для нас очевидна нечувствительность образования к происходящим в обществе переменам,

несмотря на непрекращающиеся образовательные реформы. Современное образование по-прежнему готовит исполнителей чужой воли.

Эту ситуацию метафорично, но абсолютно точно классифицировал Ф.Т. Михайлов, считавший, что разлившееся шире половодье так называемых инноваций до сих пор ничего обнадеживающего не вынесло на наши берега [6]. Возникает лишь иллюзия изменений, но в многослойной педагогической реальности большая её часть (вспомним айсберг) остается скрытой от глаз «реформаторов». При этом практика показывает, что студенты в этой скрытой реальности ориентируются лучше и даже нередко манипулируют преподавателями. Думается, что низкая эффективность всех образовательных реформ связана с тем, что их разработчики «больше

думают о форме очков, а не о сложности мира, на которой через них смотрят» (инверсия метафоры А. Эткинда о Грегори Бейтсон).

Можно только радоваться, что линейное, антиподное мышление теряет свою легитимность, уступая место мышлению дивергентному, синергетическому. В современном изменчивом мире мы постоянно имеем дело с «роковой непредсказуемостью». И потому обучение навыкам «дрессуры» в любом образовательном учреждении – это проигрыш заранее.

Безусловно, прав А.А. Полонников, который считает, что в университете студент оказывается не только перед выбором той или иной теории для изучения, но и перед выбором той онтологии, которая предоставит ему базу для профессионального суждения и действия [7]. Вместе с тем «привязка» к одной парадигме ограничивает горизонт возможностей специалиста.

Выпускник гуманитарного вуза должен не просто выслушивать выбор стандартных и непогрешимых истин, а иметь о них своё собственное представление, так как это часть личного миропонимания студента. Гуманитарные знания – это знания пристрастные, получившие аффективную окраску в образовательной деятельности по их построению. Б.А. Сосновский подчеркивает, что учение во имя самоизменения – это совсем иная деятельность, чем учение во имя понятийного знания [11]. Гуманитарное знание ориентировано на освоение уникального, неповторимого в отличие от естественнонаучного знания, изучающего повторяющиеся явления.

Не будем забывать, что гуманитарная – это *человекообразующая* деятельность. Такая деятельность призвана снять отчуждение человека от культуры, помочь ему сделать культуру *своей* (по В. Библеру, необходимо «врастание в культуру»). Для этого, как минимум, необходима соответствующая культурная университетская среда, в которой преподаватели являются главным «воспитательным ресурсом». Однако, чаще всего, говоря о гуманитаризации образования, обращаются к предметному содержанию, обеспечивающему этот процесс. При этом явно недооценивается роль *способов развёртывания* этого содержания, адекватных гуманитарной природе самого знания, а тем более – роль *личности преподавателя*, предлагающего это содержание.

Парадокс заключается в том, что меняются учебные заведения, содержание учебных предметов (дисциплин) и формы их преподавания, но неизменной остаётся только сама педагогическая установка у многих преподавателей, её идентификационная матрица, хотя у участников образовательного процесса создаются иллюзия изменений. В установке же зафиксировано значимая для общества социокультурная функция образования: социализация личности, передача социального опыта. А это,

в свою очередь, определяет предмет, с которым мы имеем дело.

Большинство преподавателей ориентировано на *объективную* (материальную) реальность – *знания*, на вполне структурируемую «модель» специалиста. При этом игнорируется *субъективная* реальность человека *познающего*, предполагающая необходимость видеть духовное измерение в проблемах образования.

Установку мы вслед за Д. Узнадзе понимаем не как феномен сознания (или его факт), рядоположенный, например, мотиву, переживанию или действию, а как *форму самого сознания*, некоторое общее состояние, которое касается целостной деятельности [13]. Она связана не с когнитивными коннотациями, а с трактовкой её как коммуникативной производной, определяющей стратегию взаимодействия преподавателя со студентами.

Представляется уместным вспомнить работу С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», главная идея которой заключается в том, что базовой смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку. Именно это составляет основную ткань человеческой жизни, её сердцевину.

Потому так важно обращение любого педагога к предельным категориям гуманитарной психологии, какими являются *субъективная реальность и событийная общность*. Без этого невозможно обретение человечности, личное развитие любого профессионала. А это означает необходимость смены педагогической установки, что реально может повлиять на смену культурного слоя (тем более – в условиях «сбоя» и механизме культурной «трансляции»). Безусловно, прав П.Г. Щедровицкий, утверждающий, что педагог для того, чтобы его деятельность по обучению и воспитанию стала возможной, вынужден принять в качестве онтологической рамки принцип *иного мира*. [15]. Эта «гипотеза» позволяет ему быть эффективным во взаимодействии с обучающимися.

Иными словами, только обращенность к *субъективной реальности* человека познающего позволит преподавателю стать *ресурсной личностью* для студента, *значимым* другим. Субъективная реальность всегда связана с неопределенностью, принципиальной непредсказуемостью, полиинтерпретируемостью, пониманием как сопереживанием базовых ценностей субъекта. Как говорит В.П. Сагатовский, она всегда имеет «нерастворимый осадок» [9].

А это значит, что преподаватели всегда имеют дело с вероятностями, а не с определенностями. Ценностная индифферентность преподавателя – путь к антигуманитарным («мёртвым») знаниям; она не менее страшна, чем незнание учебного предмета. Гуманитарность связана с возможностью влиять на интегральные, доминантные

характеристики человека: здоровье, интересы, смысла, мотивы, ценности. А реально все технологии направлены на локальные преобразования отдельных структурных компонентов личности (память, внимание, речь, конкретные профессиональные навыки и так далее), затрагивая лишь периферийную часть человеческой целостности [10]. Субъективная реальность студента при этом остается за скобками образовательного процесса, поскольку ориентация на «модель специалиста» предполагает принципиальную необходимость *типологизации*, а гуманитарность строится на приближении к человеку парадоксальному во всех проявлениях его самобытности. Диалог культур становится основой образовательного процесса.

Безусловно, на восприятие друг друга влияют и различия в культурной идентификации преподавателя и студента. Д. Хендерсон называет их культурными позициями (установками): социальной, эстетической, религиозной и так далее [14]. Если наши установки слишком отличаются, то мы можем встретиться с неожиданным сопротивлением в аудитории и создать негативные проекции друг на друга. Это важно понимать, организуя «педагогическое воздействие», «воспитательное влияние» на развитие студента. Если мы пытаемся *навязать* ему собственную культурную установку, то студент будет активно сопротивляться, нередко демонстрируя это группе, так как ему необходимо социальное оправдание его позиции.

Взаимодействие преподавателя и студента всегда подразумевает взаимные проекции бессознательных факторов, влияющих на притяжение – отталкивание субъектов. А психологи хорошо знают, что источник информации зачастую персонифицируется, и *кто* говорит («друг» или «недруг») становится важнее того, *что* говорится. При этом возникает психологический фильтр, не пропускающий в сознание студента ничего, исходящего из негативного (постороннего для него) источника. В такой ситуации преподаватель никогда не будет ресурсной личностью для студента.

Пренебрежение иррациональным может, конечно, превратить студента в «сознательный объект». «Сознательный объект – тот, которого убедили, уговорили, поставили перед необходимостью. Он – удобный, беспроблемный, но это не одно и то же, что субъект, обладающий самосознанием, свободой выбора, что делает его поведение, его реакции порой непредсказуемыми» [8]. Такая «сознательность» приводит к обезличенности (ограниченности самобытности), размытости ценностей, доминированию арефлексивного способа жизни.

Не случайно в последние годы в гуманитарных науках мы видим «концентрацию событий, сфокусированных на миссии образования как порождению человека в изменяющемся мире» [1].

Недопустимо сводить комплекс образовательных результатов на разных ступенях образования лишь к совокупности разрозненных знаний, умений, способностей, компетенций. В антропологически ориентированном образовании речь должна идти о становлении целостного человека, где главным образовательным результатом оказывается развитие собственно человеческого в человеке во всех его духовно-душевно-телесных измерениях: человека — как жизнеспособного индивида, как субъекта собственной жизни и деятельности, как личности во встрече с Другими [10, с.8].

На наш взгляд, необходимым условием для восприятия и развития *целостного* человека является *ценностно-рефлексивное взаимодействие*. Мы определяем его как способ активизации профессионального саморазвития и самоактуализации субъектов образовательного процесса на основе «включения» рефлексивных механизмов, способ вовлечения их в ситуацию ценностного выбора. Стратегия и тактика такого взаимодействия в системе «преподаватель – студент» базируется на их открытости и взаимопонимании, которое в свою очередь невозможно без развития эмоционального интеллекта, ставшего в последнее время объектом внимания многих исследователей.

Эмоциональный интеллект открывает педагогу доступ к своей эмоциональной жизни. Джон Мэйер эмоциональный интеллект рассматривает как «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и собственных действий», а Д.В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как «способность к *пониманию* своих и чужих эмоций и *управлению* ими» [12].

Эмоциональный интеллект – это все некогнитивные способности педагога, помогающие ему справиться с профессиональной ситуацией и принять верное решение. Для преподавателя это означает, что он может понять факт наличия эмоционального переживания (у себя или у студента), может идентифицировать эмоцию (установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или студент), понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведёт [12].

Важно, что открытость преподавателя позволяет студенту получить опыт безопасного выражения чувств в образовательном пространстве. Это поможет студенту освободиться от ложных защит и неадекватных действий, что освобождает энергию для творческого процесса. И поэтому ценностно-рефлексивное взаимодействие само по себе является опытом роста, объединяет интеллектуальную и коммуникативную сферы. Только такое взаимодействие способствует созданию «единого смысловословного поля» (Ф.Т. Михайлов), появлению эмоционального резонанса (реакции эмпатии).

тии, альтруизма и так далее).

Следует, однако, с сожалением констатировать, что ценностно-рефлексивное взаимодействие в реальной практике вузов является достаточно редким явлением. Думается, что определенную роль в этом играет еще один парадокс. В отношениях «преподаватель – студент» в любом случае позиции преподавателя является *профессиональной*, которая, на наш взгляд, служит ограничителем для проявления личностных или характерологических нарушений. И в этом контексте *свободы* у студентов в процессе взаимодействия с субъектами образовательного процесса больше, чем у преподавателя, что в определенном смысле «подталкивает» последнего к статусному (ролевому) взаимодействию, которое иногда превращается лишь в пророчество с кафедры, которое, по мнению Б.М. Бим-Бада, никогда не создаст подлинной общности [3, С.48].

А. Менегетти очень точно заметил: «Обучающий видит свой долг в изменении других, но никогда в изменении самого себя» [5]. У многих педагогов, к сожалению, нет переживания *греховности*, они утратили ее, что ведет к болезням души: властолюбию, равнодушию и так далее. Мы редко задаем себе вопросы: имею ли я право «формировать» личность другого? каковы допустимые пределы вмешательства (экспансии) в личностное пространство человека познающего?

При отсутствии нравственной рефлексии жесткая система моральных принципов легко вырождается в примитивное моделирование, обращенное к другим, но не к себе, считает И. Кон. Умение видеть духовное измерение в проблемах других (студентов, коллег) зависит от личного опыта переживания духовных проблем самим педагогом.

Б.З. Вульфов определил профессиональную духовность как максимум человеческого в профессиональном исполнении учителя [4]. Однако, это вовсе не означает отсутствие греховности у педагога. Но тогда возникает вопрос, связанный ещё с одним парадоксом: как же может греховный человек воспитывать людей духовных? И хотя в формальной логике ссылка на авторитеты считается ложным аргументом, представляется возможным все же сослаться на авторитет, поскольку речь идет об Иммануиле Канте. Именно он доказал возможность педагогики людям, менее совершенным, воспитывать людей, более совершенных. Речь, разумеется, идет не о педагогике равнодушия или имитации, а о педагогике понимания и свободы. Не случайно так известен педагогом тезис: «Учитель, вырасти ученика, чтобы потом было у кого учиться». В полной мере это относится и к нам, вузовским преподавателям, имеющим дело с «педагогикой в большом стиле», по выражению С.Л. Рубинштейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Антропологический поворот: практическая психология образования как драйвер персонализации человека. - Доклад на пленарном заседании Международного конгресса «Психология – образованию». - МГУ, 6 декабря 2021г.
2. Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997.
3. Бим-Бад Б.М. Антропологические основания теории и практики современного образования. М., 1994.
4. Вульфов Б.З. Учитель: профессиональная духовность // Педагогика. 1995. №2. С.48–52.
5. Менегетти А. Введение онтопсихологии. 2015.
6. Михайлов Ф.Т. Философия образования: её реальность и перспективы // Вопросы философии. 1999. №8. С.92–118.
7. Полонников А.А. Современная образовательная ситуация: подходы к описанию и дискурсивная ответственность // Высшее образование в России. 2017. №2.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. – 287 с.
9. Сагатовский В.Н. Ценностное основание гуманитарной экспертизы // Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. – Новосибирск, 1992.
10. Слободчиков В.И., Остапенко А.А., Рыбаков С.Ю. Базовые смыслы национально-ориентированного образования Российской Федерации // Непрерывное образование. 2019. №2(28). С. 6–9.
11. Сосновский Б.А. Мотивационно-смысловые образования в психологической структуре личности: автореферат дис. доктора психол. наук. -М., 1992. 30 с.
12. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям (ответственный редактор Люсин Д.В.). М., 2009.
13. Узнадзе Д.Н. Психология установки. М., 2001.
14. Хендерсон Джозеф Психологический анализ культурных установок - М., 1997
15. Щедровицкий П.Г. Лекции в ДВАГС (Хабаровск) // Стенограмма от 13.09.1999 г.

© Вязникова Любовь Федоровна (lviaz@inbox.ru), Ткач Елена Николаевна (elenat3004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Гуткевич Елена Владимировна

*Д.м.н., в.н.с., Научно-исследовательский институт психического здоровья ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр» Российской академии наук; профессор, ФГАОУ ВО НИ «Томский государственный университет»
gutkevichelena@gmail.com*

FAMILY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC (REVIEW OF CURRENT PSYCHOLOGICAL RESEARCH)

E. Gutkevich

Summary: The article presents a review and analysis of the main scientific studies of the psychological features of family functioning during the COVID-19 pandemic in 2020-2021. The problems of psychological well-being, quality of life, value systems, loneliness experiences, coping strategies in a stressful situation of people of different ages, depending on family, socio-demographic factors, determine the relevance of a comprehensive systematic approach to the psychological diagnosis of personality functioning in a family, home environment in an extreme situation of the coronavirus pandemic. Objective: to systematize and present the main results of the psychological features of the functioning of the family, persons from risk groups in the context of the coronavirus pandemic based on research published in scientific journals, proceedings and abstracts of conferences and other scientific publications. Results. The normal functioning of families was disrupted by the emergency situation, the introduction of exceptional quarantine measures, isolation of family centers and self-isolation of persons from risk groups. Changes in the main psychological characteristics of both families as a whole and family members of different ages were revealed. Studies of women, marital relations, and psychological states of the elderly during the period of self-isolation are highlighted separately. The provisions on the transformation of forms of psychological assistance to families in the conditions of the ongoing pandemic situation are presented.

Keywords: family, COVID-19, self-isolation, risk groups, psychological factors, fears, anxiety, well-being, coping strategies, pregnant women, youth, mature persons, spouses, elderly, online counseling.

Аннотация: В статье представлены обзор и анализ основных научных исследований психологических особенностей функционирования семьи в период пандемии COVID-19 за 2020-2021 годы. Проблемы психологического благополучия, качества жизни, системы ценностей, переживания одиночества, копинг-стратегий в стрессовой ситуации лиц разного возраста в зависимости от семейных, социально-демографических факторов определяют актуальность комплексного системного подхода к психологической диагностике функционирования личности в семейной, домашней среде в экстремальной ситуации пандемии коронавируса. Цель: по материалам исследований, опубликованных в научных журналах, сборниках трудов и тезисов конференций и других научных изданий систематизировать и представить основные результаты психологических особенностей функционирования семьи, лиц из групп риска в контексте пандемии коронавирусной инфекции. Результаты. Нормальное функционирование семей было нарушено чрезвычайной ситуацией, введением исключительных карантинных мер, изоляции семейных очагов и самоизоляции лиц из групп риска. Выявлены изменения основных психологических характеристик как семей в целом, так и членов семей разного возраста. Отдельно выделены исследования женщин, супружеских отношений, психологических состояний пожилых лиц в период самоизоляции. Представлены положения о трансформации форм оказания психологической помощи семьям в условиях продолжающейся ситуации пандемии.

Ключевые слова: семья, COVID-19, самоизоляция, группы риска, психологические факторы, страхи, тревожность, благополучие, копинг-стратегии, беременные, молодежь, лица зрелого возраста, супруги, пожилые, онлайн консультирование.

Особенности функционирования семьи прежде всего обусловлены экстремальной ситуацией мировой пандемии коронавируса, нарушившей нормальную жизнедеятельность личности и семьи, воздействуя непосредственно на человека и на его жизненное и домашнее пространство. Востребованность семейно-ориентированных мероприятий стала очевидной в 2020-2021 годах, когда уже на ранних стадиях пандемии COVID-19 Всемирная организация здравоохранения предупреждала, что в условиях карантинных мер для предотвращения кризиса общественного психического здоровья необходимы значительные инвестиции и ответственные мероприятия системы охраны психическо-

го здоровья. Пандемия COVID-19 привела к катастрофическим сбоям в работе государственных служб охраны психического здоровья. Временное закрытие клиник, нехватка персонала и перераспределение средств на другие цели приводили к тому, что люди, наиболее нуждавшиеся в услугах психологической и психиатрической помощи, не имели возможности получить эти услуги [1, с. 83-84]

В период пандемии в обществе, начальной структурной единицей которого до сих пор является семья, актуализировалась проблематика взаимодействий между членами семьи в режиме самоизоляции и карантинных

мероприятий в ограниченном пространстве места проживания, обострились хронические заболевания на фоне распространения тревожности в связи с непредсказуемостью последствий эпидемии, произошло изменение режима и формы труда и обучения. Необходимо отметить, что к началу 2022 года число смертей от COVID-19 превысило цифру в 5,5 млн человек, в России на конец января 2022 года – более 321 тыс. летальных исходов. В большинстве случаев это были пожилые и взрослые люди, но у погибших остались дети и внуки, которым пришлось пережить смерть близких – и это чревато последствиями для их психики и благосостояния [5]. Эпидемия COVID-19 привела к тому, что более 1,5 млн детей, в том числе и в России, потеряли одного или обоих родителей, бабушек и дедушек, других значимых близких людей, что авторами признается как «Скрытая пандемия сиротства» [6]. Кроме того, пандемия COVID-19 представляет собой серьезную угрозу благополучию детей и семей из-за проблем, связанных с экономическими последствиями эпидемии (например, финансовая незащищенность некоторых групп населения) и изменениями привычного уклада жизни (нахождение большого количества людей длительное время в замкнутом пространстве, ощущение рутины в ежедневной жизни, изменения распорядка жизни). Дети и подростки, женщины и лица пожилого возраста, люди с хроническими соматическими заболеваниями и лица с психическими расстройствами попали в особые группы риска [8, 9].

По мнению исследователей сложившаяся эпидемическая ситуация привела к воздействию различных стрессовых факторов для беременных женщин – страха инфицирования в отношении себя и своих близких, страха тератогенного воздействия на плод, сокращения числа запланированных дородовых посещений специалистов, сопровождающих беременность, закрытия некоторых роддомов, в связи с чем могут нарушиться планы где и с кем рожать, вынужденной самоизоляции с ограничением или отсутствием физической активности [10, с. 7-41]. При самооценке выраженности общего уровня стресса в связи с пандемией каждая четвертая беременная женщина отмечала значительный или сильный стресс, 37 % – умеренный стресс, 38 % легкую степень стресса. По результатам Шкалы реактивной тревоги Спилбергера-Ханина высокую ситуативную тревогу демонстрировали 21,6 % женщин, умеренную тревогу – 28 %. При этом 31% исследуемых беременных беспокоятся за здоровье своих близких, 16,8% за состояние здоровья своего ребенка и наименьшее количество высказывает беспокойство по поводу собственного здоровья – 12%. Описывается качество жизни матерей в семьях, когда у работающих дистанционно матерей показатели физического благополучия ниже, чем у матерей, работающих с выездом из дома в условиях социальной изоляции. При высоких значениях жизнестойкости повышались отдельные параметры качества жизни и снижались показатели субъек-

тивного благополучия. На психологические аспекты качества жизни матерей также влияла форма работы супруга: очная и дистанционная [11, с. 118-119]

На уровне супружеских взаимоотношений в условиях самоизоляции и увеличения плотности семьи создается особая ситуация: факторы, подготавливающие почву к острому побуждению совершить агрессивные действия, усиливаются, тогда как сдерживающие факторы, попытки противостоять этому побуждению, ослабевают [13, с. 273-275]. Хотя речь идет о насилии в отношении женщин, в группе риска находятся и мужчины. Однако согласно статистическим данным МВД РФ, за 2020 год зафиксировано снижение числа преступлений на семейно-бытовой почве на 9,5% (на 15,8% – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5% – вреда средней тяжести, на 10% – легкого вреда здоровью). Следствием перехода государств в режим карантина и самоизоляции стало увеличение количества разводов в мире. Причем в некоторых странах, например, Китае, наблюдается весьма существенный рост – около 50% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. В других государствах, на территорию которых COVID-19 проник позднее, прогнозируется значительное увеличение количества разводов после ослабления предпринятых властями карантинных мер. В России число зарегистрированных разводов по данным за январь-сентябрь 2021 года составила 483,6 тысяч, что больше на 22,2% к соответствующему периоду 2020 года [14].

Изучение взаимосвязи тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса показало, что выраженность всех копинг-стратегий находится в умеренном диапазоне, наиболее выраженными стратегиями являются самоконтроль, поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы, наименее – принятие ответственности и положительная переоценка; выявлен повышенный уровень личностной тревожности, уровень ситуативной тревоги находится в пределах нормы. Выраженность астенического компонента по обеим шкалам, указывает, что в структуре тревоги у пожилых людей значительное место занимают различные аспекты их физического самочувствия. Астенические переживания сильнее проявляются у людей, проживающих в одиночестве, чем у тех, кто живет с семьей [15, с. 357-358].

Показано, что в целом, у пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию, состоящих в браке, определены более высокие показатели качества жизни по шкале физического функционирования. Положительно на качество жизни влияют наличие супруга и регулярной трудовой деятельности. Наличие супруга рассматривается как фактор социальной поддержки [16, с. 67-68]. Т.С. Пилишвили, Е.В. Гноринская (2021) в

период пандемии выявили достоверное повышение показателей психологического благополучия, в частности по шкале управления средой, и особенности стресс-преодолевающего поведения (копинг-стратегия «принятие ответственности») у мужчин по сравнению с женщинами в возрасте от 30 до 45 лет. При этом 72% женщин были замужем и только 50% мужчин женаты. Негативные последствия, особенно для женщин, объясняются авторами, в том числе и вероятным наличием детей у исследуемых лиц. При проведении интернет-опроса 908 респондентов О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов и др. (2021) отмечали значимые корреляции между уровнем ощущения безнадежности будущего и уровнем стресса. Динамика отношения к будущему различается у мужчин и женщин: у мужчин снятие ограничений сопровождается снижением ощущения безнадежности будущего, а у женщин — усугублением переживания будущего как безнадежного. Различия в уровне и динамике ощущения безнадежности, по мнению авторов, могут объясняться гендерными различиями в мышлении, которое связано с реакцией на стресс и с гендерной спецификой социальной ситуации. Во время самоизоляции у молодежи и для «старшей», более 45 лет, возрастной группы наиболее значимыми становятся ценности: укрупненные ценности – «безопасность» и «благожелательность», в том числе «личная безопасность» и «благожелательность – долг», связанные с близкими людьми, родственниками, а наименее значимыми – укрупненная ценность – «власть» [19, с. 59-62].

В целом, исследователи изучали влияние самоизоляции на персонализацию среды и личностное пространство в семейном взаимодействии [20, с. 52-55]; активизацию у людей лиминальных (пороговых) переживаний, связанных с переходом от одного фрагмента жизни к другому, «до карантина» и «в карантине», при этом в семьях с изначально дисфункциональными отношениями ещё до ситуации распространения коронавируса, усиливались взаимный контроль и конфликтность, а наиболее уязвимые члены семьи стали испытывать острое чувство одиночества и неподтвержденности в среде [23]. Исследования системы вызовов, угроз и потерь семьи показали, что трудности, которые ассоциируются с пандемией были одинаково выражены независимо от семейного контекста и связаны с базовыми чувствами и потребностями [24, с. 145-148]. При этом, в качестве вызова люди, имеющие собственную семью, обозначали не только финансовые трудности, критические ситуации в целом, но и более конкретизированные и связанные с их семейным статусом: трудности у родственников, болезнь, утрата семьи и семейных ценностей, цифровизация. В этой группе нашла отображение пандемия в качестве вызова семье, но с достаточно низкой частотой (2 %). А вот самоизоляция (8 %) как вызов доминировала у людей, не состоящих в браке, что, возможно, связано с одиночеством, которое усиливалось на фоне самоизоляции.

Так, Ю.В. Ковальчук, Е.А. Кузнецовой (2020) установлено при исследовании 449 человек в возрасте от 18 до 82 лет, что переживания одиночества более выражены в группе 18-35 лет, и менее выражены в старших возрастных группах, что может быть связано с более высокой потребностью в общении и более активным, подвижным образом жизни в молодом возрасте; люди с выраженными переживаниями общего одиночества демонстрировали более высокий уровень эмоционального неблагополучия, отмечали, что их отношения с близкими ухудшились во время самоизоляции, им сложнее находиться дома, а также они демонстрировали более высокий уровень зависимости от общения. Ю.Л. Проект, Е.В. Рохина, А.Н. Кошелева, В.В. Хороших, В.Ф. Луговая (2021) с помощью контент-анализа описания проблемных переживаний личности (871 русскоязычный пользователей интернета в возрасте от 15 до 78 лет) в условиях вынужденной самоизоляции показали наличие нарушений привычного обмена информацией между членами семьи, вызывающее тревогу за близких, как одних из основных в структуре четырех уровней проблемных переживаний.

Успешность психологической адаптации заключается не только в приспособлении к изменяющимся общественным требованиям, но и в способности пережить стрессовую ситуацию перехода к непривычным моделям поведения [27]. Поэтому происходит трансформация форм оказания психологической помощи семьям. Так, Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. (2020) показали, что на сегодняшний день, наиболее востребованными могут являться методы и средства оказания психологической помощи, благодаря которым возникающая ситуация неопределённости будет способствовать избавлению от ограничивающих, не актуальных для субъекта на данный момент, жизненных паттернов. Переживания, связанные с предвкушением новизны, начала («чистого листа») будут являться показателем активизации внутренних эмоционально-когнитивных ресурсов личности. Пандемия коронавируса ассоциируется в большей степени с широким спектром психологических и материальных трудностей, но при этом фактически не входит в когнитивную, семантическую карту субъектов в качестве вызова, требующего активного сопротивления. Лишь эпидемия в целом воспринимается в качестве угрозы, требующей внимания, но преимущественно у людей, не имеющих собственной семьи как точки опоры [24, с. 145-148]. Показано, что люди с высоким уровнем переживания одиночества отмечали, что никак не могут повлиять на распространение коронавирусной инфекции, в то время как люди с низким уровнем гораздо чаще отмечали, что могут оказать влияние на ситуацию своими действиями, т.е. ощущение себя как субъекта сложившейся ситуации, способного повлиять на происходящее, является ресурсом, который помогает справиться с ощущением одиночества [25, с. 339-340]. Токийский центр психиче-

ского здоровья предлагает такие меры по минимизации психологических последствий пандемии, как общение с семьей, друзьями и другими людьми, которые могут оказать социальную поддержку, и профессионалами в области психического здоровья, используя электронные устройства; альтруизм, сочувствие, просоциальное поведение не только о тех, кто важен, но и о тех, кто находится в трудном положении [28].

За 2020-2021 годы нами при консультировании семей были предложены возможности онлайн консультирования [29, с. 335-338], такие как разговор по телефону, классический письменный чат – электронная почта, видео-встречи, по семейно-генетическим вопросам: информирование о возможном влиянии применения психотропных препаратов на состояние репродуктивной системы пациентов и риски рождения ребенка с пороками развития; планирование рождения детей в семье с

матерью, находящейся на стационарном лечении в психиатрической клинике; разъяснение семье ребенка с наследственным заболеванием смысла проведенных молекулярно-генетических исследований с составлением «маршрута» дальнейшего прохождения обследования и плана реабилитации и другие. При этом составлен пакет файлов с бланками Информированного согласия, тестов и опросников для семейной диагностики.

В настоящее время имеются неопровержимые доказательства разрушительного воздействия пандемии COVID-19 на индивидуальное, семейное и общественное психическое здоровье. Исходя из особенностей функционирования семейных систем, можно предположить, что последствия этих трудностей будут длительными [31, 32], что требует проведения дальнейших научно-практических исследований и внедрение их результатов для улучшения качества жизни всех поколений населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Resnick S.G., Roe D., Salyers M.P. Psychiatric Rehabilitation Journal in the era of COVID-19 // Psychiatric Rehabilitation Journal. 2020. 43(2). P. 83-84. <http://dx.doi.org/10.1037/prj0000434>
2. Rudnick, A. (2020). Social, Psychological, and Philosophical Reflections on Pandemics and Beyond. *Societies*, 10(2), 42. DOI: 10.3390/soc10020042.
3. Steinert S. Corona and value change. The role of social media and emotional contagion. *Ethics Inf Technol*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>.
4. WHO. COVID-19 Strategic Preparedness and Response Plan. Operational Planning Guidelines To Support Country Preparedness And Response, 2020. <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid-19-sprp-unct-guidelines.pdf>
5. Kokou-Kpolou C.K., Fernández-Alcántara M., Cénat J.M. Prolonged grief related to COVID-19 deaths: Do we have to fear a steep rise in traumatic and disenfranchised griefs? // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. – 2020. – Vol. 12, № S1. – P. S94–S95. doi: 10.1037/tra0000798
6. Susan D. Hills, H Juliette T Unwin, Yu Chen, Lucie Cluver, Lorraine Sherr. Global minimum estimates of children affected by COVID-19-associated orphanhood and deaths of caregivers: a modelling study 2021). *Lancet*. VOLUME 398, ISSUE 10298, P391-402, JULY 31, 2021 DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01253-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01253-8).
7. ВОЗ. Рекомендации по поддержанию психического здоровья и психосоциального состояния во время вспышки COVID-19, 2020. WHO-2019-nCoV-Mental-Health-2020.1-rus.pdf
8. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Бойко О.М., Жабина Д.В. Психопатологическая симптоматика у девушек с депрессией, перенесших COVID-19 // Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Б.Д. Карвасарского: «Альянс психологии, психотерапии и фармакотерапии. Наука и реальный мир в лечении психических расстройств», 29 октября 2021 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс <https://psychiatr.ru/events/1013>]: тезисы / под общей редакцией Н.Г. Незванова. — СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. С. 76-78.
9. UNICEF. Preventing a lost decade: Urgent action to reverse the devastating impact of COVID-19 on children and young people. <https://www.unicef.org/reports/unicef-75-preventing-a-lost-decade>
10. Блох М.Е., Аникина В.О., Савеньшева С.С. Стресс и беременность в условиях пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рощиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 37-41.
11. Панкова Д.П. Психологические аспекты качества жизни матерей, находящихся в условиях социальной изоляции // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рощиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020/ С. 118-119
12. ВОЗ: «COVID-19 и насилие в отношении женщин». WHO. COVID-19 and violence against women. – Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331699/WHO-SRH-20.04-eng.pdf>
13. Иванов Д.И. Смыслообразующее пространство отношений в семье // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рощиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 273-275.
14. Росстат. Число зарегистрированных разводов. <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/141657>

15. Пудикова К.В. Санкт-Петербург, СПбГУ Хрусталева Н.С. Санкт-Петербург, СПбГУ Взаимосвязь тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса (На примере русскоязычных мигрантов в Германии) // *Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8-11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. – СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 357-358.*
16. Гуськова О.А., Ярославская Е.И., Приленский Б.Ю., Петелина Т.И. Клинико-психологические, социально-демографические факторы и качество жизни пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию // Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Б.Д. Карвасарского: «Альянс психологии, психотерапии и фармакотерапии. Наука и реальный мир в лечении психических расстройств», 29 октября 2021 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс <https://psychiatr.ru/events/1013>]: тезисы / под общей редакцией Н.Г. Незнанова. – СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. С. 67-68.
17. Пилишвили Т.С., Гноринская Е.В. Особенности копинг-стратегий мужчин и женщин зрелого возраста в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 4А. С. 52-58. DOI: 10.34670/AR.2021.92.96.005*
18. Восприятие будущего во время пандемии COVID-19 – гендерный аспект / О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов [и др.] // *Медицинская психология в России. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 1. doi: 10.24412/2219-8245-2021-4-1*
19. Первичко Е.И., Чижова А.Р., Степанова О.Б., Митина О.В., Конюховская Ю.Е. Динамика системы ценностей молодых жителей России в условиях пандемии COVID-19 // *Диагностика в медицинской(клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн). Научное издание. Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2021 г/под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. – М.: 2021. С. 59-62.*
20. Губина С.Т. Влияние самоизоляции в пандемию COVID-19 на персонализацию среды и личностное пространство в семейном взаимодействии // *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рощиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 52-55.*
21. Гуткевич Е.В. Домашняя среда как фактор сохранения психического здоровья личности // *Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8-11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. – СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 633-634.*
22. Caroline Brandbury-Jones R.N., Louise Isham. The pandemic paradox: The consequences of COVID-19 on domestic violence. *Journal of Clinical Nursing. Volume29, Issue13-14 July 2020 Pages 2047-2049. <https://doi.org/10.1111/jocn.15296>*
23. Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // *Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. URL: [http://psystudy.ru/index.php/ num/2020v13n70/1731-boiko70.html](http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boiko70.html)*
24. Тихомирова Е.В. Конструирование системы вызовов, угроз и потерь современной семьи в контексте пандемии // *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рощиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 145-148.*
25. Ковальчук Ю.В., Кузнецова Е.А. К слову об актуализации переживания одиночества в условиях пандемии Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 339-340
26. Проект Ю.Л., Рохина Е.В., Кошелева А.Н., Хороших В.В., Луговая В.Ф. Социально-демографические и психологические факторы проблемных переживаний личности в условиях вынужденной самоизоляции // *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю.П. Зинченко. – Москва: Издательство Московского университета, 2021. (Электронное издание сетевого распространения). С. 345-359.*
27. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // *Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90–108. doi:10.17759/cpp.2020280205*
28. Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Международный опыт исследований и практических рекомендаций населению в период пандемии коронавируса/ Институт психологии Российской академии наук, 2020 // www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/bih.html
29. Казачкова А.Ю., Бурина Е.А. Интерпретация невербального поведения как необходимый навык консультанта при Интернет-консультировании в условиях ЧС. *Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 335-338.*
30. Beeching N.J., Fletcher T.E., Fowler R. COVID-19. *BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group; June 19, 2020; 171 p.*
31. Гуткевич Е.В., Шатунова А.И. Межпоколенная передача психической травмы, психогенеалогия и психическое здоровье в семье (феноменологическое исследование). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2019; 3 (104); 21-32. doi.org/10.26617/1810-3111-2019-3(104)-21-32.*
32. Prime H., Wade M., Browne D. T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // *The American Psychologist. 2020. <https://doi.org/10.1037/amp0000660>*

© Гуткевич Елена Владимировна (gutkevichelena@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ДЕТЕЙ-СИРОТ

Зарединова Эльвира Рифатовна

*Д.п.н., доцент, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
zaredinova.elvira@gmail.com*

THE PECULIARITIES OF THE PSYCHOLOGICAL PROTECTION MECHANISM IN ORPHANS

E. Zaredinova

Summary: The importance of the institution of family in the upbringing and formation of the child is obtained in the article. The family provides favorable conditions for development, comfort, protection, and also contributes to the socialization and self-realization of the individual. The types of dysfunctional families and the consequences leading to the emergence of orphans are given. The concept of "psychological defense mechanism" is disclosed; the forms and features of the manifestation of psychological defense mechanisms in children brought up in orphanages are considered.

Keywords: family, parents, parenting, personality formation, socialization, orphans, an orphanage, boarding school, psyche of a child, psychological defense, psychological defense mechanism.

Аннотация: В статье раскрыта роль института семьи в воспитании и формировании ребенка. Семья обеспечивает благоприятные условия для развития, комфорт, защиту, а также способствует социализации и самореализации личности. Приведены виды неблагополучных семей и последствия, приводящие к возникновению явления «дети-сироты». Раскрыты социально-психологическое явление – сиротство, понятие «механизм психологической защиты», рассмотрены формы и особенности проявления механизмов психологической защиты у детей, воспитывающихся в детских домах.

Ключевые слова: семья, родители, воспитание, формирование личности, социализация, дети-сироты, детский дом, интернат, психика ребенка, защита психологическая, механизм психологической защиты.

Постановка проблемы

Гармонично развитое поколение – будущее и основа прогресса государства. Воспитание ребенка – родительский долг перед детьми. Первой социальной средой и школой воспитания для ребенка является семья. Именно в ней происходит формирование нравственных и жизненных ориентиров и принципов. Здесь он впитывает семейные ценности, традиции, привычки. А главное, через обстановку в семье дети воспринимают и приобщаются к требованиям и нормам общества.

Однако условия жизни не у всех складываются благополучно. Разные жизненные обстоятельства влияют на ближайшее социальное окружение и как следствие, из-за которого дети лишаются семьи, оказываются без родительской опеки и попечения. В таких семьях остро стоит вопрос о создании благоприятной атмосферы, в которой дети могут расти и развиваться без вреда для их психического и физического развития, где будут учитываться интересы ребенка и будет познана вся радость детства.

Социально-психологическое явление – сиротство, не является вновь появившимся. Причинами сиротства могут послужить смерть двух или единственного родителя, отказ от ребенка, лишение родительских прав по причине отсутствия заботы о ребенке с их стороны.

С точки зрения правовой основы особое значение имеют нормативные документы, принятые Организацией Объединенных Наций: Всеобщая декларация прав ребенка (1948), Декларация прав ребенка (1959), Конвенция о правах ребенка (1989) и ряд других документов формируют комплекс международных стандартов в отношении защиты и обеспечения благополучия детей [1]. На основании международных документов в России разработана законодательная база, обеспечивающая защиту детей, находящиеся в трудной жизненной ситуации: Конституция РФ, Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Семейный кодекс РФ, Указ Президента РФ от 01.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» и др.

Анализ литературы

В контексте исследуемой проблемы следует выделить идеи и опыт классиков мировой педагогики. Януш Корчак уделял большое внимание воспитанию детей в интернате, система воспитания в детских домах основывалась на последних достижениях педагогической науки, в основу которой легла главная цель – благо и счастье ребенка и создание благоприятной среды. А.С.

Макаренко автор методики воспитания, которая творила чудеса: в 20-е годы беспризорники и малолетние преступники не просто перевоспитывались, а становились выдающимися личностями [2, с. 120-121], А.А. Католиковым создана агрошкола-интернат и описан опыт работы.

С точки зрения психологии впервые попытку систематически описать психологические механизмы защиты детей осуществила А. Фрейд, исследования М.К. Бардышевской, М.И. Буянова, В.С. Мухиной, В.А. Поварницыной и других позволяют выделить отставание воспитанников детских домов в психическом и социальном развитии [3].

Среди современных ученых следует выделить ряд авторов, рассматривавших различные аспекты поднимаемой проблемы: Д.В. Гончарова – нормативно-правовые аспекты защиты прав детей Н.А. Волобуева исследует исторический опыт жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в детских домах, Ю.А. Володина – механизмы психологической защиты детей-сирот, находящихся в трудной жизненной ситуации, Д.В. Старкова – особенности воспитания детей разного возраста в условиях сельского детского дома, М.К. Бардышевская, Э.Ф. Минкова – характеристика развития детей, оставшихся без попечения родителей, К.В. Кулаков – особенности детского дома как воспитательной системы.

Цель статьи – раскрыть состояние проблемы проявления защитных механизмов у детей-сирот, воспитывающихся в детских домах.

Изложение основного материала

Семья в жизни каждого человека выполняет важную и значимую роль, являясь социальной средой, обеспечивающей полноценное формирование личности ребенка. Родители выступают главными воспитателями своих детей. Воспитание ребенка в семье определяет физическое, психическое, интеллектуальное развитие, душевный комфорт, его настоящее и будущее. Эти условия создаются в семье, непосредственно родителями.

Наряду с гармоничной и полной семьей существуют неполные, асоциальные, аморальные, кризисные, проблемные семьи. Отсутствие здоровой атмосферы и утрата семейных ценностей ведет к увеличению их количества. В результате семьи с низким социальным статусом, не справляющиеся с воспитательной, хозяйственно-бытовой, досуговой и другими функциями в различных сферах жизнедеятельности попадают под надзор контролирующих органов. Сейчас вопрос о семьях с низким социальным статусом стоит на особом контроле в органах государственного управления и различных общественных организациях. Уклонение родителей от

выполнения своих обязанностей в воспитании детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, воспитании, обучении, подготовке к общественно-полезному труду, жестоком обращении с детьми, применении различных форм насилия, аморальном и асоциальном поведении (алкоголизм, наркомания и другие проявления) ведет к лишению родительских прав [4]. Распад и разрушение социального института приводит к возникновению и распространению детей-сирот.

Дети-сироты, категория, временно или постоянно лишенная семейного окружения. Данная проблема носит межнаучный характер и требует комплексного ее решения. Государство уделяет этому вопросу особое внимание, оптимизируя нормативно-правовую базу, создавая и расширяя сеть детских домов, лоббируя интересы детей, лишенных родительского попечения.

Обращаясь к истории создания учреждений для детей приведем следующие данные. После Октябрьской революции заботу о содержании и воспитании осиротевших детей взяло на себя государство. Декретом СНК (1918 год) были созданы специальные органы – Комиссии для несовершеннолетних, на которые возлагались функции социальной охраны детства, устройства беспризорных детей. Детские приюты и другие аналогичные учреждения были преобразованы в детские дома и переданы в ведение органов социального обеспечения, а в 1919 году – в ведение Наркомпроса. Таким образом, изначально был определен статус детских домов: воспитательные учреждения для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей вследствие их болезни, смерти, лишения родительских прав и других причин [3].

В современном понимании и представлении детский дом – государственное интернатное воспитательное учреждение для детей-сирот в возрасте от 3 до 18 лет. Некоторые такие учреждения преобразованы в школы-интернаты [5, с. 71].

Категория детей, попадающие в эти учреждения именуются как дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, не способные самостоятельно решать проблемы жизнедеятельности, возникшие в результате различных обстоятельств. Диапазон таких детей широк. В научной психолого-педагогической литературе выделяются отдельно «дети-сироты» и их основные категории: отказной, подкидыш, отобранный, подопечный.

Соответственно дети-сироты – дети в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель, или объявлены умершими [5, с. 69].

Эти дети и подростки находятся под защитой государства и им обеспечена система мер, обеспечивающая

охрану законных прав и интересов детства на основе разработанных нормативных документов, определяющих правовое положение несовершеннолетних.

Учитывая сложность и глубину проблемы дети-сироты, находясь в таком положении лишены элементарных проявлений детского счастья: любви, внимания, заботы со стороны родителей, которые может получить ребенок лишь в семье. Ребенок, лишенный родительской любви, имеет меньше шансов на самоуважение, формирование образа «Я» и как следствие на социализацию и социально-психологическую адаптацию.

Чувство безопасности и защиты выступает основным механизмом успешного развития, их отсутствие ведет к широкому спектру эмоциональных и психологических реакций и проявлений – от беспокойства и замкнутости до гнева, агрессии и неконтролируемого аффектного поведения [6, с. 135].

В исследованиях А. Фрейд механизм психологической защиты рассмотрен не только как врожденная особенность, но и как индивидуальные свойства, реакции, приобретаемые индивидом в ходе онтогенеза. Автор выделяет три группы защитных механизмов: перцептивные, интеллектуальные и двигательные, которые возникают в процессе произвольного и непроизвольного научения и обеспечивают последовательное искажение реальности с целью ослабления травматического психоэмоционального напряжения [7, с. 54].

Механизмы психологической защиты в настоящее время можно рассматривать двояко, с одной стороны, как мешающие, тормозящие, препятствующие развитию личности и возможности ее самореализации и самоутверждения, а с другой стороны – как механизмы, защищающие личность человека в от внешних воздействий, ситуаций, в том числе и социального характера [8, с. 124].

В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряковым психологическая защита рассматривается как система регуляторных механизмов, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [9, с. 127-128]. Защитные процессы личности сугубо индивидуальны, многообразны и плохо поддаются рефлексии. И, тем не менее, в психологии разработаны подходы, позволяющие систематизировать и выделить типы психологической защиты.

Описано множество видов механизмов психологической защиты, в научной и справочной литературе выделяют следующие формы проявления механизмов психологической защиты: отторжение, отрицание, про-

екция, перенос, сублимация, регрессия, вытеснение, рационализация, идентификация, реактивное образование, изоляция, замещение, компенсация, изгнание роли, аскетизм, сновидения, фантазия, нигилизм и другие.

Приведем варианты наиболее часто встречающихся типов психологической защиты:

- отторжение – удаление от сферы сознания «Я» неприемлемого влечения и связанных с ним переживаний;
- перенос – отнесение установок и желаний в отношении родителей на другое лицо, которое в зависимости от характера этих чувств (нежно-дружеские или злобно-ревнивые, угрожающие) может быть позитивным или негативным;
- сублимация – снятие напряжения в ситуации конфликта путем трансформации инстинктивных форм психики в более приемлемые для индивида и общества (например, переключение энергии на процесс творчества, полезное дело);
- идентификация – отождествление себя с другим субъектом, более сильным и значимым, т.е. ребенок ведет себя, делает, чувствует, как это желал бы другой его значимый человек (например, мать или отец);
- регрессия – возвращение к более ранним уровням психического развития и актуализация успешных в прошлом способов реагирования [5, с. 155];
- вытеснение – устранение из сознания неприемлемых влечений и переживаний;
- реактивное образование – трансформация в сознании эмоционального отношения к объекту на прямо противоположное [9, с. 128].

Эти механизмы защиты выявлены на основании их проявления у детей и подростков, закрепляемые и переносимые во взрослую жизнь.

Вывод

Говоря о воспитании ребенка и формировании личности будущего члена общества психологические проблемы необходимо рассматривать в связи с проблемами социальной педагогики и психологии. Дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, нуждаются в психологической и социально-педагогической поддержке и сопровождении. На проявление защитного механизма оказывают влияние возрастные и индивидуальные особенности, жизненный опыт, социальное окружение и общение. Их проявление настолько индивидуально, поведение таких детей объясняется сложившейся жизненной ситуацией, в которой оказался ребенок, вынужденный выживать, соответственно защищаться, выбирая соответствующие виды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Д.В. Нормативно-правовая база защиты прав детей / Д.В. Гончарова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativno-pravovaya-baza-prav-detey.pdf>.
2. Демченко О.П. Практикум з історії педагогіки : навчально-методичний посібник для викладачів історії педагогіки, на допомогу студентам педагогічних ВНЗ під час самостійного вивчення теоретичних основ, підготовки до семінарських і практичних занять / О.П. Демченко. – К. : Видавничий Дім «Слово», 2012. – 432 с.
3. Кулаков К.В. Особенности детского дома как воспитательной системы, способной к реализации и защите прав детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_article.php?id=441.
4. Жаров А.А. Лишение родительских прав. Порядок действия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zharov.info/teoriya-i-nauka/adoption/lishenie-roditelskix-prav-poryadok-dejstvuj-dokumenty-zakony>
5. Словарь по социальной педагогике: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Авт.-сост. Л.В. Мардахаев. – М. : Изд. центр «Академия», 2002. – 368 с.
6. Володина Ю.А. Психологическая готовность к профессиональному самоопределению детей-сирот в условиях предпрофильной подготовки / Ю.А. Володина, Н.В. Матяш // Вестник БГУ. Сер. Общая педагогика. Профессиональная подготовка. Методология и методика исследования. Психология. Частные методики. Информатика. – 2008. – № 1. – С. 134–140.
7. Фрейд А. Эго и механизмы психологической защиты / А. Фрейд. – СПб. : АСТ, 2008. – 248 с.
8. Володина Ю.А. Механизмы психологической защиты детей-сирот, находящихся в трудной жизненной ситуации / Ю.А. Володина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 5. – С. 123–127.
9. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 479, [1] с.

© Зарединова Эльвира Рифатовна (zaredinova.elvira@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОВЫШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

IMPROVING THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF THE HEAD IN SHAPING THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION

*S. Myagkova
I. Shilova*

Summary: The article is devoted to the study of the possibilities of increasing the psychological stability of the leader in the formation of a strategy for the development of an educational institution. The author describes the structure of the educational organization management system from the point of view of a hierarchical approach, focuses on the level of strategic development management. The role of the psychological stability of the leader as the initiator, developer and implementer of the development strategy of the educational organization is specified. A brief terminology analysis of this category is given. It is postulated that psychological stability is the foundation of psychological transcendence. The criteria and mechanisms of this personality quality are specified. A process model for increasing the psychological stability of a leader in the formation of a strategy for the development of an educational organization is presented. It is emphasized that the specificity of the management of an educational organization is due to its multifaceted nature, and this, in turn, affects the multi-directional system of its components. Accordingly, the formation by the head of the current (adequate) strategy for the development of the educational organization is the guarantor of their uninterrupted functioning and interaction.

Keywords: educational organization management, psychological sustainability, development strategy, educational institution, psychological transcendence.

Мягкова Светлана Николаевна

*Д.п.н., профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)» (Москва)
svetainf@km.ru*

Шилова Ирина Михайловна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
alpaka1@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию возможностей повышения психологической устойчивости руководителя при формировании стратегии развития образовательного учреждения. Автором дается характеристика структуры системы управления образовательной организацией с точки зрения иерархического подхода, акцентируется внимание на уровне управления стратегическим развитием. Уточняется роль психологической устойчивости руководителя, как инициатора, разработчика и реализатора стратегии развития образовательной организации. Дается краткий терминологический анализ данной категории. Постулируется, что психологическая устойчивость является фундаментом профессиональной трансцендентности. Уточняются критерии и механизмы данного качества личности. Представляется процессная модель повышения психологической устойчивости руководителя при формировании стратегии развития образовательной организации. Акцентируется на том, что специфика управления образовательной организацией обусловлена его многогранностью, и это, в свою очередь, отражается на разнонаправленной системе его составляющих. Соответственно, формирование руководителем актуальной (адекватной) стратегии развития образовательной организации – гарант бесперебойного их функционирования и взаимодействия.

Ключевые слова: управление образовательной организацией, психологическая устойчивость, стратегия развития, образовательное учреждение, профессиональная трансцендентность.

Система управления образовательной организацией является сложным иерархическим структурным образованием, где в основу положено управление содержанием образования и образовательными процессами, заложенные федеральным государственным образовательным стандартом. На первом уровне находится управление воспитательной системой, так как воспитание – это сам по себе концептуальный базис построения образовательного процесса в целом, и педагогического процесса в частности, на втором уровне – управление качеством, как оценка образовательной деятельности организации степени эффективности управления образованием, образовательным процессом и воспитатель-

ной системой.

В условиях трансформации рынка образовательных услуг под влиянием различного рода факторов (экономических, социальных, политических и пр.) и самого института образовательной организации, управление – это процесс постоянного, и, одновременно с этим, постепенного переосмысления целей образования всеми субъектами педагогической деятельности для последующей выработки общей для образовательной организации и ее коллектива стратегии развития, которая позволит обеспечить изменение взаимодействующих субъектов и самого процесса взаимодействия как смены его состо-

аний [3]. Исходя из этой мысли, управление образовательной организацией – это заранее спланированный и обоснованный процесс создания условий для эффективной и результативной ее деятельности. Соответственно, на третьем и четвертом уровнях иерархии управления образовательной организацией располагаются блоки управления стратегическим развитием и (или) управления маркетинговой, рекламной деятельностью, связями с общественностью.

Вышесказанное доказывает, что на руководителя образовательной организации возложена важная миссия по исполнению социального запроса на поддержание эффективности функционирования образовательной организации как единого организма в соответствии с реалиями времени. Действительно, текущая ситуация в системе образования систематически подвергается определенным трендам, к числу которых относят массовизацию, интернационализацию образования, турбулентность мировой экономики и формирования нового технического уклада в промышленности, цифровая революция и т.п. [7]. В следствие этого, образовательные организации искусственно трансформируются в новые институции, выступающие в качестве «мультиплексной модели, состоящей из множества функций, комбинация которых может варьироваться в зависимости от локальных нужд территории, той социально-экономической среды, где учреждение существует и совокупности внешних условий» [2, с. 4]. Подобный подход сопровождается изменением не только структуры управленческой образовательной организации, но и образовательных программ, а также механизма создания и стимулирования конкуренции на рынке образовательных услуг, повышения их качества, поиска дополнительных источников финансирования и так далее. Для целей учета перечисленных и иных трендов в образовательной организации разрабатывается специальный документ – стратегия развития, «комплексный план системных действий и их реальное осуществление на основе всестороннего изучения всех закономерностей, внешних, и внутренних обстоятельств, поставленных целей и задач, обеспечивающих эффективность деятельности учреждения» [11, с. 17].

Безусловно, формирование стратегии развития образовательной организации – ответственное и ресурсозатратное, в частности, в психоэмоциональном контексте, мероприятие, соответственно руководитель должен обладать не только соответствующими *hard skills*- и *soft skills* – компетенциями, но психологической устойчивостью, от степени развития которой «зависит уровень развития профессионализма и возможность достижения им акме в профессиональной деятельности» [6, с. 92]. Важность психологической устойчивости кадров управления подчеркивается многими учеными (Л.М. Аболин, Б.С. Басаров, М.И. Дьяченко, П.Б. Зиберман, Л.А. Китаев-

Смык, Л.В. Куликов, В.Л. Марищук, В.А. Пономаренко, Ф.М. Рекешева, Е.А. Руднев, Е.Б. Филинкова и др.), однако, единой трактовки данной категории по-прежнему нет. Так, например, Г.С. Никифоров рассматривает ее как «сложное качество личности руководителя, уровень которого проявляется в его профессиональной деятельности, в надежности его подчиненных». Психологическая устойчивость, по мнению исследователя, представляет собой «синтез отдельных качеств и способностей, в котором объединяются уравновешенность, стойкость, стабильность и сопротивляемость» [9, с. 106]. М.Ф. Секач полагает, что данный феномен следует рассматривать как «характеристику адекватности психологического состояния деятельности руководителя, которая дает ему возможность поддерживать максимальную работоспособность в различных, в т.ч. и напряженных ситуациях, добываясь успеха в рамках жизненной и карьерной (профессиональной) стратегии [13, с. 17]. В свою очередь, к примеру, С.В. Хусаинова отмечает, что психологическая устойчивость – это «системное явление, включенное во взаимодействие ряда подсистем разного уровня, в которых базовым образованием зарождения и развития психологической устойчивости выступает подсистема произвольной саморегуляции в учебной (профессиональной) деятельности» [16, с. 12]. С нашей точки зрения, принимая во внимание позиции исследователей, психологическую готовность руководителя образовательной организации целесообразно рассматривать как способность (врожденную или приобретенную в результате воспитания, обучения, развития, опыта управления и пр.) находить баланс между конформностью и автономностью, удерживать это равновесие, т.ч. в целях поддержания на необходимом уровне собственной работоспособности, достижения успеха в решении поставленных перед ним профессиональных задач.

Акцентируя на концепте баланса М.В. Зиннатова отмечает, в отсутствие у индивида такого качества, как психологическая устойчивость, невозможно добиться профессиональной трансцендентности, т.е. «способности выхода за пределы своей профессиональной субъективности, раскрытия своего индивидуально-личностного потенциала в процессии и вне ее, расширения своих возможностей, умения находить новые смыслы в конкретной профессиональной области и за ее пределами, быть готовым решать профессиональные задачи в постоянно меняющихся условиях» [4, с. 307]. Таким образом, профессиональная трансцендентность по своей сути является высшей целью профессионального становления руководителя образовательной организации и процесс достижения этой цели есть профессиональная трансценденция. Нейропсихологические основы и индивидуально-психологические особенности личности руководителя, обеспечивающие потребность и действия по достижению профессиональной трансцен-

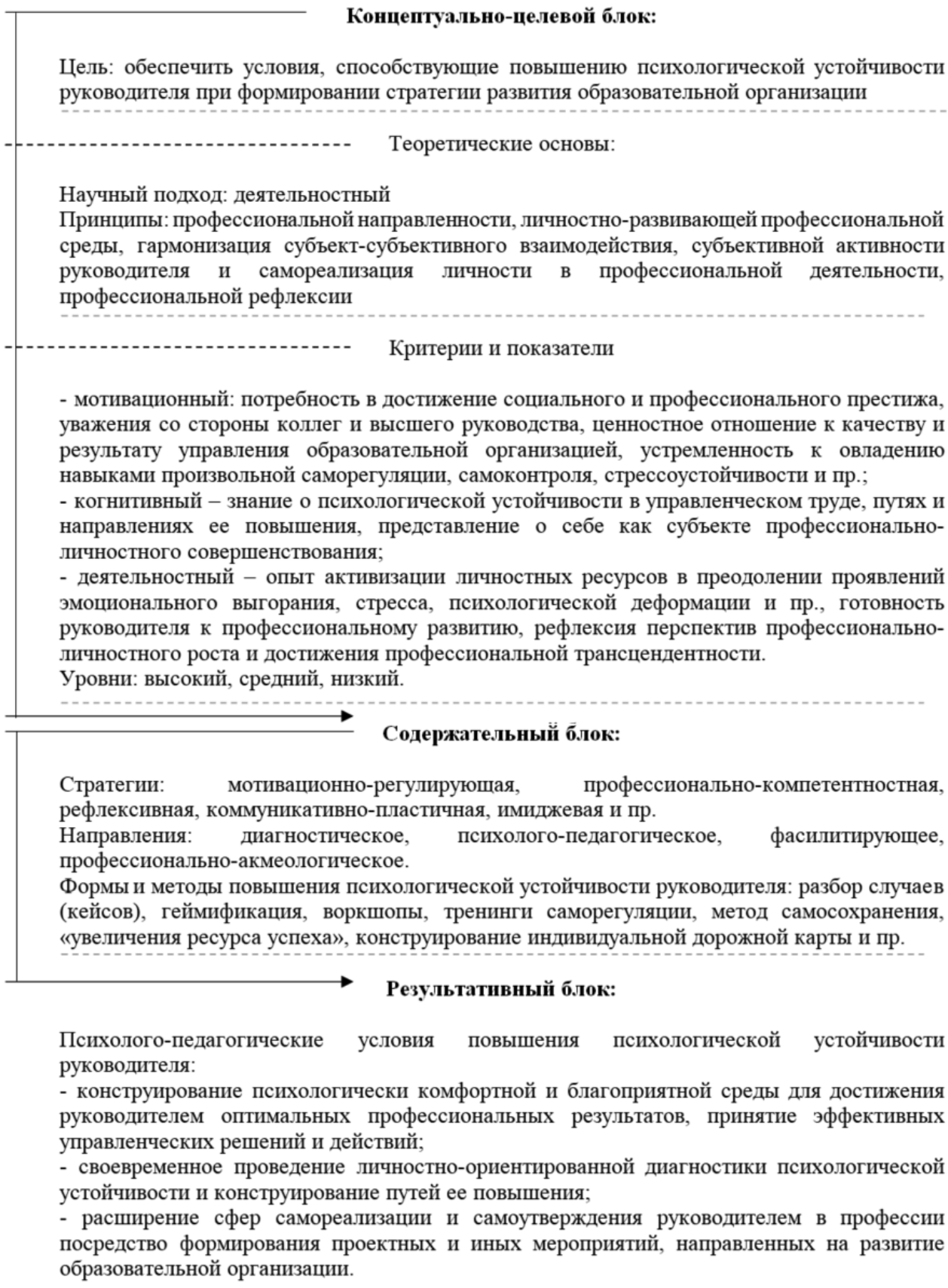

Рис. 1. Процессная модель повышения психологической устойчивости руководителя при формировании стратегии развития ОО

дентности, заключаются в трансцендентном мышлении и трансцендентных свойствах личности [5], без которых, на наш взгляд, невозможно сформировать и, соответственно, разработать и реализовать действительно актуальную, рассчитанную на долгосрочный период и учитывающую все тренды и факторы стратегию развития образовательной организации.

Доказательством данного тезиса является тот факт, что критерии достижения профессиональной трансцендентности достаточно плотно коррелируют с современными требованиями к руководителям в целом – это [14]: во-первых, активность в освоении новых технологий, средств методов, ориентиров собственной профессиональной деятельности; во-вторых, эффективное, без ущерба для качества, а нередко – с выходом на более высокий уровень профессиональной деятельности, совладание с неопределенностью и изменчивостью внешней среды; в-третьих, гибкое реагирование на любые изменения социально-экономической и профессиональной ситуации; в-четвертых, предвосхищение трендов и изменений, а в целом – предвосхищение и прогнозирование будущего; в-пятых, умение синтезировать знания из разных областей, сфер профессиональной деятельности. Если обратиться к концепциям позитивной психологии (Д. Берлайн, Э. Деси, Т. Кашдан, П. Макнайт и др.), то структуру механизма (устройства) профессиональной трансцендентности руководителя образовательной организации должны составлять:

- обучаемость и любопытство, которые обеспечат активность руководителя в познании нового в профессиональной деятельности, в частности, для интеграции в проект стратегии развития учреждения;
- проактивное совладающее поведение и толерантность к неопределенности, позволяющие ему быть устойчивым в различных профессиональных и личностно-профессиональных ситуациях;
- интеллектуальная лабильность, лежащая в основе гибкого реагирования и способности работать в условиях неопределенности и (или) многозадачности;
- антиципационная состоятельность, интуиция, прогностическая компетентность, обеспечивающие овладение перспективой будущего образовательной организации и возможность осуществления ее прогнозируемого моделирования;
- «междисциплинарность» как способность синтезировать разнообразные знания, умения и навыки, необходимые руководителю для осуществления своей профессиональной деятельности.

Таким образом, в целях достижения профессиональ-

ной трансцендентности руководитель должен обладать стабильной психологической устойчивостью.

Основываясь на вышесказанном, мы предлагаем процессную модель повышения психологической устойчивости руководителя при формировании стратегии развития образовательной организации, отражающую сконструированную совокупность классических блоков – концептуально-целевой, содержательный и резульативный (см. рис.).

Мы склонны согласиться с точкой зрения А.А. Баранова о том, что в практике повышения психологической устойчивости необходимо задействование ряда стратегий, приоритетными среди которых являются [1]:

- мотивационная – через направленность личности на собственно профессиональные цели, что дает возможность наиболее полной самореализации именно в управленческой деятельности;
- профессионально-компетентностная – через развитие операциональных профессионально-значимых качеств и опыта работы; рефлексивная – через образование понижение импульсивно-агрессивных трендов, продуманность действий и поступков, развитой самодостаточно и социальной автономности;
- коммуникативно-пластичная – копинг-стратегия, которая обусловлена темпераментальными характеристиками, обеспечивающими возможность вступления в социальные и (или) профессиональные контакты, высокую речевую активность, многообразие и быстроту смены коммуникативных программ.

Принимая во внимание широкий спектр информационного контента, руководитель образовательной организации может самостоятельно реализовать указанные в процессной модели мероприятия для повышения психологической устойчивости в логике указанных стратегий. Однако, считаем целесообразным рекомендовать инициацию взаимодействия с профессиональными учреждениями, занимающиеся диагностикой акме кадров управления и разработкой индивидуальных проектов (программ), в частности, ориентированных на работу с подсистемой произвольной саморегуляции в профессиональной деятельности и, в целом, повышение психологической устойчивости. Достижение успеха в данном направлении позволит сформулировать четкую профессиональную трансцендентность руководителя, что, в свою очередь даст возможность формирования актуальной стратегии развития образовательной организации как гаранта бесперебойного их функционирования и взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А. Психология стрессоустойчивости педагога: теоретические и прикладные аспекты: автореферат дис. ... докт. психол. наук: 19.00.07. – Санкт-Петербург, 2002. – 41 с.
2. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Концепция развития системы высшего образования в России // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 5. 7 с.
3. Жураковская В.М., Оличева О.А. Управление портфелем проектов в образовательной организации // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2021. №2. С 87-100.
4. Зиннатова М.В. Профессиональная трансцендентность – новая перспектива профессионального развития педагога // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. №1. С. 306-309.
5. Зиннатова М.В. Профессиональная трансцендентность личности: к постановке проблемы // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 24-й Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2019. – С. 321–322.
6. Коновалова Д.С. Психологическая устойчивость кадров управления: акмеологический уровень // Акмеология. 2010. №4. С. 92-93.
7. Коржова О.С. Стратегии развития высших учебных заведений: классификации и условия применения // Вестник НГУЭУ. 2021. №1. С. 284-294.
8. Морозова А.Р. Синергетическое управление образовательными организациями // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2020. №3 (263). С. 128-133.
9. Никифоров Г.С. Психология здоровья. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.
10. Овчинникова М.Б. Психологические ресурсы совладающего поведения руководителей среднего звена: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Минск, 2021. – 26 с.
11. Плаксий С.И. Стратегия развития российских вузов // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 15-22.
12. Психологические факторы социально-психологической адаптации в трудовом коллективе: монография / Р.К. Карнеев, О.А. Карнеева, А.П. Сухонос, С.С. Минава. – Брянск: РИСО БГУ, 2020. – 106 с.
13. Секач М.Ф. Психическая устойчивость человека: монография. – М.: АПКППРО, 2013. – 355 с.
14. Собольников В.В. Психология профессиональной деятельности в особых и экстремальных условиях. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 190 с.
15. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: реалии и проблемы // Педагогическое образование в России. 2020. № 4. С. 16-26.
16. Хусаинова С.В. Психологическая устойчивость обучающегося в учебно-профессиональной деятельности: концепция и технология обеспечения: автореферат дис. ... д. психол. наук: 19.00.07. – Санкт-Петербург, 2019. – 44 с.

© Мягкова Светлана Николаевна (svetainf@km.ru), Шилова Ирина Михайловна (alpaka1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ С МОТИВАЦИЕЙ ОБУЧЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

THE RELATIONSHIP OF DEVIANT BEHAVIOR WITH THE MOTIVATION OF ADOLESCENT LEARNING

*L. Proskuryakova
I. Polyakov*

Summary: It is known that the level of deviant behavior among adolescents remains significant, which is associated with the motivation of learning and determines the future human resources of the country. Purpose: to study the motivation of teaching adolescents with deviant behavior. 32 teenagers aged 15-17 years who applied to the social rehabilitation center for minors «Polar Star» were examined. The methods of studying the motivation of teaching high school students (Kalinina N.V., Lukyanova M.I.); diagnostics of educational motivation (N.C. Badmaeva); determination of the tendency to deviant behavior (SOP), (A.N. Eagle); solution of difficult situations (RTS) by Ya. Boukala (modified by O.Y. Mikhailova). The correctness of the hypothesis put forward about the existence of a relationship between learning motivation and deviant behavior of adolescents has been established: the higher the propensity to addictive behavior, the lower the motivation of duty and responsibility, prestige and the higher the motivation to avoid failures; the higher the propensity to suicidal behavior, the lower the motivation of prestige, well-being, and the higher the motivation of self-determination, creative self-realization.

Keywords: addictive, suicidal, motives of failure avoidance, prestige, self-determination, creative self-realization.

Проскурякова Лариса Александровна

*Д.б.н., доцент, ФГБОУ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет»; ФГБОУ ДПО Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал РМАНПО Минздрава России
lora-al@yandex.ru*

Поляков Иван Витальевич

*ФГБОУ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет»
lora-al@yandex.ru*

Аннотация: Известно, что уровень девиантного поведения среди подростков остается значительным, что связано с мотивацией обучения и определяет будущие кадровые ресурсы страны. Цель: изучение мотивации обучения подростков с девиантным поведением. Обследовано 32 подростка в возрасте 15-17 лет, обратившихся в социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Полярная звезда». Использованы методики изучения мотивации обучения старшеклассников (Калинина Н.В., Лукьянова М.И.); диагностика учебной мотивации (Н.С. Бадмаева); определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), (А.Н. Орёл); решение трудных ситуаций (РТС) Я. Боукала (в модификации О.Ю. Михайловой). Установлена верность выдвинутой гипотезы о существовании взаимосвязи мотивации обучения с девиантным поведением подростков: чем выше склонность к аддиктивному поведению, тем ниже мотивация долга и ответственности, престижа и выше мотивация избегания неудач; чем выше склонность к суицидальному поведению, тем ниже мотивация престижа, благополучия, и выше мотивация самоопределения, творческой самореализации.

Ключевые слова: аддиктивный, суицидальный, мотивы избегания неудач, престижа, самоопределения, творческой самореализации.

Вопреки длительной истории проведения исследований и реализации профилактических программ в области заблаговременного предупреждения рискованного поведения подростков, уровень девиантного поведения среди подростков остается значительным, что делает актуальным последующие исследования в данной области. Аналитическое рассмотрение литературы, представленной в данной работе, было выполнено с целью акцентирования на наиболее значимых гранях в личностном развитии и в процессе социализации, которые воздействуют на становление мотивационной сферы подростков с девиантным поведением и успешности обучения.

Психологи определили, что подростки, чей возраст наиболее подвержен девиациям, учатся не одинаково, что дает основания делать различия между учением и учебной деятельностью. Учебная деятельность допусти-

ма только тогда, когда она провоцируется мотивом к познавательной деятельности. В иных ситуациях мы сталкиваемся с несформированной учебной деятельностью. Обширные исследования выявили главный путь формирования познавательных мотивов. Он пролегает через правильно скоординированную учебную деятельность школьников и отработку всех ее элементов.

На сегодняшний день в психологии нет единого мнения по поводу сути мотива. В качестве мотива называются самые разные психологические феномены, такие как: намерения, представления, идеи, чувства, переживания; потребности, влечения, побуждения, склонности (Х. Хекхаузен); желания, хотения, привычки, мысли, чувство долга; морально-политические установки и помыслы; психические процессы, состояния и свойства личности; предметы внешнего мира; установки (А. Маслоу); условия существования (К. Вилюнас); побуждения, от кото-

рых зависит целенаправленный характер действий; соображение, по которому субъект должен действовать (Ж. Годфруа).

Между мотивацией и свойствами личности существует взаимосвязь: свойства личности влияют на особенности мотивации, а особенности мотивации, закрепившись, становятся свойствами личности. Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в определенную деятельность, в данном случае — учебную деятельность. Побудителем учебной деятельности является система мотивов, органично включающая в себя: познавательные потребности; цели; интересы; стремления; идеалы; мотивационные установки, которые придают ей активный и направленный характер, входят в структуру и определяют ее содержательно-смысловые особенности. Названная система мотивов образует учебную мотивацию, которая характеризуется как устойчивостью, так и динамичностью. Для подросткового возраста характерны проблемы взаимоотношений с родителями и педагогами [2]. Подростковый возраст характеризуется временем, когда происходит становление мировоззрения личности, появляются новые интересы, не связанные с образовательной деятельностью.

Цель: изучение мотивации обучения подростков с девиантным поведением.

Гипотеза: существует взаимосвязь мотивации обучения с девиантным поведением подростков:

- чем выше склонность к аддиктивному поведению, тем ниже мотивация долга и ответственности, престижа и выше мотивация избегания неудач;
- чем выше склонность к суицидальному поведению, тем ниже мотивация престижа, благополучия, и выше мотивация самоопределения, творческой самореализации.

Материалы и методы: Исследование проведено у 32 человек старшего подросткового возраста с 15 до 17 лет (25% девушек, 75% юношей), обратившиеся в социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Полярная звезда», куда подростки и их родители обращались за помощью по профилактике девиаций. Распределение выборки по видам девиантного поведения, при поступлении в МКУ СРЦН «Полярная звезда»: агрессивное — 12,5%; делинквентное — 25%; аддиктивное — 37,5%; суицидальное — 25%. Полная семья была у 18,75% подростков. Не полная семья, т.е. один родитель (мать или отец) характерна для 56,25% респондентов; наличие опекунов выявлено у 25% подростков.

Осуществлен теоретический анализ литературы, психодиагностическое тестирование, математико-статистическая обработка данных: вычисление первичных

статистик, метод ранговой корреляции Спирмена. Используются методики: изучения мотивации обучения старшеклассников (для учащихся 11-го класса), (Калинина Н.В., Лукьянова М. И.); диагностика учебной мотивации (Н.Ц. Бадмаева); определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), (А.Н. Орёл); решение трудных ситуаций (РТС) Я. Боукала (в модификации О.Ю. Михайловой).

Результаты исследования

Следует подвести итоги теоретического анализа по вопросу девиантного (отклоняющегося) поведения — это поведение индивида или группы, которое не соответствует общепринятым нормам. К основным видам девиантного поведения относятся: агрессивное поведение, делинквентное поведение, зависимое (аддиктивное) поведение, суицидальное поведение. Зависимое и суицидальное поведение особенно часто встречается среди подростков. А.Н. Орел в своей работе определяет склонность к отклоняющемуся поведению, как комплекс связанных между собой форм девиантного поведения, то есть социальные и личностные установки, стоящие за этими поведенческими проявлениями и определяющие готовность подростков к реализации девиантного поведения [5]. Авторы еще одной методики для выявления предпосылок девиантного поведения Я. Боукал и О.Ю. Михайлова рассматривают девиантное поведение через склонность к определенным защитным механизмам психики, которые проявляются в стрессовой ситуации [3].

Результаты по методике СОП А.Н. Орёл выявили, что почти 50% школьников имеют предрасположенность — или выраженность исследуемых видов отклоняющегося поведения; готовность реализовать аддиктивное поведение можно наблюдать у 37,5% подростков, у 37,5% невыражены аддиктивные тенденции и у 25% ярко выражена потребность в аддиктивных состояниях. Установлено, что у 56,25% слабый волевой контроль, у 43,75% достаточный волевой контроль поведения чувственных влечений и потребностей. На склонность к суицидальному поведению указывает — готовность реализовать различные формы аутоагрессивного поведения. У 46,88% человек отсутствует тенденция к саморазрушающему поведению, 34,38% имеют склонность к риску и аутодеструктивному поведению, у 18,75% подростков.

В ходе проведенного исследования методикой решение трудных ситуаций (РТС) Я. Боукала определено, что средний уровень склонности к употреблению психоактивных веществ имеется у 46,88% подростков. У 40,63% есть тяга к наркотизации, в тоже время 12,5% подростков она отсутствует. Стремление не думать, упокоить себя, переключиться на что-нибудь другое, объяснить наличие неприятностей стечением обстоятельств или невезением развито в норме у 28,13% подростков. Однако

40,63% респондентов склонны переключать внимание от проблемной ситуации и заменять его на отклоняющиеся формы поведения. Высокую склонность забывать о проблеме имеют 15,63% человек. Пониженная тяга к снятию психического напряжения имеется у 15,63% подростков. Так же можно наблюдать, что 53,13% подростков имеют средние тенденции к компенсации неудач. Однако, 34,38% респондентов склонны переключаться на иные виды деятельности, в случае неудачи, высокие показатели по данному критерию имеют 12,5% обследуемых. На склонность к суицидальному поведению указывают наличие у подростка склонности обращать свой гнев и отчаяние против самого себя, причинять себе боль, заставляя себя делать что-нибудь особенно неприятное в наказание за неудачи. У 40,63% подростков нет склонности агрессивировать на себя, 28,13% подростков имеют тенденцию раздражаться на себя, у 9,38% респондентов высока склонность к самобичеванию. Полученные результаты свидетельствуют, что у 21,88% пониженная склонность к аутоагрессии; склонность обвинять самого себя в случившихся неудачах или неприятностях, объяснять проблемы своими недостатками (неумением, незнанием, ленью и т.д.).

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что 43,75% подростков имеют средние показатели по данному критерию. Склонны к самообвинению 25% подростков, высокий показатель данной шкалы имеют 9,38% подростков. В тоже время установлено, что не склонны к самоосуждению 21,88% подростков.

Обзор литературы по проблеме мотивации обучения позволил в нашем исследовании полагаться на труды Калининой Н.В. и Лукьяновой М.И., в которых учебная мотивация школьников отражает сущность обоснованных компонентов мотивации и взаимосвязь между ними. Это наличие личностного смысла обучения, выраженность определенных типов мотивов (познавательных и социальных, внешних и внутренних, стремление к успеху и избеганию неудач), постановка целей, достижение доминирующих мотивов в поведении, эмоциональная составляющая [4]. Бадмаева Н.Ц. в своих исследованиях определяет важность мотивационных компонентов для развития общих интеллектуальных способностей и успешности обучения [1].

Диагностика мотивации обучения у подростков по методике изучения мотивации обучения старшеклассников (для учащихся 11-го класса), Н.В. Калинина, М.И. Лукьянова позволила получить следующие результаты: 30% подростков, склонных к аддиктивному поведению, имеют средний уровень мотивации обучения. У аналогичного количества подростков (30%) отмечается сниженный уровень мотивации обучения. Однако установлено, что 20% респондентов данной группы все же заинтересованы в образовательном процессе (высокий

уровень мотивации обучения). У оставшихся обследуемых (20%) выявлен низкий уровень — они не мотивированы на получение знаний.

Уровень мотивации обучения у подростков, склонных к суицидальному поведению, немного выше среднего, что свидетельствует о хорошей мотивации обучения у 33,33% испытуемых (табл.3.).

Однако, удовлетворительный результат показали 41,67% респондентов, у них отмечался средний уровень мотивации обучения. Так же в этой группе имелись и подростки (25%) совсем не заинтересованные учебной деятельностью. Подростки, склонные к аддиктивному поведению, имеют следующие преобладающие мотивы. Так доминирующий социальный мотив (главная цель мотива – коммуникативная) отмечался у 15% подростков.

Доминирующий позиционный мотив (желание не быть хуже других) – тоже был характерен для 15% подростков.

Однако, оценочный мотив (главная цель – получение оценок) предпочитали 20% подростков; внешний мотив (привлекают внешние атрибуты школьника, учащийся понимает, что в школу ходить надо) был наиболее важен для 20% подростков.

У подростков, склонных к суицидальному поведению, преобладают иные виды мотивов. Так, учебный мотив доминировал (ориентация на получение знаний) у 25% подростков данной группы.

Мотив позиционный (желание не быть хуже других) был характерен для 25% респондентов. Наиболее предпочитаемый внешний мотив (привлекают внешние атрибуты школьника, учащийся понимает, что в школу ходить надо) отмечался у 16,67% подростков.

Изучение видов ведущих мотивов по методике Н.Ц. Бадмаевой у подростков показало, что у склонных к аддиктивному поведению, преобладают мотивы избегания неудачи – 40% респондентов; мотивы благополучия (стремление получить одобрение) – 20% респондентов. Мотивы аффилиации (стремление быть в обществе других людей) характерны для 20% подростков; мотивы самоопределения и самосовершенствования предпочитали 10% респондентов.

У подростков второй группы, склонных к суицидальному поведению, наблюдается несколько иная ситуация. Так мотивы самоопределения и самосовершенствования наиболее характерны для 41,67% подростков. Они отвечают за понимание важности знаний для будущей профессиональной подготовки и тягу к интеллектуальному развитию. Наиболее предпочитаемые мотивы

творческой самореализации характерны для 33,33% респондентов и отражают потребность в самовыражении посредством созидания; мотивы избегания неудач характерны для 25% подростков.

Результаты по методике диагностики учебной мотивации Н.Ц. Бадмаевой показали, что подростки, склонные к аддиктивному поведению, имеют крайне высокий процент мотива избегания неудач.

Это приводит к низкой продуктивности и формальному отношению к учебе. Такие подростки боятся за результаты своей деятельности, особенно если она оценивается другими людьми. Также для данной группы подростков очень предпочитаемы мотивы благополучия и аффиляции, которые выражаются в стремлении получить одобрение, хорошие оценки, они стремятся к коммуникациям со сверстниками, близость с другими людьми снижает тревожность и повышает уверенность в себе у данной группы респондентов.

Однако, подростки, склонные к суицидальному поведению, более ориентированы на самообразование и творческую деятельность.

Определение взаимосвязи аддиктивного поведения и ведущих мотивов по гипотезе исследования показало, что коэффициент корреляции у мотивов долга и ответственности ($r_s = -0,24$ при $p \leq 0,05$), престижа ($r_s = -0,21$ при $p \leq 0,05$) имеет слабый уровень связи. Исходя из данных, можно сделать вывод о том, что эти факторы мотивации обучения не выражены для подростков с аддиктивными тенденциями и не оказывают должного влияния на процесс обучения.

Очень высокая взаимосвязь у мотива избегания неудач и склонности к аддиктивному поведению. Явное преобладание имеет фактор избегания неудачи ($r_s = 1,44$ при $p \leq 0,01$), он показывает значимость для учащегося наказания, порицания за его учебные неудачи со стороны других людей. Учащиеся с выраженной мотивацией страха наказания учатся, прежде всего, потому, что боятся, что иначе их будут ругать, наказывать.

Корреляционная взаимосвязь суицидального поведения и ведущих мотивов оказалась очень слабой отрицательной между склонностью к суицидальному поведению и мотивами благополучия ($r_s = -0,14$ при $p \leq 0,05$) и престижа ($r_s = -0,12$ при $p \leq 0,05$). Явное преобладание имеют мотивы самоопределения ($r_s = 1,2$ при $p \leq 0,01$), и творческой самореализации ($r_s = 0,64$ при $p \leq 0,01$), о чем говорит очень сильная положительная связь с показателем склонности к суицидальному поведению.

Выводы

Результат исследования мотивации взаимосвязи мотивации обучения с девиантным поведением подростков подтверждены:

- чем выше склонность к аддиктивному поведению, тем выше мотив избегания неудач и престижа;
- чем выше склонность к суицидальному поведению, тем выше мотив самоопределения, творческой самореализации. Полученные результаты могут быть применимы практически и школьными психологами, учителями и родителями для повышения уровня мотивации обучения подростков с девиантным поведением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. - Улан-Удэ, 2004, С.149-150. ISBN 5-89230-193-1. — Текст: непосредственный.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 160 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-06998-3. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/452935> (дата обращения: 12.04.2021).
3. Дмитриев М.Г., В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов // Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков // СПб.: ЗАО Пони, 2010, ISBN 5-89940-008-0.
4. Лукьянова М.И. Калинина Н.В. // Психолого-педагогические показатели деятельности школы: Критерии и диагностика. / М.И. Лукьянова Н.В. Калинина. — М.: ТЦ Сфера, 2004. — 208 с. ISBN 5-89144-490-9. — Текст: непосредственный.
5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие для вузов. - Москва: Институт Психотерапии, 2005. - 489 с. - ISBN 5-89939-086-7.

© Проскурякова Лариса Александровна (lora-al@yandex.ru), Поляков Иван Витальевич (lora-al@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С НЕВРОТИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИЕЙ У СОТРУДНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ

EMOTIONAL BURNOUT AND ITS CONNECTION WITH NEUROTIC DEPRESSION IN EMPLOYEES OF THE FEDERAL FIRE SERVICE

*L. Proskuryakova
A. Trusova*

Summary: The importance of the phenomenon of emotional burnout for employees of the federal fire service and its relationship with neurotic depression is considered. Objective: to identify the relationship between emotional burnout and neurotic depression in employees of the Federal Fire Service. Employees of one of the fire and rescue squad of the FPS GPS of the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the Kemerovo region - Kuzbass were examined.

Methods of diagnostics of the level of emotional burnout (V.V. Boyko); questionnaires of professional burnout (K. Maslach, S. Jackson, in the adaptation of N.E. Vodopyanova); for the identification and evaluation of neurotic states (K.K. Yakhin, D.M. Mendelevich) and depressive states (I.G. Bepalko). It was determined that with an increase in the level of emotional burnout, the level of neurotic depression also increases. The results obtained can be used to prevent emotional burnout and neurotic depression in employees of extreme professions.

Keywords: depression, emotional burnout, extreme profession, correlation relationship.

Проскурякова Лариса Александровна

Д.б.н., доцент, ФГБОУ ВПО Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет» Министерства образования и науки РФ; ФГБОУ ДПО Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал РМАНПО Минздрава России lora-al@yandex.ru

Трусова Анна Олеговна

ФГБОУ ВПО Кузбасский гуманитарно-педагогический институт «Кемеровский государственный университет» Министерства образования и науки РФ; ФГБОУ ДПО Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал РМАНПО Минздрава России anna-verbaa@mail.ru

Аннотация: Рассматривается важность феномена эмоционального выгорания для сотрудников федеральной пожарной службы и его взаимосвязь с невротической депрессией. Цель: выявление взаимосвязи эмоционального выгорания и невротической депрессии у сотрудников Федеральной пожарной службы. Обследованы сотрудники одного из пожарно-спасательного отряда ФПС ГПС Главного управления МЧС России по Кемеровской области – Кузбассу. Применены методики диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В. Бойко); опросники профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой); для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д.М. Менделевич) и депрессивных состояний (И.Г. Беспалько). Определено, что с повышением уровня эмоционального выгорания повышается и уровень невротической депрессии. Полученные результаты могут использоваться для профилактики эмоционального выгорания и невротических депрессий у сотрудников профессий экстремального профиля.

Ключевые слова: депрессия, эмоциональное выгорание, экстремальная профессия, корреляционная взаимосвязь.

Изучение эмоционального выгорания сотрудников экстремального профиля является одним из актуальных направлений исследований в области практической психологии профессиональной деятельности. Это обусловлено поиском эффективных средств и методов сохранения профессионального долголетия у специалистов, деятельность которых протекает в экстремальных условиях. Неподготовленность сотрудников к физическим и психическим нагрузкам, серьезные происшествия на выезде, и сама специфика деятельности, связанная с постоянной опасностью, приводит к эмоциональному выгоранию сотрудников. Изучение данной проблемы имеет особую важность, так как эмоциональ-

ное выгорание может привести к разочарованию в профессии, деморализации, склонности к употреблению наркотиков и алкоголя, возникновению психосоматических расстройств, а также невротической депрессии, в формировании которой существенная роль принадлежит неблагоприятным внешним воздействиям, травмирующим событиям, стрессу, чем и наполнена профессия пожарных.

Распространенность, актуальность и последствия данной проблемы указывают на недостаточную изученность научных воззрений в рамках специфики последствий для психического здоровья профессиональной

деятельности пожарных. Кроме того, отмечается сложность в своевременном выявлении наличия эмоционального выгорания и депрессивных состояний, и трудность в отслеживании протекания данных феноменов, а также недостаточное внедрение профилактических мер для поддержки сотрудников, выполняющих профессиональную деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, все вышеперечисленное определило актуальность рассматриваемой темы исследования с целью выявить взаимосвязи эмоционального выгорания и невротической депрессии у сотрудников Федеральной пожарной службы.

Материалы и методы: Исследование проведено на базе ФПС ГПС Главного управления МЧС России по Кемеровской области – Кузбассу, выборку составили 64 сотрудника (из них 48 мужчин, 16 женщин в возрасте от 24 до 45 лет). Стаж сотрудников на момент обследования составляет от 2 до 23 лет. Анализ выборки по стажу показал, что преобладают сотрудники со стажем работы 10-15 лет (60%). Осуществлен теоретический анализ литературы, психодиагностическое тестирование, математико-статистическая обработка данных (вычисление первичных статистик, коэффициента корреляции r Пирсона). Для изучения психологических показателей использованы стандартизированные валидные методики: 1. диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В. Бойко); 2. опросник профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой); 3. клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич); 4. опросник депрессивных состояний (ОДС) (И.Г. Беспалько).

Результаты исследования

Согласно литературным данным, синдром эмоционального выгорания сочетает в себе симптомы нарушений в психической, соматической и социальной сферах жизни. На основе анализа точек зрения на природу эмоционального выгорания, мы в нашем исследовании будем использовать определение В.В. Бойко, который представляет данный феномен, как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия [4]. В.В. Бойко дает подробную картину синдрома эмоционального выгорания как динамического процесса, возникающего поэтапно в полном соответствии с механизмом развития стресса, а также включает в себя симптомы разной степени выраженности. Эмоциональное выгорание согласно К. Маслач и С. Джексона, понимается как феномен длительного ответа работника на хронические межличностные стрессоры на работе [6]. Анализ научной

литературы позволил выявить две базовые теоретические концепции феномена эмоционального выгорания. Один из них рассматривает эмоциональное выгорание в качестве синдрома, который состоит из симптомов, отличающихся интенсивностью [5]. Второй теоретический конструкт предполагает, что эмоциональное выгорание является процессом и личность проходит определенные стадии.

На основе анализа точек зрения на природу невротической депрессии, мы в нашем исследовании будем использовать теорию И.Г. Беспалько, который четко дифференцирует невротическую и эндогенную депрессию [3]. Это отражается в его опроснике депрессивных состояний в коллективной монографии с В.А. Абабковым [1]. В компоненты для сравнения входят фактор возбудимости и эмоциональной лабильности, которые отличают невротическую депрессию и эндогенную. Вопросы затрагивают тему отсутствия терпения, переживаний и раздражения, потери контроля над своими эмоциями, возбужденности. Неустойчивость в поведении влечет за собой интенсивную вегетативную лабильность. Люди с эндогенной депрессией имеют отличительную характеристику: низкая лабильность, однако, мало отличаются от нормы (по данным опросника). В их поведении отражается неумение самостоятельно принимать решения и постоянный поиск помощи со стороны, излишне яркая взаимосвязь своего мнения и окружающих (при невротической депрессии такая особенность встречается крайне редко), отсутствие интереса и мотивации к общению. Соматические и вегетативные нарушения встречаются реже, в сравнении с людьми, имеющими невротическую депрессию. Кроме того, для более полного изучения картины невротической депрессии, в работе будет использована теория К.К. Яхина и Д.М. Менделевич, которые под невротической депрессией понимают один из основных синдромов невротических состояний [7].

Таким образом, для невротической депрессии характерны следующие симптомы: нарушение работоспособности, апатичность, проблемы со сном, вегетативные расстройства. Данный феномен развивается в связи с влиянием острой стрессовой ситуации. Кроме того, невротическая депрессия характеризуется такими симптомами, как упадок сил и настроения, что вызывает повышенную раздражительность, тревожность, слезливость и вялость, физические признаки включают давящие боли в области сердца, головные боли, головокружения и бессонницу, что, в свою очередь, вызывает эмоциональную неустойчивость и плохое физическое самочувствие, негативно сказывающиеся на качестве жизни в целом. При этом следует различать невротическую депрессию от эндогенной. Невротическая депрессия не имеет проявлений на внешнем облике и поведении людей, именно поэтому близкие люди иногда могут не замечать проис-

ходящего. По мере течения невротической депрессии пониженное настроение не приобретает свойств стойкой подавленности, а, напротив, подвержено изменениям, серьезным колебаниям, амплитуда и динамика которых непосредственно связана с изменениями в жизненных обстоятельствах.

В ходе исследования была осуществлена диагностика эмоционального выгорания по методике В.В. Бойко, что позволило получить следующие результаты: у большинства респондентов (54%) не сложилась фаза «Напряжение», результаты оказались на низком уровне. У меньшего количества исследуемых (30%) складывается фаза «Напряжение». Меньшее число респондентов (16%) оказалось с высоким уровнем данной фазы. Кроме того, у большинства респондентов (89%) не сложилась фаза «Резистенция». У меньшего количества исследуемых (11%) данная фаза является складывающейся. Высоких результатов по фазе «Резистенция» не было выявлено. Последняя фаза в синдроме эмоционального выгорания – фаза «Истощение». Большинство респондентов (82%) имеют низкие результаты по данной фазе, что говорит о том, что она не сложилась. У меньшей части респондентов (18%) данная фаза складывается. Высоких результатов по фазе «Истощение» не было выявлено. Был выявлен общий показатель эмоционального выгорания: у большинства респондентов (74%) не сложился синдром эмоционального выгорания, результаты находятся на низком уровне. Однако часть респондентов (26%) имеет складывающийся синдром.

Результаты по методике К. Маслач показали, что большая часть респондентов (55%) имеет высокий уровень эмоционального истощения. Меньшая часть исследуемых (43%) имеет низкий уровень эмоционального истощения. Незначительная часть респондентов (2%) имеет средний уровень эмоционального истощения. Большая часть респондентов (48%) имеет высокий уровень деперсонализации. Меньшая часть респондентов (22%) имеет средний уровень, остальная часть (30%) – низкий уровень. Кроме того, высокий уровень редукции профессионализма был отмечен у большинства респондентов (42%). Меньшая часть исследуемых имеет средний уровень (25%). Остальная часть (33%) – низкий уровень. Определение общего показателя эмоционального выгорания по данной методике диагностировало отсутствие выраженного эмоционального выгорания на высоком уровне. У большинства исследуемых (68%) низкий уровень эмоционального выгорания. Однако остальная часть респондентов (32%) имеет эмоциональное выгорание на среднем уровне.

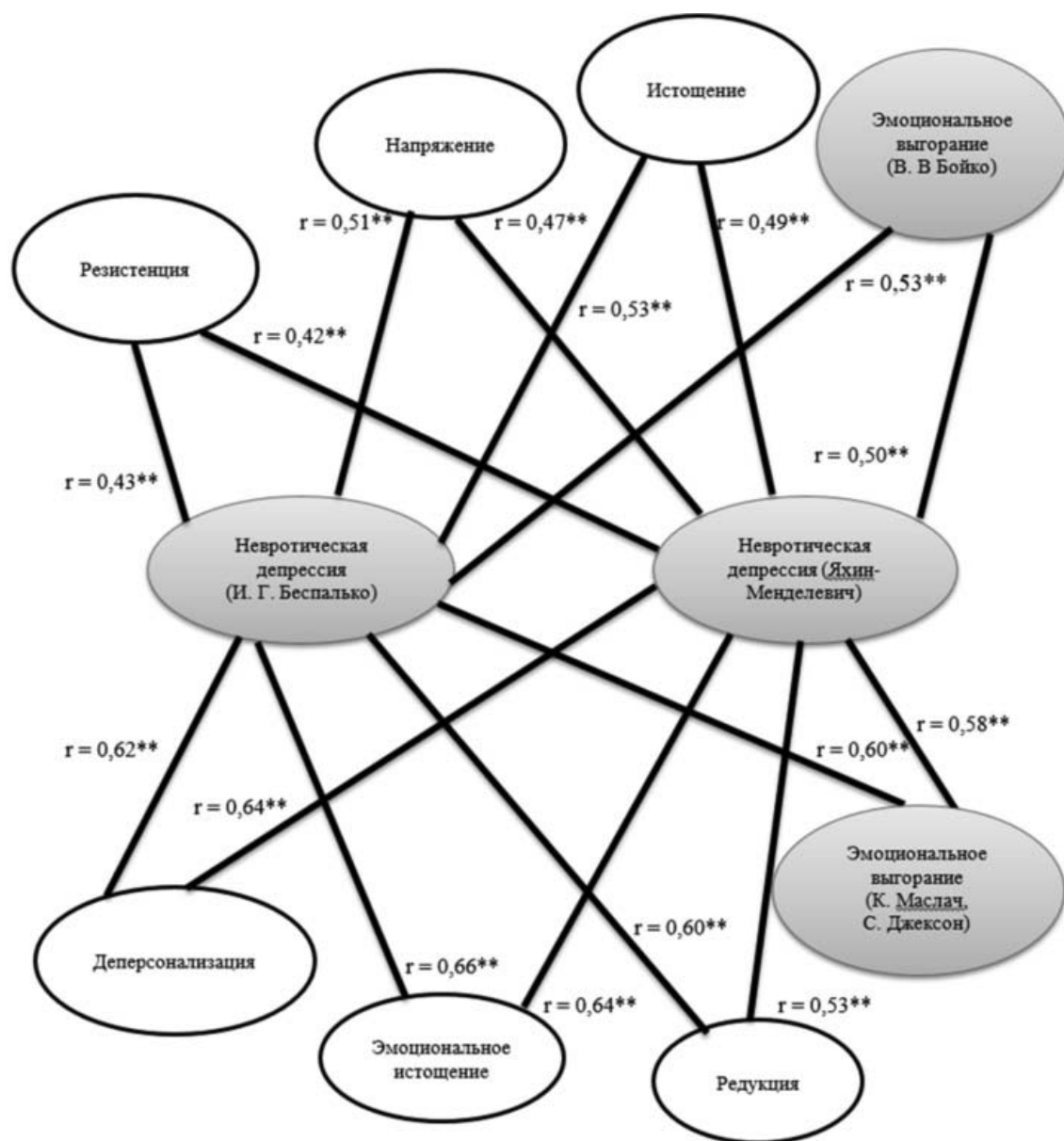
Результаты исследования депрессивного состояния по методике ОДС (И.Г. Беспалько) установили, что больше половины респондентов (60%) не находятся в депрессивном состоянии, у остальных (40%) данное

состояние присутствует. Респонденты, находящиеся в депрессивном состоянии, имеют сниженную работоспособность, психосоматические нарушения, подвержены апатии, фон настроения обычно ниже среднего, ближе к подавленному, имеется тенденция уходить в себя и в мрачные мысли. Опросник депрессивных состояний позволяет дифференцировать респондентов с невротической и эндогенной депрессией, которые имеют различные характеристики, у 75% респондентов с депрессивным состоянием невротический спектр депрессии (невротическая депрессия). Остальная часть респондентов (25%) имеет эндогенный спектр депрессии (эндогенная депрессия).

Полученные результаты по методике К.К. Яхина, Д.М. Менделевича свидетельствуют, что, меньше половины респондентов (42%) имеет высокий уровень невротической депрессии, остальная часть исследуемых (58%) имеет низкий уровень. Пограничного состояния не было выявлено. Невротическая депрессия формируется у лиц с такими психологическими особенностями, как излишняя открытость, низкая гибкость, неумение решать конфликты конструктивными путями. При этом эмоциональны, но сдерживают и подавляют проявления чувств вовне.

Анализ взаимосвязи эмоционального выгорания и невротической депрессии производился с помощью критерия корреляции Пирсона (рис.1).

Анализ показал, что существует значимая взаимосвязь эмоционального выгорания и невротической депрессии у сотрудников Федеральной пожарной службы, а именно: чем выше эмоциональное выгорание, тем выше невротическая депрессия. Фаза напряжения приводит к значительному упадку сил. Человек чувствует эмоциональное истощение, которое имеет непосредственную связь с выполнением профессиональных обязанностей. Данные состояния развиваются и постепенно переходят за пределы профессиональной деятельности и начинают влиять на личность в целом и его остальные жизненные сферы. Данный феномен формирует невротическую депрессию. Фаза резистенции влияет на формирование и дальнейшую трансформацию защитных реакций. Данные механизмы приводят к эмоциональной изоляции, отстраненности, безразличному отношению. Если профессиональные обязанности требуют при их выполнении эмоционального участия, то человек начинает ощущать избыточное переутомление. Подобный процесс происходит и в тех случаях, когда важен эмоциональный контакт при межличностном взаимодействии в профессиональной обстановке. Длительные хронические стрессы и нахождение в психотравмирующих ситуациях приводят к развитию невротической депрессии. Фаза истощения предполагает психическое и физическое переутомление человека до степени

** уровень значимости $p \leq 0,01$ прямая значимая взаимосвязь

Рис. 1. Результаты взаимосвязи эмоционального выгорания и невротической депрессии

опустошенности. Помимо этого, работник принижает свои профессиональные успехи, сомневается в своей компетенции, нарушаются профессиональные межличностные связи, развивается циничное отношение к коллегам и клиентам. Организм дает ответную реакцию в виде психосоматических нарушений. Невротическая депрессия также приводит к опустошению, нарушению межличностных коммуникаций и психосоматическим нарушениям. Эмоциональное истощение характеризуется снижением эмоционального тонуса, утратой позитивных чувств, психической истощаемостью. Невротическая же депрессия также характеризуется притуплением эмоций и психической отстранённостью. Деперсонализация проявляется в личностной отстранённости, когда человек выполняет свои профессиональные обязанно-

сти автоматически. Данная замкнутость со временем начинает влиять и на другие сферы жизни личности. Таким образом, при невротической депрессии у человека нет личностной включенности не только в профессию, но и в свою жизнь в целом. Редукция приводит к неудовлетворенности сотрудника в своих профессиональных возможностях. При углублении данного феномена это приводит к изоляции от окружающих, что является проявлением невротической депрессии.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить, что большая часть респондентов не имеет выраженного синдрома эмоционального выгорания, однако немалая часть исследуемых

имеет высокие результаты по фазам данного феномена, у них начинает складываться синдром эмоционального выгорания. В таких случаях необходимо проводить психокоррекционную работу, так как со временем и постепенно у респондентов сформируется эмоциональное выгорание. У немалой части испытуемых уже сформировалась фаза «Напряжение», что говорит о развитии эмоционального выгорания. Результаты обеих методик позволяют сделать вывод о наличии или начале формирования эмоционального выгорания у большинства исследуемых. Меньше половины респондентов находятся в депрессивном состоянии. Большая часть подвержена именно невротической депрессии, что говорит о нали-

чии психотравмирующих ситуаций в их жизни, которые приводят к таким проявлениям невротической депрессии, как пониженное настроение, вегетативные нарушения, адиамина.

Определено, что с повышением уровня эмоционального выгорания повышается и уровень невротической депрессии. Полученные результаты исследования могут использоваться в работе психологов и сотрудников Федеральной пожарной службы и в целом МЧС; позволят определить наличие и осуществить профилактику эмоционального выгорания и невротических депрессий у сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков В.А. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности. Коллективная монография / В.А. Абабков, М.А. Березин, И.Г. Беспалько, А.П. Бизюк. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2014. – 405 с. – ISBN: 978-5-98620-111-5. – Текст : непосредственный.
2. Абдуллаева В.К. Условия и факторы формирования затяжного течения невротических депрессий / В.К. Абдуллаева, Д.Г. Сайдалиходжаева // Теоретическая и прикладная наука. – 2018. – №2. – С. 133-135. – Текст : электронный. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32530450> (дата обращения: 13.05.2021). – Режим доступа: авторизованный.
3. Беспалова О.В. Профессиональное выгорание сотрудников МЧС России / О.В. Беспалова, М.Л. Кирянова, М.В. Казакова // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2019. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vyugoranie-sotrudnikov-mchs-rossii> (дата обращения: 13.05.2021). – Режим доступа: авторизованный.
4. Бойко В.В. Энергия эмоций / В.В. Бойко. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 480 с. – ISBN 5-94723-888-8. – Текст : непосредственный.
5. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 336 с. – ISBN 978-5-534-03082-2. – Текст: непосредственный.
6. Маслач К. Измерение пережитого эмоционального выгорания / К. Маслач, С. Джексон // Журнал профессионального поведения. – 1981. – №2. – С. 99-113. – Текст: электронный. – URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferencelD=691636> (дата обращения 13.05.2021). – Режим доступа: авторизованный.
7. Яхин К.К. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний / К.К. Яхин, Д.М. Менделевич // Казанский медицинский журнал. – 1978. – №4. – С. 51-53. – Текст : электронный. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28301781> (дата обращения: 13.05.2021). – Режим доступа: авторизованный.

© Проскуракова Лариса Александровна (lora-al@yandex.ru), Трусова Анна Олеговна (anna-verbaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВ КОНЦЕПЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ Б.И. ДОДОНОВА С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДА ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Рендакова Александра Вадимовна

Аспирант, Кубанский государственный университет,
г. Ростов-на-Дону
alexrendak@gmail.com

THE FOUNDATIONS OF B.I. DODONOV'S CONCEPT OF A PERSON'S EMOTIONAL ORIENTATION USING THE METHOD OF PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS

A. Rendakova

Summary: The article analyzes the foundations of B.I. Dodonov's concept of a person's emotional orientation using the method of philosophical hermeneutics. On the basis of the study, the disclosure of the contents of the concept, provided by B.I. Dodonov, and types of person's emotional orientation is justified.

Keywords: the concept of the emotional orientation of a person by B.I. Dodonov, emotions, feelings, emotional processes, nature of emotions, emotional orientation, B.I. Dodonov.

Аннотация: В статье приведен анализ фундаментальных основ концепции эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова с применением метода философской герменевтики. На базе проведенного исследования оправдан переход к раскрытию содержания понятия и типов эмоциональной направленности личности в рамках концепции Б.И. Додонова.

Ключевые слова: концепция эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова, эмоции, чувства, эмоциональные процессы, природа эмоций, эмоциональная направленность личности, Б.И. Додонов.

Содержание концепции и постановка цели

В психологии существуют различные подходы к исследованию и типологии личности. Однако в большинстве работ отечественных ученых (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Л.И. Божович) в качестве ведущей характеристики личности выделяется ее направленность. В целом, под направленностью понимают совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, относительно независимых от наличной ситуации [6, с. 510].

Оригинальный взгляд на природу и типологию личности принадлежит советскому психологу Борису Игнатьевичу Додонову (1923-1985), профессору Симферопольского университета, доктору психологических наук. Основное направление работ Б.И. Додонova — изучение взаимосвязи эмоций и личности, что видно из перечня его основных публикаций:

- Направленность, характер и типичные переживания человека // Вопросы психологии. — 1970. — № 1.
- Типы общей эмоциональной направленности людей и тенденции структурирования их эмоциональной сферы // Вопросы психологии. — 1972. — № 1.
- Потребности, отношения и направленность лич-

- ности // Вопросы психологии. — 1973. — № 1.
- Эмоция как ценность. — М.: Политиздат, 1977.
- О системе «Личность» // Вопросы психологии. — 1985. — № 5.
- В мире эмоций. — М.: Политиздат, 1987.

Основная идея Б.И. Додонova состоит в выделении эмоциональной направленности личности в качестве присущей каждому человеку потребности в эмоциональных переживаниях. В своей основной научной работе «Эмоция как ценность» Б.И. Додоновым предложено новое понимание природы эмоций: не исключительно в качестве оценок, направляющих деятельность человека на тот или иной объект или же отвращающих его от него, но и как самостоятельных ценностей.

Целью статьи является анализ фундаментальных основ концепции эмоциональной направленности личности Б.И. Додонova. По мере подготовки к написанию статьи мы столкнулись проблемой коренного несоответствия объема большинства понятий, содержание которых, общепризнанное в настоящее время, может кардинально отличаться от того, которое вкладывал в них автор. В науке философии разработан метод, позволяющий избежать роковой логической ошибки подмены понятия.

Герменевтика – это направление в философии XX века, возникшее на основе общей теории интерпретации и представляющее собой способ философствования, истолкования и понимания текстов и заложенных в них смыслов, понимания и анализа текстов, которые были написаны в ином историческом контексте. В узком смысле, согласно философу В. Дильтею, герменевтика является техникой интерпретации, дающей средства практического искусства истолкования объектов, в качестве которых выступают история и культура.

Таким образом, основное назначение использования герменевтического метода в настоящей статье состоит в том, чтобы в процессе интерпретации учитывать те внутренние и внешние обстоятельства (мировоззренческие, идеологические установки, актуальные научные концепции, социально-исторические условия эпохи и т.п.), которые на первый взгляд не очевидны, но являются факторами, значительно повлиявшими на область смысла.

Поскольку категория «ценность» будет ведущей в концепции Б.И. Додонова, представляется правомерным начать с ее рассмотрения.

Категория «ценность», «ценности»: содержание

Само понятие «ценности» Б.И. Додонов раскрывает, отталкиваясь от понимания ценностей С.Л. Рубинштейна, который писал, что они выражают то, что значимо для человека «в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории» [9]. При этом Додонов сталкивается с необходимостью разграничить ценности фактические и признаваемые.

Понятие «фактическая ценность», по Додонову, «определяется соответствием предмета или явления понятию потребности как объективной нужды, а не нужды, понимаемой или переживаемой субъектом» [4, с. 4]. При этом «в качестве мотивов поведения могут выступать только признаваемые (индивидом) ценности, причем совершенно независимо от того, истинны они или ложны» [4, с. 4]. Таким образом, можно заключить, что термин «фактические ценности» в целом, отражает по Додонову, содержание общепризнанных, т.н. объективных ценностей, в то время как «признаваемые» – ценности субъективные, разделяемые индивидом.

Согласно Додонову, «ориентация человека на определенные ценности может возникнуть только в результате их предварительного признания (положительной оценки — рациональной или эмоциональной)» [4, с. 6]. Автор вводит понятие «ценностные ориентации», причем, следуя логике своей терминологии, понимает под ним фактическое направление активности субъекта на тот или иной объект: «об ориентации на ту или иную

ценность можно говорить только тогда, когда субъект так или иначе «запроектировал» в своем сознании (или «подсознании») овладение ею» [там же].

Отсюда мы заключаем, что понятия «ценность» и «мотив» у Б.И. Додонова практически полностью совпадают. Как он сам пишет: «следуя в трактовке мотива в основном точке зрения А.Н. Леонтьева, мы будем понимать его как ценность, рассматриваемую по отношению к той деятельности, которая направлена на утверждение этой ценности или овладение ею» [4, с. 5]. Очевидно, что данная позиция объяснима, учитывая авторитет личности одного из ведущих отечественного психолога того периода, автора теории деятельности А.Н. Леонтьева, а также влияние диалектического материализма, которому была подвергнута советская психология в целом.

Классификация ценностей

Двигательной силой, запускающей познавательные, эмоциональные и волевые процессы являются потребности состояния. В классификации потребностей Б.И. Додонов выделяет устойчивые потребности-свойства «как механизмы, направляющие нашу активность на овладение определенными ценностями» [4, с. 7], чья суть раскрывается через понятие «программа жизнедеятельности» [там же] и мгновенно запускающиеся временные программы («квази-потребности», по Курту Левину) которые помогают скорректировать основные программы с учетом специфики той ситуации, в которой приходится ее реализовывать. Разница между ними демонстрируется на примере потребности в снабжении организма кислородом: устойчивой потребностью является дыхание в целом, временной потребностью – дыхание свежим воздухом в ситуации нахождения в душном помещении.

Соответственно, им выделяются два следующих вида ценностных ориентаций человека: простые, определяемые устойчивыми потребностями, и гаснущие ценностные ориентации, которые, в свою очередь, определяются временными программами-потребностями.

Считая необходимым дополнить их, Б.И. Додонов вводит понятие «воспроизводимых ценностных ориентаций». Как он пишет, «в механизме дополнения постоянной программы-потребности временной особенно важную роль играют рождаемые первой оценочные отношения к создавшейся ситуации и включенным в нее объектам. Такого рода отношения чаще всего, выполнив свою роль, угасают. Но в определенных случаях (при очень интенсивном или неоднократном их переживании) они могут закрепиться в личности и эмансипироваться от породившей их потребности. Такие эмансипированные отношения, подобно следам прошлых восприятий, могут пребывать как в потенциальном, так и актуальном состояниях. В последнее состояние их

приводит повторная встреча с объектом, когда-то уже стоявшим в определенном объективном отношении к потребностям человека, а теперь «пробуждающим» отразившую их тогда эмоцию уже вне реальной связи с этими потребностями. Тем не менее актуализация таких эмансипированных отношений способна также вызвать у человека определенные ценностные ориентации, которые назовем воспроизводимыми. Они не носят постоянного характера, как ориентации, за которыми стоит закрепленная потребность, но и не являются одноразовыми как гаснущие ценностные ориентации» [4, с. 8].

На наш взгляд, прослеживается аналогия между предложенным Б.И. Додоновым процессом появления воспроизводимых ценностных ориентаций и формированием условного рефлекса и динамического стереотипа как устойчивого индивидуального комплекса условно-рефлекторных реакций, выработанного на многократно предъявляемые повторяющиеся стимулы [1]. Кроме этого, достаточно распространено мнение, согласно которому «система динамических стереотипов определяет поступки, отношения и, таким образом, составляет характер личности [5].

Постараемся прояснить для себя содержание процесса формирования воспроизводимых ценностных ориентаций в рамках его терминологии. Как было установлено ранее, устойчивые потребности порождают простые ценностные ориентации, то есть стремление овладеть определенной ценностью. Процесс овладения формирует определенную ситуацию, включающую в себя и другие объекты помимо ценности (определенной потребности по Б.И. Додонову), а его успешная реализация завершается формированием у индивида определенного оценочного отношения, эмоции к ней. Тем не менее, как было отмечено, в результате очень интенсивного или неоднократного переживания аналогичной ситуации, с сопровождаемыми ее объектами и ценностью, данные оценочные отношения начинают распространяться уже на данные объекты и эмансипируются как от ценности, так и от самой потребности. Ситуация, в которой субъект снова сталкивается с объектом, уже стоявшим в одном кругу с устойчивой потребностью и ценностью, как утверждает Б.И. Додонов, не только порождает ту же самую эмоцию (оценочное отношение) уже при отсутствии реальной связи с данной потребностью, но и способна возродить определенные ценностные ориентации (очевидно, связанные ранее с данной потребностью).

Воспользуемся инструментарием И.П. Павлова и возьмем на себя смелость мысленно развить его знаменитый эксперимент в соответствии с предложенной схемой. Формируем ситуацию устойчивой потребности (потребность в пище), ценностной ориентацией в данном случае выступит поиск еды субъектом, однако мы

снабдим его ценностью (едой), сопроводив овладение данной ценностью нейтральным стимулом в качестве включенной на кухне лампочки. Безусловной реакцией на стимул (пищу) является слюноотделение. Процесс овладения ценностью (насыщения) вызывает у субъекта определенные положительные эмоции, испытываемые при насыщении, например, чувство расслабленности и успокоения. В результате многократного воспроизведения данной ситуации, по Б.И. Додонову, изначально нейтральный стимул - включенная на кухне лампочка должна вызывать у субъекта (помимо слюноотделения как сформировавшегося условного рефлекса, по И.П. Павлову) чувство расслабленности и успокоения, а также воспроизводимые ценностные ориентации по поиску еды при отсутствии голода (потребности в пище). К сожалению, Б.И. Додонов не дает ответа на следующий вопрос: способна ли горящая на кухне лампочка вызывать помимо слюноотделения, и чувства умиротворения, само чувство насыщения? Не будет ли оно вступать в противоречие со сформировавшейся воспроизводимой ценностной ориентацией по поиску еды при отсутствии голода? И далее, при условии, что данный динамический стереотип закрепится, только ли горящая на кухне лампочка сможет вызывать у субъекта чувство расслабленности, успокоения и умиротворения?

Не раскрывая ответа на данный вопрос, автор переходит к следующему (заключительному) виду ценностных ориентации. Он отмечает, что «определенные субъективные отношения человека (как психологические, оценочные, так и практические, действенные) могут не только эмансипироваться от породивших их объективных потребностей» [4, с. 8] (как в рассмотренном нами примере чувства умиротворения и возможно, насыщения при отсутствии потребности в насыщении) но и «постепенно стать для личности самодовлеющей ценностью» [там же], то есть мотивом.

Дополняя свою мысль, Б.И. Додонов поясняет: «мы сталкиваемся не просто с устойчивым отношением человека к чему-либо; а именно с запрограммированной установкой на такое отношение, за которое он готов бороться не только с другими, но и с самим собой. Просто закрепившееся эмансипированное отношение — реактивно (отзывчивость). Потребность в отношении активна (стремление помогать людям)» [4, с. 8].

Понятие «отзывчивость» раскрывается в психологических словарях через термины «готовность человека», «качество личности», «способность»: непрерывно подчеркивается его связь с волевой, мотивационной сферой, что, однако не мешает Б.И. Додонову отнести его к категории эмоций. Из предложенного примера становится очевидно, что в концепции Додонова мотивационно-потребностная, эмоциональная и волевая сферы личности принципиально неразделимы. Что и позволяет

Додонову рассуждать об эмоции как о мотиве, о мотиве как ценности и наоборот.

Разграничение понятий «ценности», «ценные отношения» и «ценностные ориентации»

Б.И. Додонов выделяет следующие программы отношений человека к действительности («или, что тоже самое, потребности в определенном отношении к ней» [4, с. 8]):

- убеждение, как программа отношения человека к действительности, выраженная в форме эмоционально окрашенного вербального самонаказа, например, «Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так...»;
- идеал, как программа отношения человека к действительности, выраженная в форме наглядного примера;
- интерес, программа отношения человека к действительности, выраженная в форме представления о предмете и деятельности, посредством которых данное отношение к миру может актуализироваться и реализоваться.

С помощью введенного понятия «программы отношений человека к действительности» (или к потребности), он отмечает разницу между простыми ориентациями, направленными на конкретные предметные ценности и соответствующие «ценные отношения» (как мы установили, это эмоции по отношению к определенным потребностям) и ориентацией человека на те или иные отношения к миру. Первые имеют начало и конец удовлетворения потребности и сопутствующих этому эмоций, вторые же процессуальны.

Как нам кажется, принципиальной (и, возможно, более наглядной) разницей можно также указать следующий признак: изменение ценного отношения. Как известно, ценностная ориентация по Додонову есть стремление овладеть той или иной ценностью (например, пищей при испытываемом голоде), а сопутствующими «ценными отношениями» (эмоциями) в таком случае будут являться чувство удовольствия от принятия пищи и чувство насыщения. Как известно, на определенной стадии удовлетворения потребности (при перенасыщении, например) вызываемые этим процессом эмоции могут измениться вплоть до противоположных. Как говорил философ Демокрит (V-IV вв. до н.э.) «если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным» [3, с. 8]. Для «потребности в отношении» же наоборот, характерно то, что по мере добавления все новых и новых объектов «ценное отношение» к ним будет неизменным.

Для характеристики ценностных ориентаций, создаваемых потребностями в отношении, Б.И. Додонов вводит понятие «проникающие ориентации». Проникаю-

щие ценностные ориентации — это «ориентации людей на определенные переживания, придающие дополнительную ценность вызывающим их объектам и действиям» [4, с. 10]. Именно они, по мнению Додонова, в своей соподчиненности и скоординированности друг с другом образуют ведущий компонент в структуре личности, ее направленность.

Направленность личности по Б.И. Додонову есть «единое сложное образование психической сферы человека, обуславливающее не реактивное, а активное поведение индивидуума, внутреннее единство и последовательность его целей, преодолевающее случайности жизненных ситуаций» [4, с. 10]. Автор выделяет морально-мировоззренческую и эмоциональную направленность личности, отмечая, впрочем, что «они расчленяются лишь в абстракции» [там же]. Эмоциональная направленность связана с ориентацией личности на определенное качество отношений-переживаний.

Категория «эмоции»: сущность, признаки, функции

Б.И. Додонов использует термины «эмоции» и «чувства» в качестве синонимов, о чем он сам пишет [4, с. 10], делая оговорку, что термин «чувства» также может быть использован для обозначения комплекса эмоций.

Характеризуя эмоции в феноменологическом плане, Додонов выделяет следующие их признаки:

1. представленность эмоций в сознании в форме непосредственных переживаний;
2. двойственный, психофизиологический характер этих явлений: с одной стороны — аффективное волнение, с другой — его внешнее (физиологическое) проявление;
3. ярко выраженный субъективный характер эмоций.

Как мы видим, важной составляющей концепции Б.И. Додонова является понимание эмоции не только как «аффективного волнения», но и как представленного в сознании непосредственного переживания.

При этом он выделяет отдельно «информационные процессы», как «деятельности «снятия» идеальных копий с действительности» посредством ощущения и восприятия, отмечая, что они служат основой для ориентировки живого организма в мире объективных предметов и явлений, но «сами по себе они ни на какое поведение не мобилизуют» [4, с. 11]. Однако, как пишет Додонов, «информация сама по себе никакой значимости не имеет: она приобретает ее в контексте потребностей субъекта. Эмоции и мышление — это внутренняя деятельность, в которой первичная информация о действительности подвергается определенной переработке, в результате чего организм (личность) получает «аргументы к дей-

ствию».

В этом плане «мышление в своем истоке и в своем конечном пункте есть особый вид ориентировочной деятельности, цель которой — помочь человеку сделать «мир вне его» «миром для него», обеспечить наилучшее удовлетворение его потребностей. Оно так или иначе направлено на опознание ценностей» [4, с. 12]. В то время как «эмоции в качестве процесса есть не что иное, как деятельность оценивания поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире» для представления ее «в форме его субъективных образов» [там же]. Функцию оценивания информации о действительности с запечатленными программами жизнедеятельности организма и личности, «то есть оценивание действительности с точки зрения потребностей, планов индивидуумов» Б.И. Додонов иначе называет «аксиологическим сопоставлением», и отмечает, что оно составляет самую

суть эмоционального процесса.

Структуру психических процессов по Б.И. Додонову, отсюда, можно представить следующим образом: Рис. 1.

Структуру психических процессов, предложенную Б.И. Додоновым удобно сравнивать с общепризнанной в настоящее время структурой психических процессов, также представив ее графически (Рис. 2).

Таким образом, по Додонову, эмоциональные процессы есть одновременно и «процессы формирования субъективных образов объективного мира, и сами эти образы, «продукты» указанных процессов», полученные в результате аксиологического сопоставления. Основная же функция мыслительных процессов – опознание потребностей человека на основе представленной еще пока в форме субъективных образов в сознании инфор-

Рис. 1. Структура психических процессов (по Б.И. Додонову)

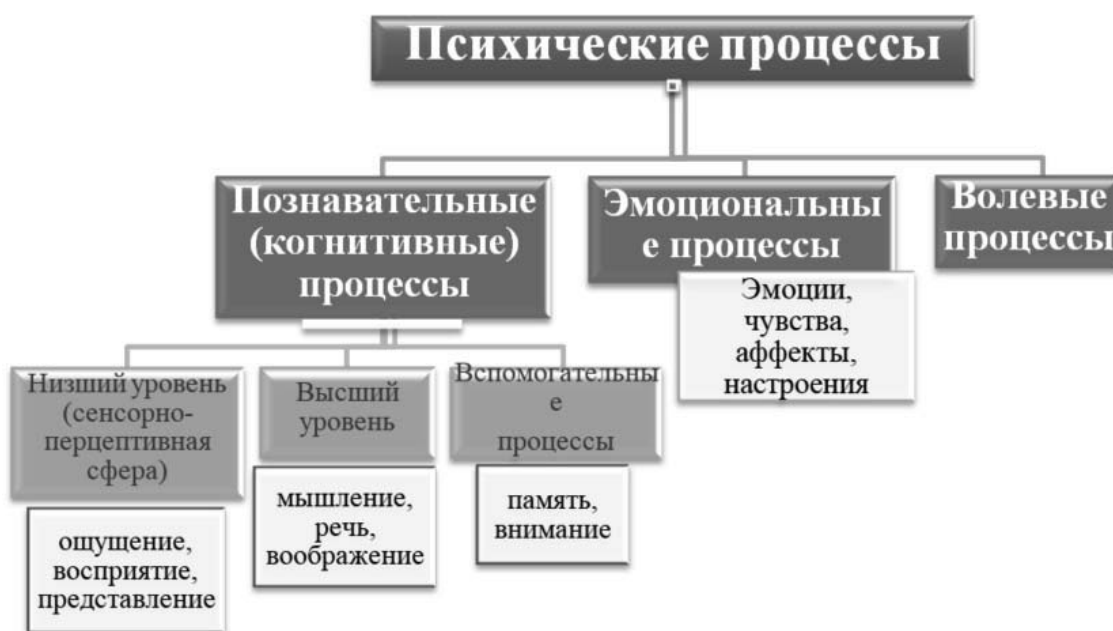

Рис. 2. Традиционная структура психических процессов

мации об объективном мире, в целях их последующего удовлетворения (волевой аспект).

Эмоции и мышление

Таким образом, Б.И. Додонову принадлежит оригинальное решение извечной философской дилеммы соотношения разума и чувства: по его мнению, чувства являются «предформой мышления», именно ими осуществляется выполнение элементарных, но жизненно необходимых функций организма. Заключается это в том, что исключительно эмоция (чувство) в силу своего особенно выраженного субъективного характера, способна произвести оценку действительности с точки зрения максимального удовлетворения потребностей, планов конкретного индивидуума. Иначе говоря, вся поступающая извне информация о действительности проходит через фильтр «запечатленных программ жизнедеятельности организма и личности», наделяется той или иной субъективной оценкой, результаты же такого «заинтересованного», «пристрастного» оценивания действительности доводятся до сведения организма посредством переживаний (*разной модальности, интенсивности и знака.* – Примеч. авт.).

В этом плане в пользу предложенной Додоновым модели говорит общепризнанный в современной психологии факт, согласно которому когнитивные процессы признаны самыми «молодыми» с эволюционной точки зрения, поскольку центры этих процессов находятся в неокортексе, новой коре, – самом позднем образовании головного мозга. Исключение составляют более древние внимание и память.

Таким образом, по Додонову, «каждая человеческая эмоция... представляет собой аналог логического оценочного суждения о предмете или явлении» [4, с. 14]. Эмоциональные процессы тесно связаны с другим психическим процессом – памятью. Если, как пишет Додонов, продуктом мыслительных операций являются понятия (*а также суждения и умозаключения.* – Примеч. авт.), то эмоции, подобно мышлению, в своих сопоставлениях также часто опираются на результаты своей прежней работы. Как отмечает Б.И. Додонов, «пережитые эмоции ведут к возникновению эмоциональных обобщений» [там же].

Для того, чтобы показать разницу между мыслительным и эмоциональным процессами в плане физиологии, Додонов обращается к концепции сигнальных систем И.П. Павлова, отмечая, что «при словесно-логическом мышлении сопоставляются либо одни образы объективной действительности и понятия о ней, либо (при аксиологическом подходе) те же образы и понятия, с одной стороны, и «идея потребности» — с другой. Описанный процесс разворачивается на уровне корковых связей,

преимущественно второсигнальных. Эмоциональный же процесс всегда в большой мере вовлекает в сферу своего действия и подкорку, «нижние этажи» мозга». То есть характеризуется преобладанием активности первой сигнальной системы над второй.

Согласно И.П. Павлову, эмоции и чувства связаны с деятельностью подкорковых образований: непосредственное воздействие стимулов внешнего или внутреннего мира, активизируют возбуждение определенных подкорковых областей головного мозга (гипоталамус и др.) и приводят к соответствующим изменениям в деятельности вегетативной нервной системы, субъективно переживаемым в виде эмоции. [7]. Таким образом, эмоциональные процессы рассматриваются в качестве реакций на соответствие базовым потребностям организма, несмотря на это, принципиальная разница между концепциями И.П. Павлова и Б.И. Додонова безусловно присутствует, поскольку у первого они приравнены к безусловным реакциям.

Фундаментальное различие между обеими теориями проявляет себя и в следующем. Как известно, в теории И.П. Павлова, первая сигнальная система сводится к совокупности условных и безусловных рефлексов, формирующихся при непосредственном воздействии раздражителей на рецепторы органов чувств. Основой абстрактно-логического мышления является вторая сигнальная система — система условно-рефлекторных связей, где условным раздражителем является слово, речь.

Как отмечает Додонов, «любое противопоставление мышления эмоциям вообще имеет смысл лишь постольку, поскольку мы выделяем в мышлении исключительно его рациональный, преимущественно словесно-логический механизм. Мышление же, взятое в целом со всеми его не только осознаваемыми, но и неосознаваемыми компонентами, противопоставить эмоциям вообще невозможно» [4, с. 15].

Данная позиция полностью соответствует точки зрения С.Л. Рубинштейна, который в своем главном труде «Основы общей психологии» писал: «при этом эмоции никак не сводимы к голой эмоциональности, или аффективности, как таковой. Эмоциональность, или аффективность, — это всегда лишь одна, специфическая, сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими — пусть специфическим образом — действительность. Эмоциональные процессы, таким образом, никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние, друг друга исключают противоположности. Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального. И одни и другие

являются в конечном счёте зависимыми компонентами конкретной жизни и деятельности индивида, в которой в единстве и взаимопроникновении включены все стороны психики» [8, с. 371].

Позиция Б.И. Додонова перекликается также с принципом единства аффекта и интеллекта Л.С. Выготского, который еще в 1930-х гг. отмечал, что «высшим психологическим функциям в такой же мере присуща иная интеллектуальная, как и иная аффективная, природа. Все дело в том, что мышление и аффект представляют части единого целого — человеческого сознания» [2, с. 251]. Единство аффекта и интеллекта, по мнению Л.С. Выготского, обнаруживается, не только в непосредственной взаимосвязи и влиянии этих сторон психики друг на друга непрерывно по мере развития человека, но и в том, что силы их воздействия постоянно меняются, они динамичны, и каждому уровню развития мышления соответствует своя степень развития аффекта.

Наряду с тезисом Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта, утверждением С.Л. Рубинштейна согласно которому и эмоции, и познавательные процессы являются единством интеллектуального и эмоционального, значимым является также положение А.Н. Леонтьева о том, что мышление как деятельность имеет аффективную регуляцию, непосредственно отражающую ее пристрастность [10, с. 42].

Идеи о системной организации поведения, психологических процессов и деятельности человеческого мозга, развитые в творчестве Выготского, привели к тому, что в 1930-х гг. понятие изолированных «высших психологических функций» было пересмотрено. В соответствии с данным подходом психофизиологическим коррелятом формирования высших психологических функций выступают сложные функциональные системы, имеющие как вертикальную (корково-подкорковую), так и горизонтальную (корково-корковую) организацию, причем каждая высшая психологическая функция жестко не привязана к какому-либо одному мозговому центру, а является результатом системной деятельности мозга, в которую различные мозговые структуры делают свой специфический вклад.

Идею системного строения сознания, как известно, начиная с 1970-х гг. развивал основатель смысловой теории мышления О.К. Тихомиров, а позже представители его школы, достигнув в этой области значительных результатов. В частности, было установлено, что эмоциональные состояния выполняют в мышлении регулирующую, эвристическую функцию, заключающуюся в том, что они непосредственно воздействуют и определяют дальнейшее развитие мыслительного процесса [10, с. 47].

Б.И. Додонов выражает свою позицию по данному вопросу следующим образом: «эмоции и мышление современного человека — это, образно говоря, два ответвления одного дерева: эмоции и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются друг с другом в своем функционировании на высших уровнях» [4, с. 16]. Как известно, основная функция мышления — познание сущности вещей и явлений, закономерных связей между ними. Несмотря на то, что Додонов наделяет эмоции, наряду с мышлением, особого рода гносеологической функцией, он обозначает мышление как более позднее образование и признает за ним приоритет в сфере абстрактно-логического рассуждения. Соответственно, закономерно возникает вопрос, почему эмоции и после возникновения и развития мышления не стали своего рода рудиментом и продолжают сохранять свое самостоятельное значение?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обозначить функции, которыми Б.И. Додонов наделил эмоции: сигнальная, аксиологическая, мобилизующая. Для раскрытия сущности и выявления назначения эмоций, Додонов апеллирует к словам П.К. Анохина: «решающей чертой эмоционального состояния является его интегративность. Эмоции охватывают почти весь организм... производя почти моментальную интеграцию (объединение в одно целое) всех его функций». Таким образом, эмоции не только являются показателем соответствия условий внешнего мира нашим потребностям, внутренним установкам, прогнозам, то есть обеспечивают оценку поступающей информации об окружающей действительности. Как особо подчеркивает Б.И. Додонов, наряду с этим они функционально и энергетически подготавливают организм к соответствующему поведению (в зависимости от результатов этой оценки).

В этой посылке нельзя не усмотреть некоторую корреляцию с понятием «установки» Д.Н. Узнадзе 1940-х гг. В первую очередь, грузинский психолог аналогично выделял «досознательный уровень развития психики», активность психики, протекающей без какого-либо участия сознания, которая и получила название «установка». Кроме того, как известно, установка по Узнадзе:

- возникает при наличии потребности и ситуации ее удовлетворения, при взаимодействии субъекта со средой;
- означает неосознаваемую готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении. [11]

Принципиальная разница, заключается в том, что несмотря на то, что установке как целостной направленности субъекта на определенную активность, безусловно присущи мобилизующая и интегративная функции, Д.Н. Узнадзе не соотносил ее с эмоциональными процессами. И из приведенного ниже отрывка становится по-

нятно, почему: «настоящее положение вещей следовало бы представить себе следующим образом: наши представления и мысли, наши чувства и эмоции, наши акты волевых решений представляют собой содержание нашей сознательной психической жизни, и когда эти психические процессы начинают проявляться и действовать они по необходимости сопровождаются сознанием. Сознать поэтому значит представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты» [11].

Предлагаемое разрешение дилеммы соотношения эмоций и мышления

Как мы видим, функциональная и энергетическая подготовка организма к соответствующему поведению (в зависимости от результатов оценки сложившейся ситуации), согласно Б.И. Додонову, осуществляется непосредственно с помощью эмоций. Как отмечает болгарский психолог и философ Г.Х. Шингаров, физиологические явления, сопровождающие эмоции, включают в себя «настройку анализаторов», а тем самым сказываются и на интрапсихической регуляции, и координации других психических процессов [12].

Исходя из вышеупомянутого, приоритет эмоций перед мышлением, на наш взгляд, заключается именно в скорости оценки и реакции, при этом, закономерно, что оценка не всегда отличается глубиной и объективностью, а реакции и не всегда социально приемлемы. Об этом пишет и Б.И. Додонов, отмечая, что все вегетативные и «телесные» реакции при эмоциях «рассчитаны» на биологическую, а не на социальную целесообразность поведенческого воплощения эмоциональной «оценки».

Кроме этого, благодаря другому отличительному признаку эмоций, их субъективному характеру, непосредственной связи с индивидуальностью, деятельность, сопровождаемая эмоциями, протекает, как правило, много успешней и эффективней, чем деятельность, к которой индивид принуждает себя одними «холодными доводами рассудка». Фактор эмоциональной вовлеченности уже давно с успехом используют в своей работе маркетологи и создатели рекламы. Иначе говоря, эмоциональная составляющая — важный положительный фактор в организации человеческой деятельности.

Также совершенно очевидно, на наш взгляд, что по мере эволюции человека, прогрессивного становления

общества и цивилизации, усложнения и развития интеллекта человека, эмоции также проходят этапы изменения, усложнения, совершенствования. Как отмечает Б.И. Додонов, сохранив у современного человека в основном свое прежнее физиологическое значение, в психологическом плане человеческие эмоции радикальным образом изменили свое «природное лицо». Прежде всего, «став на службу» социальным потребностям личности, они приобрели совершенно иное предметное содержание. Огромное место в эмоциональной жизни субъекта стали занимать нравственные чувства, а также целый ряд других переживаний, недоступных не только животному, но и древнему прачеловеку.

Очевидно, что выделенные специфические черты эмоций и приводят к субъективности оценки, поведенческой импульсивности и нестабильной эффективности деятельности, за что традиционно критикуют чувства и эмоции.

Особенностью человека как существа, наделенного сознанием, является, однако, то, что эмоции не определяют его поведение единолично и непосредственно. Формирование как самого действия, так и «решения к действию» есть отдельный, сложный акт, в процессе которого учитываются все факторы, взвешиваются все обстоятельства и мотивы. Для того, чтобы описанный акт мог полноценно осуществляться, безусловно, необходима более отчетливая представленность в сознании личности субъективных оценок (результатов аксиологического сопоставления по Б.И. Додонову) всех факторов, той или иной линии поведения, выкристаллизованных в форме чувств и эмоций. Если рассматривать данный акт как процесс взаимодействия эмоций и мышления, его можно было бы представить следующим образом: Рис. 3.

Таким образом, мы наблюдаем своеобразную «многоэтажность» или «многоэтапность» эмоциональных процессов и соответствующих эмоциональных оценок у человека, при этом первая стадия, продукт первого этапа, подвергнутый анализу в процессе мышления, интроспекции, а также сами продукты мышления приводят не только к принятию решения, но и зачастую к такой производной (повторной, вторичной) эмоциональной оценке того же самого объекта, которая может диаметрально отличаться от первичной эмоциональной оценки. При этом процесс формирования новых (последующих) эмоциональных оценок по той же схеме, как нам кажется,

Рис. 3. Структура психического процесса принятия решения

практически бесконечен. Если же вспомнить о подключающейся на любом этапе функции памяти, то, вероятно, можно выделить еще одну важную особенность эмоциональной деятельности человека, а именно то, что она не только производит специфические оценки объектов, включает их в новый цикл сопоставления и оценивания, но и транспонирует их на другие объекты.

Мы рассмотрели, таким образом, фундаментальные основы концепции эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова с применением метода философской герменевтики, на базе чего стал возможен переход непосредственно к раскрытию содержания понятия и типов эмоциональной направленности личности, что будет сделано нами в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик: электронная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/5994/ДИНАМИЧЕСКИЙ (дата посещения 12.12.2021)
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982-1984. т. 5. — 294 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова, 2-е изд.— М.: Мысль, 1986.— 571 с.
4. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. — М.: Политиздат, 1978. — 272 с.
5. Ковалев А.Г. Психология личности. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Просвещение, 1970. — 391 с.
6. Маклаков А.Г. Общая психология: Учебник для вузов / А.Г. Маклаков. — СПб.: Питер (Серия «Учебник для вузов»), 2008. — 583 с.
7. Павлов И.П. Полн. собр соч. Т. 3. Кн. 3. 1951. — 335 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. — М., 1946. — 373 с.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. — 369 с.
10. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пособие для вузов / О.К. Тихомиров. - М. : Академия, 2002. - 287 с.
11. Уznaдзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Акад. наук Груз. ССР. Ин-т психологии им. Д. Н. Уznaдзе. - Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. - 210 с.
12. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971 — 172 с.

© Рендакова Александра Вадимовна (alexrendak@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет

ЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЭМПАТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ринг Екатерина Юрьевна

*Московский Институт Психоанализа, Москва
ekaterina_ring@mail.ru*

THE IMPORTANCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND EMPATHIC REACTION IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL ACTIVITY

E. Ring

Summary: The article presents the results of theoretical understanding of the role of emotional intelligence and empathy in the professional activity of a realtor. The article contains a brief overview of the main definitions: emotional intelligence and empathy, the factors of success of a realtor's professional activity existing in the scientific literature are given. The results of an empirical study aimed at finding and establishing the relationship of emotional intelligence, empathic reaction with the professional success of a realtor are also presented. The author of the article comes to the conclusion that emotional intelligence and empathic reaction in the system of professional activity of a realtor play a key role in determining the success of a professional.

Keywords: emotional intelligence, empathy, empathic abilities, realtor profession, professional activity, success.

Аннотация: В статье приведены результаты теоретического осмысления роли эмоционального интеллекта и эмпатии в профессиональной деятельности риэлтора. Статья содержит краткий обзор основных дефиниций: эмоциональный интеллект и эмпатия, приводятся существующие в научной литературе факторы успешности профессиональной деятельности риэлтора. Также представлены результаты эмпирического исследования, направленного на поиск и установление взаимосвязи эмоционального интеллекта, эмпатической реакции с профессиональной успешностью риэлтора. Автор статьи приходит к выводу, что эмоциональный интеллект и эмпатическая реакция в системе профессиональной деятельности риэлтора играют ключевое значение, определяя успешность профессионала.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, эмпатические способности, профессия риэлтор, профессиональная деятельность, успешность.

Успешность профессиональной деятельности является основным предметом исследований в различных отраслях наук, важность его изучения очевидна, с одной стороны тем, что эта область, наименее изученная как в психологии, так и в других науках, с другой стороны известно, что человек как субъект деятельности, большую часть своей жизни посвящает профессиональному виду труда как главному направлению становления человеческой сущности. И вопросы успешности в данной сфере становятся важными для многих. Профессия риэлтора переживает кризис некавалифицированных кадров, в сфере недвижимости остро стоит вопрос повышения эффективности их деятельности по средством роста профессиональной компетентности кадров.

Риэлтор оказывают посреднические и юридические услуги при заключении гражданско-правовых сделок, касающихся имущественных вопросов в сфере недвижимости. Профессия риэлтор относится по типу «человек-человек», однако, успеха добываются как выпускники гуманитарных направлений, так и технических. Это связано с тем, что по мимо межличностного взаимодействия, риэлтор должен владеть специальной термино-

логией, облегчающей усвоение значительных объемов юридической, строительной и т.п. информации. Соответственно, профессионально важными качествами являются такие как коммуникабельность, эрудиция, самообладание, организаторские способности, аналитический склад ума. Выделяют следующие факторы успешности: способность к дифференцированию собственных и чужих эмоций; искренний интерес к имеющимся у клиентов потребностям и ситуации в целом; умение слушать собственных клиентов и себя; компетентность в ведении переговорного процесса; способность к саморегуляции; внутренняя установка в деятельности [5; 6].

Феномены эмоционального интеллекта и эмпатии в психологии рассматриваются в различных концепциях. Так, эмоциональный интеллект понимают, как умственные способности, содействующие восприятию собственных чувств и чувств, испытываемых другими людьми [2], способность перерабатывать информацию, которую содержат эмоции, способность к тому, чтобы выражать, постигать и оценивать эмоции, понимать эмоциональные знания и эмоции, управлять эмоциями [1]. Эмоциональный интеллект выступает опорой социальной компетентности, и является подспорьем для интеллектуально-

го и эмоционального личностного роста [4].

Эмпатия заключается в адекватном понимании переживания другого, эмоциональном отклике на данные переживания, сочувствии. По форме, эмпатия проявляется в сочувствие и сопереживание. Состояние эмпатии можно определить как точное восприятие внутреннего мира партнера [3]. Эмпатия играет важную роль в успешном межличностном взаимодействии являясь показателем профессионализма и коммуникативной культуры личности.

Теоретический анализ привел нас к пониманию, что эмоциональный интеллект и эмпатия играют ключевое значение в трудовой деятельности риэлтора. Профессионализм и компетентность риэлтора и, как результат – его успешность, зависит от умения распознавать внутренние механизмы поведения людей, их мотивацию, быстро вникать в сложные человеческие взаимоотношения, с тем, чтобы предугадать их истинные желания и предложить оптимальный вариант жилья и сделки в целом, иначе «подобрать ключи» к каждому клиенту, понять его психологическое состояние и те ожидания, которые он, возможно, и сам-то не до конца понимает.

В рамках эмпирического исследования был поставлен вопрос об определении значения эмоционального интеллекта и эмпатической реакции в построении успешной трудовой деятельности риэлтера. Перед нами была поставлена цель – изучить особенности эмоционального интеллекта и эмпатической реакции в системе профессиональной деятельности риэлтора.

В поперечном одномоментном исследовании приняли участие 40 риэлторов: из них 24 женщины и 16 мужчин, в возрасте от 25 до 48 лет. Для решения поставленных исследовательских задач были использованы следующие методики исследования: опросник ЭМИн, Д.В. Люсина для измерения эмоционального интеллекта, опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиана и М. Эпштайна для диагностики эмпатии и методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко. В установлении взаимосвязей применялся корреляционный анализ с использованием критерия R_s – Спирмена. Исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта, эмпатической реакции с успешностью риэлтора потребовала дифференциации респондентов по степени профессиональной компетентности: на основании действующей на предприятии системы мотивации и стимулирования персонала каждому респонденту исследования был присвоен числовой рейтинг, по которому можно судить об успешности или не успешности работника.

Исследование эмоционального интеллекта показало, что большинство риэлторов (60% группы) отмечают у себя высоко развитый эмоциональный интеллект, что

указывает на их способность к пониманию и управлению как своими, так и чужими эмоциями. Однако, результаты, полученные в отдельности по субшкалам методики, отмечают некоторые противоречия. Так, у большинства респондентов преобладают высокие значения по субшкалам Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), Внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) и Управление эмоциями (УЭ), при этом шкала Понимание эмоций (ПЭ) для 40% респондентов остается на низком уровне развития (табл.1).

Таблица 1.
Уровень эмоционального интеллекта риэлторов (%)

Субшкалы	Высокий	Средний	Низкий
Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ)	40	40	20
Внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ)	32,5	42,5	25
Понимание эмоций (ПЭ)	35	25	40
Управление эмоциями (УЭ)	42,5	37,5	20

Опираясь на теоретические положения автора методики Д.В. Люсина, развивая эмоциональный интеллект личность поэтапно проходит все стадии от понимания эмоций к управлению эмоциям. Потому, полученные результаты, носящие противоречивый характер, можно отнести к эффекту желательности, чем к реальному обстоятельству дела. Каждый риэлтор желая быть успешным пытается направлять и управлять контактом с клиентом, забывая об элементарном – услышать, чего на самом деле желает сам клиент (понять эмоции). Такая спешка и желание сразу взять процесс сделки под контроль может быть чревата неудачей для профессионала, неудовлетворенной потребностью клиента, потерей доверия к компании.

Исследование эмпатии по методике А. Мехрабиана и М. Эпштайна показало, что в группе риэлторов большинство (75%) способны к проявлению эмпатии на высоком и среднем уровне, а четверти сотрудникам требуется тренировка данного качества.

Исследование эмпатических способностей по методике В.В. Бойко показало, что в группе риэлторов большинство обладают заниженной способностью к эмпатии. Данная методика определяет как общий уровень развития способности к эмпатии, так и определяет уровень развития его отдельно составляющих компонентов (рис.1).

Анализ компонентов эмпатической способности позволяет выделить три шкалы, которые в наибольшей степени развиты у риэлторов это рациональный канал эмпатии; Интуитивный канал эмпатии; и Проникающая способность. В наименьшей степени, у участников исследова-

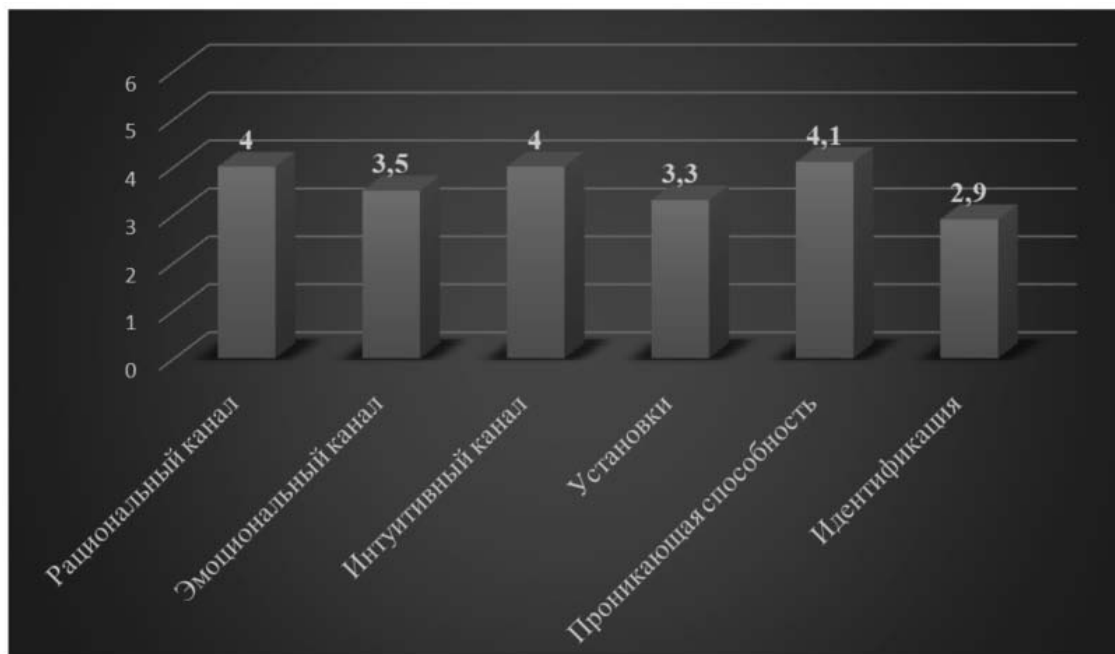

Рис. 1. Диаграмма. Уровень эмпатических способностей

дования развиты такие компоненты эмпатии как Идентификация и Установка способствующая эмпатии. Следовательно, риэлторы испытывают трудности с постановкой себя на место другого. Возможно, риэлторы считают неуместным проявлять любопытство к другой личности, и убедили себя спокойно относиться к переживаниям и проблемам окружающих. Подобные умонастроения резко ограничивают диапазон эмоциональной отзывчивости и эмпатического восприятия. Следовательно, заниженная способностью риэлторов к эмпатии связана с плохо развитой способностью к идентификации и наличием негативных установок.

Корреляционный анализ показал, что практически между всеми переменными эмоционального интеллекта, эмпатии и профессиональной успешности существует той или иной силы взаимосвязь. Полученные корреляционные плеяды отражают тот факт, что чем более

развит эмоциональный интеллект и его компоненты, тем более успешнее будет проходить профессиональная деятельность риэлтора. И также, чем более развита способность к эмпатии, тем больше шансов на успех у риэлтора. При этом важную роль будут играть рациональный канал, отвечающий за направление внимания на осмысление сущности клиента, интуитивный канал, отвечающий за бессознательный инсайт в процессе познания клиента и его нужд, важна так же проникающая способность риэлтора создавать комфортные и доверительные отношения с клиентом.

Таким образом, значение эмоционального интеллекта и эмпатической реакции в системе профессиональной деятельности риэлтора заключается в ведущей роли таких качеств личности как эмоциональный интеллект и эмпатия при построении успешной профессиональной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альгожина А.Р. Теоретические аспекты изучения эмпатии [Текст] / А.Р. Альгожина, Г.Б. Капбасова, Г.А. Капашева // Инновационная наука. - 2019. - № 4. - 231-233.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена [Текст] / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. - 2006. - № 3. - С. 78-87.
3. Головина А.А. Развитие эмпатического общения психолога с клиентом [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук. / А.А. Головина. - Тамбов, 2004. С. 13.
4. Краснов Е.В. Эмоциональный интеллект в личностной регуляции принятия решений [Текст]. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е.В. Князев. - 2018.
5. Осипенко А. Психология и техника успешного риэлтора [Текст] / А. Осипенко. - Москва: Издательские решения, 2019. - 130 с.
6. Парусова Г.В. Профессия риэлтор. 48 шагов на пути к успеху [Текст] / Г.В. Парусов. - Орел: Изд-во Св. Зенина, 2011.

© Ринг Екатерина Юрьевна (ekaterina_ring@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПУТЬ ИНДИВИДУАЦИИ СВ. ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ – ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Семёнов Павел

*Доктор наук, г.н.с., Латвийский Университет,
Рига, Латвия
psem@latnet.lv*

THE WAY OF INDIVIDUATION OF ST. IGNATIUS OF LOYOLA – A VIEW FROM THE PERSPECTIVE OF PSYCHOANALYSIS

P. Semjonovs

Summary: The article presents the conclusions drawn up on the basis of a psychoanalytic study of the autobiography of St. Ignatius of Loyola – the mystic and an outstanding historical figure, founder of the Society of Jesus. The analysis was carried out in order to identify the features of the process of their individuation and psychoanalytic personality profile. The methodological basis of this study is based on the work of authors who considered the individuation of personality in the context of the realization of its potential. To solve the tasks set in the work, a clinical approach to the analysis of autobiographical materials is applied. The method of research is psychoanalytic interpretation, which in turn proceeds from the principles of phenomenology and hermeneutics. In the course of this study, it was found that the autobiography of St. Ignatius of Loyola presents episodes possibly indicative for psychopathological manifestations observed in the process of his individuation and personal growth. Narcissistic trauma becomes a crisis moment that changes the direction of his individuation, into a new field of mysticism and religious activity, which invariably retains a dominant significance throughout his life. In the course of the study, it was stated that despite the presence of signs possibly indicating the manifestations of pathologically narcissistic, psychotic and obsessive personality traits of St. Ignatius of Loyola, they did not become an obstacle in his personal development and further formation of a coherent Self during the process of individuation.

Keywords: individuation, St. Ignatius of Loyola, autobiography, psychoanalysis, Self.

Аннотация: В статье представлены выводы, составленные на основании психоаналитического исследования текста автобиографии св. Игнатия Лойолы – мистика и выдающейся исторической личности, основателя общества Иисуса. Анализ проведен с целью выявления особенностей процесса его индивидуации и психоаналитического личностного профиля. Методологическую основу данного исследования составляют работы авторов психоаналитического направления, рассматривавших вопросы, связанные с индивидуацией личности в контексте реализации ее потенциала. Для решения поставленных задач в работе применен клинический подход к анализу автобиографических материалов. Методом исследования выступает психоаналитическая интерпретация, в свою очередь исходящая из принципов феноменологии и герменевтики. В ходе исследования установлено что автобиография св. Игнатия Лойолы, представляет эпизоды, возможно свидетельствующие о психопатологических проявлениях, наблюдаемых в процессе его индивидуации и личностного роста. Нарциссическая травма становится кризисным моментом, меняющим направление его индивидуации, направляя его в новое русло мистицизма и религиозной деятельности, которое неизменно сохраняет доминирующую значимость в ходе всей его жизни. В ходе исследования констатировано, что несмотря на наличие признаков, возможно указывающих на проявления патологически нарциссических, психотических и обсессивных черт личности св. Игнатия Лойолы, они не стали препятствием в его личностном развитии и дальнейшем формировании целостной Самости в процессе индивидуации.

Ключевые слова: индивидуация, св. Игнатий Лойола, автобиография, психоанализ, Самость.

Очевидно, что с точки зрения современного психоанализа, среди многих факторов, наиболее критическими в развитии социума являются те, которые связаны с личностным ростом человека, осуществляемом в поле влечений, бессознательного содержания и архетипов, смыслов и идей конкретного сообщества — в поле реальности и известной обусловленности этой реальностью. Таким образом, с психоаналитической точки зрения решающую роль играет процесс индивидуации или самостановления личности, движущей силой и глубочайшей сущностью которой, является врожденное стремление к самореализации целостной Самости. Стоит отметить, что предпосылкой успешной индивидуации является также успешное развитие психики индивида, поскольку каждый диссонанс с биологически обуслов-

ленной траекторией развития психики приводит к психологическим страданиям индивида, и, вполне вероятно, к усилению деструктивных тенденций в социуме.

Понятие «индивидуации» определяется как обретение человеком единства, полноты и целостности [1]. Индивидуация в психоанализе понимаемая в первую очередь как интрапсихический процесс, в рамках которого человек начинает видеть себя отдельным, отличным от контекста его социокультурных отношений. В контексте данного исследования следует добавить и восприятие отношений с трансцендентным измерением. Степень, в которой произошел процесс индивидуации, — это степень, в которой человек не воспринимает себя в слиянии с другими. Для него характерны четкие границы «Я»,

отделение «Я» от «Они», низкая степень самоидентификации с другими, а также и низкая субъективная зависимость от других [2]. Однако следует отметить, что по мнению К.Г. Юнга процесс индивидуации не предполагает отказа от социализации и первичной инкультурации, напротив, динамика интеграции различных составляющих Самости возможна только в реальности данных процессов, однако в реальности осознаваемой индивидуально, согласно «внутреннему закону» и «предназначению» и нередко отлично от общепринятого представления об успешности процессов социализации и инкультурации [3].

Процесс индивидуации в теории психоанализа разносторонне изучался различными исследователями — К.Г. Юнгом в контексте индивидуации Самости в поле коллективного бессознательного и его архетипов, М. Малер — в контексте процессов сепарации и индивидуации в ходе детского развития; Х. Кохут рассматривал нарциссическое измерение личности и влияние этого измерения на процесс индивидуации.

Термин индивидуации часто используется в смысле «самореализации» личности — раскрытия и реализации ее потенциала, который обретается при рождении Самости и реализуется на протяжении всей жизни. Индивидуация — архетипический процесс, как таковой он универсален для всех людей и обычно проявляется в двух основных стадиях. В первой части жизни происходит развитие Эго, а во второй — интеграция всей психики и реализация Самости. Кризис среднего возраста, являясь возможностью и вызовом, предзнаменует вхождение человека во вторую стадию, он инициирует общую, прежде всего мотивационную трансформацию личности. Индивидуация также означает, что растущая личность постепенно сама берет на себя ответственность за то, что она есть и что она делает, не перекладывая ответственность на плечи тех, кто ее воспитал, на влияние среды и условий. Она приводит к жизненной мудрости — в глубоком размышлении и творчестве ключевой части процесса индивидуации создаются великие произведения искусства и обретаются заслуги в истории общества и культуры. К.Г. Юнг указывал на то, что принцип индивидуации является сущностным для человека — без сепарации и индивидуации объекта Самости невозможно развитие личности и ее реализация. Таким образом, согласно К.Г. Юнгу, суть процесса индивидуации — в формировании целостной Самости человека. Он также считал, что полная индивидуация (дифференциация, обособление, сепарация), баланс и единство очень редко достижимы. Однако, если она будет завершена, или пройдена в значительной и возможной степени, то может быть истолкована как завершенная, в которой все психологические функции сознательны и образуют интегрированное целое [3, 4].

Личность св. Игнатия Лойолы, основателя общества Иисуса — известного также как ордена иезуитов, служит примером выдающейся исторической личности, заслуживающей внимания психоаналитического исследования — примером того, насколько человек может разрешить возможную травматизацию детской психики и реализовать процесс индивидуации, очевидно в его наивысшей возможной форме. По этой причине личность Игнатия Лойолы и ее развитие в процессе индивидуации была выбрана объектом для изучения в ходе данного исследования.

Принимая во внимание, что религиозность и духовную составляющую, стали решающими вехами в жизни св. Игнатия, следует отметить неоднозначность восприятия этих очевидно индивидуально значимых факторов биографии личности в психоанализе. В то время, когда основоположник классического психоанализа был сосредоточен на понимании универсального измерения объективной реальности и структуры личности, в современных подходах исследователи сосредотачиваются на личной и субъективной интерпретации реальности индивидом. Представления о Боге и проявлениях трансцендентного в сознании человека не игнорируются как участвующие в формировании его сознания и характера взаимодействия с реальностью. Многие практикующие психоаналитики отмечают, что контекст их личных религиозных убеждений и духовного опыта помогает им лучше понимать пациентов, и этот опыт не противоречит теории психоанализа, напротив — помогает осознавать последний глубже, таким образом глубже понимая и своих пациентов [12].

Анализ психологического профиля Игнатия Лойолы проведен, опираясь на принципы, изложенные в «Психоаналитическая диагностика» Н. Мак-Вильямс [5], «Агрессия при личностных расстройствах», О. Кернберга [6], а также вспомогательно обращаясь к прочим психоаналитическим и общепсихологическим источникам, для того, чтобы оценить успешность процесса индивидуации человека и предпосылок его формирования и получить представление о его интрапсихических процессах, учитывая, что их взаимодействие создаёт возможность для плодотворной проявленности и жизненного успеха личности, необходимого для понимания закономерностей, способствующих этому.

Поскольку жизнь св. Игнатия Лойолы проходила в 15–16 веках, возникает вопрос, как прояснить сегодня путь его индивидуации и провести его анализ. Прикладной психоанализ автобиографического источника предоставляет такую, хотя и ограниченную, возможность удаленного во времени анализа личности автора.

Психоаналитические методы могут использоваться для анализа социокультурных произведений (или яв-

лений) и самих их авторов (участников), с другой стороны, такой анализ также обеспечивает обратную связь, создавая лучшее понимание как психоаналитических пациентов, так и их индивидуальной психологии. Таким образом, он также выполняет функцию обогащения и развития самого психоанализа и его достоверности. Сильной стороной прикладного анализа является возможность анализировать случаи и события дистанционно во времени и пространстве, но недостатком - позволяющим говорить о результатах такого анализа лишь как о наиболее вероятных - является недоступность свободных ассоциаций — как существенного инструмента психоанализа для исследования бессознательного. Х. Кохут указывает на отсутствие возможностей использовать актуальные сны и фантазии пациента, возникающие в процессе терапевтического анализа, поощрения пациента к самораскрытию и его эмоциональную связь с терапевтом. Важно принимать во внимание предостережение, сделанное Х. Кохутом — остерегаться психоаналитического редукционизма и теоретической предвзятости при анализе письменного источника [7, 8], в известной степени обогащаемого содержанием бессознательного самого аналитика.

Эмпирическое исследование основано на автобиографии И. Лойолы «Рассказ Паломника о своей жизни, или «Автобиография» св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса (Ордена иезуитов)» — М.: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002 [9], с привлечением других вспомогательных источников [10].

Проведенный психоаналитический интерпретационный и патографический анализ «Автобиографии» св. Игнатия Лойолы [9] позволяет сделать следующие выводы:

1. Утрата связи с матерью вскоре после рождения, а также непостоянство опекунов, как женского, так и мужского рода [10], могло стать предпосылкой ранней нарциссической травмы и формирования нарциссической структуры личности. Доминирующими среди них для Игнатия являются такие типично нарциссические черты как грандиозное чувство самозначимости и поглощённость своими переживаниями, вера в собственную исключительность и потребность в одобрении [10] для подтверждения нарциссического Эго-идеала. Травматизация и характер объектных отношений Игнатия в детстве могли оказать значительное влияние на его развитие. Ранний разрыв диадных отношений матери и ребенка, возможно, повлиял на характер его религиозности, а также сыграл важную роль в невротизации личности, вызывая трудности в организации диффузного восприятия в аффективном и когнитивном измерениях сознания.
2. Автобиография Игнатия Лойолы содержит мно-

жество эпизодов, свидетельствующих о психотических проявлениях, понимаемых так в рамках психоаналитических представлений о психопатологии личности. Наиболее характерным признаком среди них, сопровождавшим Игнатия в течение всей жизни, по крайней мере после его обращения, являются галлюцинаторные видения. Анализ автобиографии позволяет предполагать и о таких психотических проявлениях как: диффузность восприятия, кардинально противоположные аффективные переживания и когнитивные процессы (экстремальные, противоположные полюса эмоций и перепады настроения биполярного характера), повышенная тревожность, сопровождаемая обсессивно-компульсивными защитами. Однако, анализ материала источников не подтверждает предположение о наличии каких-либо устойчивых признаков негативной симптоматики в функционировании св. Игнатия, несмотря на повторяющийся характер галлюцинаций (или видений), что могло бы позволить сделать обоснованное предположение о наличии устойчивого психотического расстройства, например шизофренического или шизотипического.

Следует отметить, что анализ «Автобиографии», как и любого иного источника, едва ли позволяет получить исчерпывающе полное представление о психической структуре личности и индивидуальных особенностях ее функционирования, при этом избегая упомянутого редукционизма в теоретической интерпретации представленного материала. Так, довольно неоднозначным представляется суждение в рамках представлений о психопатологии, принимая во внимание творческую продуктивность св. Игнатия в организации и управлении созданного им ордена, преодолении препятствий, обширную сеть межличностных и социально-дипломатических отношений, и наконец многогранный и непреходящий характер его духовности, ставшей, и поныне являющейся для многих трансформирующим ключом всестороннего развития личности призванной быть открытой для блага индивида и общества.

3. После личного поражения и ранения в сражении, Игнатий переживает нарциссическую травму и входит в связанный с ней кризис, спровоцированный физической травмой и поражением Эго-идеала, активацией невротических процессов и бессознательных конфликтов, ставший поворотным и судьбоносным моментом в процессе индивидуации и развития Самости. Кризис и новое поле индивидуации не сразу приводят к каким-либо значимым структурным изменениям личности.
4. Наиболее выраженными личностными чертами Игнатия были высокий уровень тревожности, умеренная экстраверсия и «доброкачественная»

агрессия, аналитичность и высокая открытость к новому опыту.

5. Радикальное сосредоточение внимания Игнатия на духовных и религиозных вопросах происходит в поле окружающего культурно- исторического контекста, и, согласно К.Г. Юнгу, могло служить своего рода терапевтической системой, способствовавшей его индивидуации и обретению интегрированной Самости.
6. Вероятно, обсессивная склонность Игнатия делать скрупулезные записи в дневнике способствовала его осознанности, аналитичности и обособлению Эго от объектов, тем самым оказывая позитивное влияние на психические процессы индивидуации и консолидацию Самости.
7. Анализ «Автобиографии», как источника, охватывающего ограниченный отрезок жизни св. Игнатия, не предоставляет достаточного материала для суждения о качественном уровне индивидуации, завершенности этого процесса в обретении целостной и интегрированной Самости. Однако, он дает основание указать на существенные позитивные личностные изменения на этом пути, прежде всего касающиеся его осознанного взаимодействия с нарциссическими проявлениями своей личности, интерпретирующем отношении к возникающим аффектам и психологическом защитам психотического и обсессивно- компульсивного характера.

В связи с этим следует отметить, что с религиозно-этической точки зрения структурный анализ видений представленных в «Автобиографии» и «Духовном Дневнике» (его фрагменте дошедшим до нас, в котором отражен более поздний мистический опыт св. Игнатия) привел исследователей [11] к выводу о достижении св. Игнатием качественного поворота в личном мистическом пути, как части его психологической эволюции во время св.

Мессы 21-го февраля 1544-го года. Анализ содержания видений св. Игнатия [11], представляющий символическую интеграцию взаимодействия образов Лиц Пресвятой Троицы и глубоко личностного постижения этого взаимодействия - в движение от «трех Лиц» к приходящим им на смену «трем Лицам» - в «целом» [11] позволяет здесь высказать предположение о символическом соответствии градуально-интегративного характера видений качественному уровню индивидуации св. Игнатия и обретения целостной Самости. Логика такого рассуждения, позволяет заключить, что процесс индивидуации св. Игнатия активно продолжался и в более позднем периоде его жизни - находящимся за рамками его автобиографического жизнеописания, и возможно, он увенчался успешным обретением целостной Самости, символически пережитом в видении во время св. Мессы 21-го февраля 1544-го года.

В ходе данного исследования установлено что автобиография св. Игнатия Лойолы, ставшая материалом прикладного психоаналитического исследования представляет возможные психопатологические черты, наблюдаемые в процессе его индивидуации, при этом, нарциссическая травма становится кризисным моментом биографии св. Игнатия Лойолы, меняющим направление его индивидуации и характеристики Эго-идеала, направляя их в новое русло мистицизма и религиозной деятельности, которое неизменно сохраняет доминирующую значимость в ходе всей его жизни. В ходе исследования констатировано, что несмотря на возможные указания на проявления патологически нарциссических, психотических и обсессивных черт личности св. Игнатия Лойолы, они не стали препятствием в его личностном развитии и формировании целостной Самости в процессе индивидуации. Его путь психической индивидуации и духовного роста позволил его трудам, а в большей степени его жизни, стать поворотным моментом в истории христианства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу // М.: АСТ, 2010.
2. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Собрание соч. в 3-х томах, том 3, М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014.
3. Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // К.Г. Юнг Психика: структура и динамика. М.; Мн., 2005.
4. Stein M. (2019). Psychological individuation and spiritual enlightenment: some comparisons and points of contact. //The Journal of analytical psychology, 64(1).
5. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе // М: Независимая фирма «Класс», 2015. — 592 с.
6. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии //: пер. с англ. - М.: Независимая фирма «Класс», 2000. - 464 с.
7. Кохут Х. Анализ самости. Системный подход к лечению нарциссических нарушений личности. / М.: «Когито-Центр», 2003.
8. Peri, T. (2012). Applied Psychoanalysis in Biblical Interpretation.// International Journal of Applied Psychoanalytic Studies, 10(4). — P. 349–360.
9. Аранц М. (S.J.) Св. Игнатий Лойола. Рассказ паломника о своей жизни, или «Автобиография» св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса (Ордена иезуитов) // - М.: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002. — 256 с.
10. Ранер Х. (S.J.) Игнатий Лойола и историческое становление его духовности // М.: Колледж философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского в Москве, 2002. — 116 с.

11. Мухелишвили Н.Л., Базлев М.М. О видениях в «Духовном Дневнике» Игнатия Лойолы // Религиоведение, 2018. — № 3. — С. 128—139.
12. Stein, M. (2019). Psychological individuation and spiritual enlightenment: some comparisons and points of contact. // The Journal of analytical psychology, 64(1). — P.6–22.

© Семёнов Павел (psem@latnet.lv).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

TO THE QUESTION ABOUT THE COGNITION METHODOLOGY OF THE HUMANITIES: HISTORY AND MODERNITY

**A. Davydenkova
N. Kovalenko**

Summary: This paper analyzes the methodological foundations of the theory of knowledge of European and Russian schools of thought. The views and methodological foundations of the socio-humanitarian research of Descartes, representatives of German classical idealism, etc. are considered as the leading directions of European rationalism. The methodology of empiricism in the humanitarian sphere is presented by English empiricism of the classical period, as well as views on the leading role of social experience in the teachings of French enlighteners. In the context of Russian philosophical developments, the leaders of the Russian enlightenment, modernists and guardians of the early nineteenth century, as well as representatives of the culture of the Silver Age, were concerned about methodological problems. This study reveals the attitudes of scientists from different cultural and historical eras to the laws of obtaining knowledge both in the field of natural science and knowledge of the social and humanitarian. The emphasis is placed on their assessment of the importance of philosophy as a general methodology of scientific knowledge. The twentieth century is regarded as a retrospective example of the construction of a synthetic philosophy, which today has acted as the basis for the methodology of the synergetic paradigm and scientific criticism of postmodernism.

Keywords: methodology of cognition, philosophy of science, philosophical epistemological schools, classical philosophy, postmodernism.

Давыденкова Антонина Гилеевна

д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
ant-daga@mail.ru

Коваленко Наталья Геннадьевна

к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
nataly6707@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе проведен анализ методологических основ теории познания европейских и отечественных философских школ. В качестве ведущих направлений европейского рационализма рассмотрены взгляды и методологические основания социогуманитарного исследования Декарта, представителей немецкого классического идеализма и др. Методология эмпиризма в гуманитарной сфере представлена английским эмпиризмом классического периода, а также взглядами на ведущую роль социального опыта в учениях французских просветителей. В контексте отечественных философских разработок методологическими проблемами были озабочены деятели русского просвещения, модернисты и охранители начала девятнадцатого века, а также представители культуры Серебряного века. В данном исследовании выявлены отношения ученых разных культурно-исторических эпох к закономерностям получения знания как в области естествознания, так и знания социально-гуманитарного. Акцент сделан на их оценке значения философии как общей методологии научного знания. Двадцатое столетие рассматривается как ретроспективный пример построения синтетической философии, выступившей сегодня основой методологии синергетической парадигмы и научной критики постмодерна.

Ключевые слова: методология познания, философия науки, философские гносеологические школы, классическая философия, постмодернизм.

Актуальность темы данной работы отвечает современным задачам образовательной сферы. Новый Закон об образовании, который ввел трехуровневую систему высшего образования – бакалавриат, магистратура, аспирантура и докторантура – потребовал разработки целого ряда новых учебных дисциплин. Так, например, в магистерские программы обучения вошла такая вузовская дисциплина как «Философия и методология науки». И если на уровне бакалавриата студент получает знания по компетенциям фундаментального общекультурного и профессионального характера, то при обучении по программам магистратуры упор следует делать не столько на эпистемологическом ресурсе, сколько на формировании общеметодологических установок. Главная задача образования на этом уровне состоит в подготовке специалистов методологически

грамотных и способных творчески подходить к собственным научным исследованиям. Проблема типологических обобщений и методология познания связаны с диалогом и развитием таких гуманитарных наук как история, философия, социология, психология, языкознание, учение о государстве и праве. В историческом аспекте основа такого междисциплинарного диалога была заложена в эпоху Просвещения.

Философская энциклопедия сегодня определяет методологию как «учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека». Автор статьи А.А. Грицанов пишет: «Общественно-историческая и культурная обусловленность методологии выявляется в ходе изменения её оснований, а также в процессах выработки новых методоло-

гических средств. Значимую роль в разработке философских проблем методологии сыграли Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Декарт, Кант, Шеллинг, Гегель и др.» [1, с. 628]. Другими словами, содержательная сторона методологических подходов к исследованию феноменов культуры и науки главным образом связана с изменениями общеполитического характера. Вместе с тем нам представляется, что не меньшее значение имеет и появление специальных методик исследования (историко-сравнительный анализ, системно-функциональный подход, теоретико-аксиологический метод и др.). Для общего понимания основ методологии познания гуманитарных наук как цели настоящего исследования сформулированы следующие задачи:

- во-первых, охарактеризовать потенциал методологических построений в области социогуманитарных наук со стороны западноевропейских мыслителей семнадцатого – восемнадцатого столетий;
- во-вторых, осветить вклад отечественных ученых в методологию естественных наук и гуманитарной сферы эпохи русского Просвещения;
- в-третьих, выявить некоторые общие черты в построении методологических оснований, характерных для мыслителей отечественного Серебряного века;
- в-четвёртых, указать на теоретический потенциал синтетической философии на формирование синергетической парадигмы в построении постмодернистского философствования.

Идейное сопровождение и разработку методологии познания в социогуманитарных аспектах применительно к истории философии кратко можно отразить, на наш взгляд, останавливаясь на наиболее существенном вкладе в неё отдельных западноевропейских авторов. Настоящая работа в этом контексте может послужить определённым методическим пособием для обучающихся по программам магистратуры.

Рене Декарт (1596 – 1650) даёт анализ значения рационалистического подхода к истории, выражает надежду на умственный прогресс, столь ярко проявивших себя впоследствии у европейских просветителей. Он развивает учение об обуславливающей волю деятельности. Интуитивно-дедуктивный метод выступает основополагающим в гносеологии Декарта. Он предполагает выведение основных принципов познания с помощью интуиции. По Декарту философия обязана опираться на некие аксиомы, исходя из которых строится вся система наук. Основные работы Декарта «Правила для руководства ума», «Рассуждение о методе», «Размышление о новой философии» направлены на выявление общенаучной методологии, её построение, способное освободить научное знание от ошибок, а источником знания у него служит опыт.

Интеллектуальный опыт и непосредственная очевидность в его методологии необходимо дополняются принципом критического сомнения. Концепт сомнения предполагает, что в существующем знании необходимо найти некие аксиоматические положения, к которым он относит очевидность, анализ, контроль и методическое сомнение. Постулат Декарта «*cogito, ergo sum*» утверждает реальность познающего мышления. Если мышление рационально, то, по Декарту, и мир рационален, а это значит можно математически точно описать его составные части. Таким образом Декарт закладывает методологическую основу как математизации естествознания, так и рационального постижения истории социокультурного прогресса.

Френсис Бэкон (1561 – 1626) обосновывает идею близости философской антропологии и морали к социальным наукам. Бэкон – основоположник экспериментальной научной методологии. Для него знание – не самоцель, но средство достижения практических результатов. Научное знание должно строиться на индукции и экспериментировании. «Новый Органон» Бэкона акцентировал внимание на метод обобщения, который использовали в последствии Галилео Галилей, Готфрид Лейбниц, Блез Паскаль, Джон Локк. В основе метода обобщения лежит принцип перехода от частного к общему, но в отличие от более ранних вариантов индуктивного подхода бэконовский метод включал в себя различие и исключение. Индуктивный метод впоследствии стал основой получения общего знания о мире путём изучения природных явлений, человека и социокультурных процессов.

Вольтер (Мари Франсуа Аруе) (1694 – 1778) ввел в научный обиход термин «философия истории». Изучение истории он подразделял на научно-критическое и культурно-историческое. Он объявил о необходимости нахождения в культурной истории человечества элементов прогресса, связанных с развитием разума и нравственности. Его методологические установки понимания философии истории зафиксированы в энциклопедической статье «История» (1765). Энциклопедисты – обобщающий феномен французского Просвещения восемнадцатого столетия. Для них история есть рассказ об истинных фактах, противопоставленных ложной интерпретации.

Иоганн Готфрид Гердер (1744 – 1803). Его труд «Идеи к философии истории человечества» [2] стал первым опытом анализа всеобщей истории культуры. В нём получили своё выражение мысли Гердера о культурном прогрессе. По Гердеру, культура – есть некое органическое единство, способное сформировать человеческую цивилизацию. Культура таким образом стала ответом человека на вызовы природы. Наука о культуре исследует использование тех сил, которые применяет человечество

для совершенствования разума и общественных нравов.

Философ эпохи шотландского Просвещения Давид Юм (1711 – 1776) сформировал систему философского эмпиризма, скептицизма и натурализма. Он признавал возможности применения эмпирического метода исследования к духовным явлениям социума, определения своего «Я» только через понимание «Другого». По Юму, наше познание начинается с опыта. Его гносеология послужила методом постижения этики и вопросов политического значения. Экспериментальная наука, утверждал Юм, способна дать постижение природы человека, стать руководством для практической жизни. В работе «Исследование о принципах морали» Юм развивал этику утилитаризма, согласно которой полезность служит критерием нравственности. Вместе с тем он отдавал должное наличию альтруистических моментов в человеческом общежитии. Альтруизм как методологический принцип организации человеческого общества и обоснование синтетической философии впоследствии разрабатывался Прудоном, Реклю, Кропоткиным и др.

Жан Антуан Кондорсе (1743 – 1794) предлагал видеть в умственном прогрессе человечества некоторые стадии развития. Исторический процесс развития социума он разделил на десять эпох, при этом каждая последующая эпоха более прогрессивна, нежели эпоха предыдущая. В этом он видел суть социального прогресса. Последняя, десятая эпоха, по Кондорсе, должна олицетворять будущее человеческого прогресса. Он писал, что наступит день, «когда солнце будет освещать землю, которую будут населять только свободные люди, не признающие другого господина, кроме своего разума» [3, с. 227]. Кондорсе – дитя своего времени, он полностью разделял идейный настрой французских просветителей. Свобода человека и социальный прогресс для него взаимообусловлены, а постижение этой взаимосвязи возможно с использованием математического аппарата. Методологически таким образом – он последовательный сторонник классического рационализма.

Концепция мироустроительного смысла разума у многих представителей философии Просвещения получает рационалистическое толкование и политический крен. Гуманность, свобода и разум выражают сущность человека, служат базой философской антропологии. В своём труде «О духе законов» Шарль Монтескье (1689 – 1755) отмечает, что многие вещи природного характера управляют людьми, но не меньшее значение имеют сложившиеся обычаи и нравственный опыт прошлого. В результате такого сложного и закономерного взаимодействия образуется то, что Монтескье называет «духом народа». Он отмечает важную для методологии познания общественной жизни особенность – различие между законами и нравами. Законы государства определяют гражданскую жизнь человека, а нравы – дей-

ствия человека, организованного природно. Поэтому изучение истории есть выяснение этих общих причин (физического и морального плана) становления и развития государственного строя: «...все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека, ... есть первоначальный разум, законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ» [4, с.163]. Монтескье отмечает двоякую ограниченность человеческой организации: во-первых, способность заблуждаться и, во-вторых, стремление отдельных индивидов своевольно действовать, не соблюдая не только природных законов, но и законов, принятых самими людьми в процессе организации гражданского общества.

В немецкой классической философии всемирно-исторический процесс понимался как складывание единой общечеловеческой культуры. Культура рассматривалась И. Кантом (1724-1804) как совокупность всех достижений человечества, полученных в трехстороннем развитии таких человеческих качеств как культура умения, межкультурное общение и ценностно-нравственная культура. В гуманитарной сфере, по Канту, методологическим приёмом выступает ценностный подход. В познании человек оперирует феноменами (чистыми формами чувственности и рассудка – тем, как вещи нам являются) и ноуменами (исчерпывающими представлениями об объектах при помощи интеллектуального созерцания). Ноуменальное знание люди получают благодаря трансцендентальным представлениям априорных (доопытных) форм, в результате чего последние становятся для человека трансцендентными (знаниями, пресекающими границы человеческого разума). Рассудок человека склонен уходить в трансцендентное (расположенное за границами опыта). Выход за границы опытного знания создаёт взаимоисключающие суждения (антиномии).

Диалектика социогуманитарного познания И.Г. Фихте (1762-1814) как процесса творческого самоопределения человека раскрывается им в работах «Основы общего наукоучения», «Назначение человека». Ценность человека он определяет его способностью проникнуть в тайны мироздания. Наукоучение – задача философии, создающей из многих положений частных наук систематическую форму. Система наукоучения, по Фихте, складывается из трех основных позиций: 1) деятельность человеческого сознания является условием его самопознания; 2) в процессе познания человек определяет, что его сознание наполнено представлениями о внешней по отношению к самому сознанию действительности; 3) соединяя два предыдущих положения, он делает вывод о том, что существует надиндивидуальное человеческое сознание, совмещающее «абсолютное», божественное

сознание, с человеческим. Методология, по Фихте, таким образом складывается из синтеза теоретических построений о природе, социуме и человеке.

В продолжение фихтевского наукоучения Ф.В.Й. Шеллинг (1775-1854) говорит о единстве всего существующего: духовного и материального, субъекта и объекта. Он развил представление о методологической установке познания на тождество сознания и объектов познания. В его философии еще больше подчеркивается значение творческого подхода, но не человека, а некоего активного духовного начала к своему познанию, в котором он выделяет три значения: 1) «Я есть Я»; 2) «Я действующее»; 3) «Я себя осознающее».

Учение об Абсолюте Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831) можно представить как методологию, соединяющую в единую систему описания всеобщих законов и универсального метода. Диалектика Гегеля как всеобщий метод познания является вершиной достижений немецкого классического идеализма в области разработки методологии. Одновременное сочетание системы как покоя и метода как движения и изменения – свойство всего существующего. Гегель создал стройную теорию взаимоотношения всеобщих законов диалектики, центральными понятиями которой являются всеобщая взаимосвязь количественно-качественных характеристик, раздвоенность единого, развитие через борьбу противоположностей.

Русское Просвещение восемнадцатого столетия обратилось к проблеме разработки методологических оснований науки и социогуманитарной сферы в связи с теми потребностями, которые сформулировали философия человека и естествознание. Физика, химия, астрономия, математика, демография, языковедение и филология – все они находились в поиске соответствующих методик исследования, но их методологическую основу составлял общепhilosophический подход. Как отмечает историк философии И.Н. Тяпин, фактически для России «становление собственно философской традиции чаще всего принято отсчитывать с конца XVII в., когда философию начали преподавать в Славяно-греко-латинской академии» [5, с.8]. Русская мысль в это время не только учится у Западной Европы, но и во многом оппонирует ей. На наш взгляд, это положение лучше всего иллюстрирует позиция в отношении к оценке наук Василия Никитича Татищева (1686 – 1750), который рационалистически обосновывает мысль о том, что философия как была высшей наукой, так и продолжает ею быть, синтезируя все истинные знания. Татищева по праву можно считать первым представителем русской философии науки. Его классификация наук представляет собой творческую рационалистическую переработку аристотелевизма на основе принципа полезности знания («нужные», «полезные», «щегольские» или «увеселяющие», «любопытные» или «тщетные», «вредительные», и наука наук – филосо-

фия).

Великий русский ученый и просветитель Михаил Васильевич Ломоносов (1711 – 1765) в теории познания ценил как опытно-эмпирические доказательства, так и логические заключения: ученый обязан владеть экспериментом, уметь объяснять и доказывать. Философии он отводил роль сущностного проникновения в тайны материального мира. Одной из смыслодержущих идей учения Ломоносова было сбережение русского народа (демографическая проблема). Отсюда следует его вывод, что наряду с развитием естественнонаучного знания не меньшее значение имеют гуманитарные знания. Опыты Ломоносов называл основой знания. Познание должно идти не только от простого к сложному, но и учитывать все изменения изучаемого явления, а также прежние познавательные результаты. Он отводил философии в познавательной деятельности роль своеобразного методологического начала, помогающего проникнуть в суть вещей. Блестящий естествоиспытатель, филолог и поэт, Ломоносов в своих исследованиях выстраивал единую методологию, которая исходила из постулата о том, что в науке нельзя просто собирать множество «разных вещей и материй» при этом «не размышляя о их расположении и приведении в порядок» [6, с. 304].

Девятнадцатое столетие в истории России – время социальных модернизационных проектов. В гуманитарных исследованиях на первый план выходит проблема цивилизационного развития страны. Это предопределило, пусть и достаточно условное, разделение отечественных мыслителей на западников и славянофилов. Западничество как особое направление русской социальной мысли тяготело к европейской культуре. В литературе общепринятым является деление западников на либеральных и революционных. К первым относились историки Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин, а ко вторым – А.И. Герцен и Н.П. Огарев. Их объединяла идея включенности России в единый эволюционный мировой процесс, единение с европейской культурой.

Герцена интересовал вопрос разработки единой методологии, которая сочетала бы эмпиризм и рационализм. Философия истории Герцена преследовала цель выявления общих социологических законов: стихийности исторических явлений, соединения стихийного и сознательного в социальном прогрессе. Исходя из идеи самобытности России, он обосновывал для неё принципиально иной путь организации, способный преодолеть «язву пролетарства» с опорой на русскую сельскую общину. В литературе это получило название идеи «русского социализма» [7].

Славянофильство – относительно самобытное проявление идеалистической философии в России, возникшее под влиянием немецкой классической философии

И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. Методологической основой этого направления философствования явился «поиск высшего объективного смысла истории» [8]. Славянофилы не отрицали достижений европейской культуры в области естественных наук, технологий и образования, но им неприемлемы были ценности европейской демократии. Они ориентировались на союз самодержавия с народностью и считали, что у России должно быть достойное место в цивилизационном развитии. Проблему отечественной цивилизации, как самобытной и оригинальной, разрабатывал впоследствии «поздний славянофил Н.Я. Данилевский [9].

Переосмысливая события Отечественной войны 1812 года, российское общество разных идейных приверженностей все настойчивее обращается к проблеме общественного идеала и теме «национального духа». Свойственно это и деятелям «раннего» славянофильства – А.С. Хомякову, братьям Аксаковым, И.В. Киреевскому. Но одним из первых, кто высказал идею о необходимости русской интеллигенции заняться развитием национального самосознания, был Юрий Федорович Самарин (1819 – 1876). Этому вопросу специально посвящена статья А.В. Белова [10]. Идеи Самарина, связанные с разработкой темы национального духа, прежде всего интеллектуального и нравственного развития, сравнивали с учением Фихте о нации как носителе культуры.

Нужно отметить, что было и обратное философско-методологическое влияние славянофилов на западноевропейскую мысль. Это прослеживается в сравнительном анализе концепции представителя философии жизни О. Шпенглера с идеями Н.Я. Данилевского (культурно-исторические типы) и К.Н. Леонтьева (восточно-византийские основы России как государства и культуры). Данилевский и Леонтьев по праву считаются одними из «отцов-основателей цивилизационного подхода к истории» [11, 12].

Одной из важных теоретических проблем, которая встала перед философией науки в двадцатом столетии, является описание основных тенденций развития научного знания: его дифференциации и интеграции. В плане практическом такой попыткой было обоснование синтетической философии. Основы этого философского направления были заложены еще в веке девятнадцатом. Последний западноевропейский философ-энциклопедист Герберт Спенсер в своей позитивной философии наметил основные черты синтетической философии, разрабатываемые сегодня в рамках синергетической парадигмы [13]. Центральной методологической идеей системы синтетической философии Спенсера стало представление о распространении эволюционных принципов развития на все области человеческого знания и опыта.

В отечественной научной и общественно-политической мысли проблемы синтетической философии разрабатывал Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921) – российский энциклопедист, социальный мыслитель и философ. Под синтетической философией он понимал научное знание, охватывающее все явления природы и общества, а также экономические, политические, психологические, умственные и нравственные вопросы. По словам Вячеслава Михайловича Артёмов, «синтетическая философия П.А. Кропоткина, опираясь на открытое миропонимание, обосновывает идеал справедливого самоуправляющегося общества, субъектами которого выступают знающие, высоконравственные, свободные личности и их объединения. Его наследие принадлежит не столько анархистам, сколько всему культурному обществу, прежде всего учительству, призванному привить молодежи любовь к истине и добру. Ситуация нашего времени актуализирует общий оптимистический пафос русского мыслителя, его ориентацию на помощь человеку в совершении духовно-нравственного прорыва» [14].

Нравственно-этические проблемы в контексте методологии синтетической философии Кропоткина разрабатывались им в таких работах как «Справедливость и нравственность», «Нравственные начала анархизма», «Моральный выбор Л.Н. Толстого», «Взаимная помощь как закон природы и фактор эволюции» и др. Особо надо выделить его последний фундаментальный научный труд «Этика», представленный первым томом и черновыми набросками второго тома [15]. Основные понятия синтетической философии Кропоткина, несущие в себе основополагающий методологический посыл – это такие категории как «взаимопомощь» и «инстинкт общительности». В природе и в истории человечества, по Кропоткину, взаимная помощь и поддержка, с одной стороны, и инстинкт общительности как фактор природный, с другой стороны, всегда были более значимы, чем «взаимная борьба за средства существования». Взаимопомощь, по Кропоткину, выполняет роль методологического основания таких коллективистских ценностей как солидарность, сотрудничество и справедливость.

В первой четверти XX века в рамках русской философии в контексте оригинальных методологически-гносеологических концепций обсуждалась проблема носителя познания (С.Л. Франк, Л.П. Карсавин и др.). Особую актуальность и для современного философского мировоззрения представляет акцентуация вопроса о целостной личности, познающей себя и окружающее бытие Павлом Александровичем Флоренским (1882 – 1937) и Алексеем Федоровичем Лосевым (1893 – 1988). Проблема познания в философии истории Флоренского и рассмотрение личности как основы бытия в философии Лосева проведена в статье, опубликованной в «Вестнике МГТУ» [16].

В поисках истины русские мыслители культуры Серебряного века исходили из того, что пути реализма и рационализма исчерпаны. Поэтому в их методологии постижения социальной и культурной реальности основным выступает метод интуиции через опыт. Опыт у Флоренского есть единство, органика чувственного, мистического и религиозного. Как православный мыслитель Флоренский полностью разделял постулат одного из отцов христианской церкви, Тертуллиана, «верую, ибо это нелепо». Для Флоренского эта аксиома как бытийного, так и мировоззренческого характера. Но Флоренский – крупный ученый начала прошлого столетия, естествоиспытатель, поэтому опыт для него включает в себя и знание, и веру. Можно провести параллель между взглядами Флоренского и Ломоносова: у них опыт – не просто набор фактов, а методология исследования, включающая и рациональное, и непознанное, мистическое. Современные исследователи пишут: «Категория опыта приобретает у Флоренского особое понимание. Критерии опыта и конкретности не являются у философа только чувственными и прагматическими. Конкретность для него означала не отсутствие духовного предмета, ноумена, но «именно характер этого духовного предмета» [16, с. 646]. Опираясь на свою религиозно-философскую концепцию, Лосев провёл своеобразную систематизацию и типологизацию философских категорий, обосновал диалектические основы математики, аксиоматику знака и др.

Двадцатый и двадцать первый века, несмотря на бурное развитие техники и технологические прорывы, для науки в методологическом плане теоретизирования пока не предложили тех обобщений, которые могли бы с уверенностью определить путь общественного прогресса. Прагматизм, феноменология, философия экзистенциализма, структурализм, постмодернизм, герменевтика, философия психоанализа и психиатрии, робкие попытки новых теологических изысканий – основные срезы современного философствования. Какую методологию в своих направлениях они предлагают? Какое значение это имеет для философии науки?

Наиболее показательным в этом плане выступает европейский постмодернизм. Для него характерны критика классической философии науки, отказ от социальных и культурных ценностей эпохи модерна. Объектом критики является оптимизм классической философии, ее вера в могущество разума и науки. В постмодернизме всё больше оптимистический настрой на возможности научного знания уступает место разочарованию и пессимизму. Критицизм и пессимизм могут являться основой для поиска новых оснований, новых ценностей бытия. Но отношение со стороны естественных наук к таким позициям философов, задача которых видится им в обобщении знания и своевременной выработке новых методологических установок, помогающих конкретным

наукам определяться в своём целеполагании, не может быть уже таким положительным. Чрезмерный разброс во мнениях философов, их толерантность к иррационалистическим сентенциям, может расцениваться, и вполне оправданно, как кризис философии, который ведет к общему научному кризису.

Например, в прагматических философских изысканиях, несмотря на постулат о существовании Абсолюта, обладающего сознанием и волей, в человеческом опыте такого Абсолюта не находится. Наоборот, для каждого отдельного индивида реальность предстаёт, конечно, с позиций воспитывающей его культуры, но ещё в большей степени его интереса и веры. Один из «отцов-основателей» философии прагматизма Ч.С. Пирс (1839-1914) предлагает ряд методов закрепления веры, первым из которых назван метод упорства, позволяющий человеку держаться идеи, несмотря на попытки других людей опровергнуть её. Но более эффективным, с его точки зрения является метод власти, закрепляющий веру не только в конкретном индивиде, но и в обществе. Вообще-то эффективнее всего закрепляет верования научный метод, меньше зависящий от «человеческого фактора», устраняющий на мировоззренческом уровне неуверенность и сомнения. Но, как заключает сам Пирс, научный метод при учёте прагматической максимы видит, пусть и независимую от нас реальность, но под углом зрения субъективных интересов.

Французский ученый Жан Бодрийяр (1929 – 2007) в своих многочисленных трудах отразил современную тенденцию коренного изменения сознания человека. Человек трактуется им как индивид западной культуры. Его основополагающее понятие «симулякр» несло в себе понимание кризисного состояния сознания современного человека: люди перестали ценить человека как личность, все определяется ценой вещей, культура дегуманизируется. Его методология философского исследования исходила из тезиса «эпоха постмодернизма – реальная симуляция, в которой участвуют все». Социальные и духовные ценности сегодняшнего Запада – общество потребительской ориентации, однополых браков, идей первого и второго родителей для приёмных детей, и многое другое – реально выражают кризис современного сознания человека.

Характерной чертой современной аналитической философии стало исследование нормативности познания, создание различных схем рациональности. Сама современность рассматривается в множестве характеристик рациональности. Бытие – динамичное, представляющее синтез субстанции и отношения – диктует такие методологические подходы: согласование человекоцентризма, процессуальности, конечности, относительности. Аналитика в такой реальности не имеет общих признаков, не связана предметным единством, имеет

различные мировоззренческие позиции и философские специальности: идеалистические, материалистические, реалистические, рационалистические, антиреалистические, эмпирические, атеистические, теистические. В методологическом плане в философской аналитике произошел сдвиг от предмета исследования к мастерству аргументации и стилю доказательств. Все это затрудняет видеть в философии необходимый методологический и аналитический потенциал дальнейшего развития науки.

В качестве выводов отметим, что, во-первых, методологические основания философских изысканий от века семнадцатого до века двадцать первого базируются на представлении единства реальной действительности, социального прогресса и представлении о человеке как высшей ценности. В разных философских концепциях

упор при этом делался на рационализм в ущерб эмпиризму, или, напротив, понимание опыта как единства чувственного и религиозного.

Во-вторых, неклассическая философия двадцатого столетия в качестве методологического основания разрабатывала идею плюрализма мнений в оценке самых различных философских школ. В методологическом плане это принцип дополнительности философских школ, основанного на интеграции всего философского знания.

В-третьих, постмодернистская реакция на философию науки, идею социального и культурного прогресса выразилась в отказе от рационального постижения мира. В философской исследовательской литературе многих отечественных авторов это вызывает вполне заслуженную критику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов А.А. Методология /Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 628.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
3. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Перевод А.И. Шапиро – М.: СОЦЭЖИЗ, 1936. –266 с.
4. Монтескье Ш.Л. Предисловие к книге «О духе законов» /Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. – М.: Гослитиздат, 1955.
5. Тяпин И.Н. Теоретическое значение отечественной философии: монография /И.Н. Тяпин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда: ВоГУ, 2021. – 159 с.
6. Ломоносов М.В. Избр. филос. произведения /М.В. Ломоносов; под общ. ред. Г.С. Васецкого. – М.: Гослитиздат, 1950. – 769 с.
7. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Александр Иванович Герцен: 200 лет основоположнику «русского социализма» / Культура и образование в XXI веке: М-лы межвузов. научно-практич. конф. 24 – 26 января 2013 г. /под ред. М.А. Арефьева. – СПб.: СПбГАУ, 2013. – С. 17 – 24.
8. Русакова О.Ф. Историософия: структура предмета и дискурса //Вопросы философии. 2004, №7. – С. 48-55.
9. Кожурин А.Я. Н.Я. Данилевский: жизнь и творчество: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 204 с.
10. Белов А.В. Идея национального самосознания в философии славянофила Ю.Ф. Самарина (200 лет со дня рождения) //Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019, №5 (108). – С. 35-38.
11. Тимофеев М.С. Н.Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного Российского государства // Вестнике Российского университета кооперации. – 2015, №3 (21). – С. 125 – 129
12. Гуторов В.А. Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных FASCIST STUDIES //Вестник Русской христианской академии. – 2019, Т.20, № 4. – С. 307-312.
13. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. – К.: Ника-Центр, 1997. – 513 с. (Серия «Познание»; Вып.2).
14. Артемов В.М. Нравственность и свобода в этико-философской концепции П.А. Кропоткина /Петр Алексеевич Кропоткин /Под ред. И.И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – С. 172.
15. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. –496 с.
16. Дудник С.И. и др. Познание как бытийность личности в трудах П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева /С.И. Дудник, Е.П. Борзова, А.А. Малышко, О.Д. Мачкарин //Вестник МГТУ. – 2012, том 15, №3. – С. 645-650.

© Давыденкова Антонина Гилеевна (ant-daga@mail.ru), Коваленко Наталья Геннадьевна (nataly6707@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И ПОСТУЛАТЫ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS AND THE POSTULATES OF QUANTUM MECHANICS

G. Parshikova

Summary: The article is devoted to the connection of consciousness with quantum mechanics, the construction of a hypothesis of the functioning of consciousness based on the conceptual structure, the formalism of quantum mechanics. The details of the transition of quantum states of consciousness into subjective cognitive processes that form a creative space as a result of learning and adaptation are revealed. The quantum-informational specificity of the existence of consciousness is considered from various points of view. The reflection of quantum effects studied in the framework of physical disciplines in the complex, multilevel structure of consciousness is revealed.

Keywords: consciousness, quantum mechanics, quantum informatics, quantum concept of consciousness, qubits, "quantum entanglement", memes, frames.

Паршикова Галина Васильевна

к.ф.н., доцент, Брянский государственный технический университет, Брянск
parshikovagalina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена связи сознания с квантовой механикой, построению гипотезы функционирования сознания на основе концептуальной структуры, формализма квантовой механики. Раскрыты детали перехода квантовых состояний сознания в субъективные когнитивные процессы, формирующие создающее пространство в результате обучения и адаптации. Рассматривается с различных точек зрения квантово-информационная специфика сознания. Выявлено отражение квантовых эффектов, исследованных в рамках физических дисциплин в сложной, многоуровневой структуре сознания.

Ключевые слова: сознание, квантовая механика, квантовая информатика, квантовая концепция сознания, кубиты, «квантовая сцепленность», мемы, фреймы.

Прослеживается стремительное возрастание интереса к исследованиям квантовой физики в последнее десятилетие, что подтверждается появлением целого ряда работ и проведением множества опытов, переводящих философские поиски в плоскость физических теорий. Проблема сознания – действительно одна из самых «трудных» и глубоких проблем философии, т.к. не существует единой точки зрения на вопрос сущности сознания. Уникальная черта сознания заключается в том, что в качестве его носителя выступает реально существующая биологическая система, но при этом оно само, по сути, является нефизическим и субъективным.

В последних исследованиях физиком М. Фишером было обнаружено, что квантовый анализ данных играет функциональную роль в работе сознания. Ученый утверждает, что в мозг включены молекулы, которые имеют способность переносить воздействие квантовых суперпозиций, обладающих большой мощностью. Атомы фосфора содержатся повсюду в биотических клетках [1]. Согласно М. Фишеру: в мозге могут происходить квантовые процессы, речь идет о хранении информации в кубитах (квантовых битах), о возможности хранить и генерировать с помощью одного квантового регистра (набора кубитов) больше данных, чем посредством классического бинарного. Кубиты могут одновременно устанавливать значение как логического ноля, так и логической единицы, поэтому с увеличением числа действующих кубитов число обрабатываемых синхронно значений возрастает

в геометрической прогрессии. М. Фишером предложен механизм транспорта и квантового измерения кубитов для передачи и обработки данных [2].

Замечен немалый интерес физиков, специализирующихся на квантовой механике, к птице малиновке и ее способности ориентироваться в пространстве при перелетах в течении нескольких сезонов, используя квантовые эффекты для определения направления по магнитному полю, выбирать направление при сезонных перелетах, ориентируясь по магнитному полю.

Так же необходимо отметить явление фотосинтеза – процесса трансформации солнечного света, диоксида углерода и воды растениями и фотосинтезирующими бактериями в органическую материю; это важнейший процесс, лежащий в основе зарождения и эволюции большей части организмов на Земле. Излучаемые солнцем фотоны статистически закономерно достигают молекул хлорофилла и других фотосинтезирующих организмов, что создает энергетические возбуждения, возникновение которых можно описать в квантово-механических терминах. Также в контексте этих представлений речь идет о когерентности, скоррелированности нескольких волновых процессов во времени, проявляющихся при их сложении и усилении, друг другом.

Разработки М. Фишера формируют новое направление квантовой биологии. Эта теория поддерживается

пестрой мозаикой научных исследований в области нейробиологии, органической химии, ядерной и квантовой физики. По словам М. Фишера, не разгаданы квантовые свойства в спине ядра, воздействующем на продолжительность когерентного состояния атома. Между изменчивыми условиями окружающей среды и субъектом есть независимая, коррелирующая связь.

Сознание неразрывно связано с процессом мышления, прогнозированием и моделированием, восприятием, оценкой и анализом ситуации, выбором, т.е. это сложная, многомерная, интегративная работа мозга, которая сопряжена с перебором, сортировкой и анализом допустимых вариантов. Сознание оркестрирует процессы обработки информации мозгом для обработки и хранения фреймовых структур, подготовки и принятия решений, оперативного и интеллектуального анализа данных, на основе моделей знаний, подобных алгоритмам и принципам функционирования экспертных систем.

Принцип работы классической нейронной сети состоит в том, что она обучается только одному навыку и процесс ее обучения не приводит к изменению других нейронных сетей, она способна самообучаться, анализировать, запоминать информацию и репродуцировать ее из своей памяти. Накапливая все большее количество знаний в процессе развития, сетевая структура усложняется и обрастает новыми связями. В ее составе формируются связи различной сложности – от простых линейных до многомерных рекурсивных. [3]

Квантовый компьютер выполняет итерации по мас-

сиву данных. Квантовая сеть мозга дает возможность итерации по всем возможным вариациям, сам «массив данных» становится «перебираемой» сущностью. Практическая ценность итерации в том, что появляется возможность усовершенствования процесса мышления, фильтрации предпочтительного варианта решения задачи. Сознание опирается на имеющиеся ментальные конструкции, фреймовые структуры и реализует квантовый перебор. Сам перебор осуществляется за счет явления квантового параллелизма и происходит практически мгновенно.

Чередование квантовых состояний сознания оказывается алгоритмом самостоятельной интеграции в создающее, творческое, экспериментальное пространство, тактикой выработки многочисленных набросков описания субъективных когнитивных процессов, способствующих формированию диаграммы связей для простоты операций с накопленной информацией. [4]

Сохраняется немало вопросов о квантово-информационной природе сознания. Исследования сознания сталкиваются с затруднениями, так как внутреннее содержание сознания невозможно описать только методами квантовой физики и отразить посредством информационной составляющей. В то же время, представления о сознании претерпевают изменения, квантовая механика и современные способы представления информации, как бурно развивающиеся направления естественных наук позволяют изучить еще одну, ранее неисследованную грань сознания, положить еще один элемент в пазл понимания когнитивных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Senthil T., Vishwanath A., Balents L., Sachdev S., Fisher M. Deconfined quantumcritical points // *Science*. 2004 Vol. 303 (5663). pp. 1490-1494. – DOI:10.1126/science.1091806
2. Senthil T., Fisher M. Quasiparticle localization in superconductors with spin-orbitscattering // *Physical Review B*. 2000 Vol. 61 (14). pp. 9690-9698. – DOI:10.1103/PhysRevB.61.9690
3. Паршикова Г.В. Моделирование сознания: от фреймового подхода к голографической парадигме // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*. - 2015. - № 2. - С. 11-16.
4. Степанищев А.Ф. Голографическая модель языка как основа для построения искусственного интеллекта и моделирования сознания / А. Ф. Степанищев Г.В. Паршикова // *Вестник Брянского государственного технического университета*. – 2013. – № 2(38). – С. 126-129.
5. Паршикова Г.В. Феноменологический аспект рефлексивного опыта как модус существования ментального в виде данностей сознания / Г.В. Паршикова // *Философия и культура*. – 2014. – № 9(81). – С. 1329-1333.

© Паршикова Галина Васильевна (parshikovagalina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУЩНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

ESSENTIAL UNDERSTANDING OF VALUE IN SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. Skopa

Summary: The article examines the essential concept of value in the socio-philosophical discourse. The value structure of the personality is dynamic, but at the same time it has sufficient stability. Despite the key role of values in human life, to date, science has not formed a unified understanding of the nature of values. In general terms, value is understood as the human, social and cultural significance of certain phenomena of reality. Values are included in the category of «social representations» and are the basis of the objective order of social life of a particular society. The subject of a system of specific values can be a social community. In the axiological tradition, there are two approaches to the problem of values: naturalistic and anti-naturalistic. Of particular interest is the socio-philosophical interpretation of the supra-individual nature of values. They, acting as certain target markers, determine the upper limit in the level of the philosophical and social aspirations of the individual.

Keywords: value, social philosophy, individualism, social consciousness, ontology of value.

Аннотация: В статье рассматривается сущностное понятие ценности в социально-философском дискурсе. Ценностная структура личности является динамичной, но одновременно она обладает достаточной устойчивостью. Несмотря на ключевую роль ценностей в жизнедеятельности человека, к настоящему времени в науке не сформировалось единого понимания природы ценностей. В общем виде, под ценностью понимается человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. Ценности включены в категории «социальных представлений» и являются основой объективного порядка общественного бытия определенного социума. Субъектом системы специфических ценностей может выступать социальная общность. В аксиологической традиции прослеживается два подхода к проблеме ценностей: натуралистический и антинатуралистический. Особый интерес вызывает социально-философская интерпретация надиндивидуального характера ценностей. Они, выступая определенными целевыми маркерами, определяют верхнюю границу в уровне философско-социальных стремлений личности.

Ключевые слова: ценность, социальная философия, индивидуализм, общественное сознание, онтология ценности.

Принадлежность человека к социально-философской действительности имеет сложную структуру и такой процесс обусловлен многими факторами. Личность делает выбор жизненного пути «внутри себя», на основе собственного видения мира. Ценностная структура личности является динамичной, но одновременно она обладает достаточной устойчивостью. Ее невозможно в короткое время изменить или разрушить. Вместе с тем, процесс формирования ценностной структуры требует значительных личностных усилий [1].

В данной статье под ценностной средой мы понимаем совокупность внешних условий, обеспечивающих целенаправленный и социально ожидаемый процесс развития, формирования и воспитания у субъектов социальных отношений – человека, определенных типов позиций к окружающему миру.

Несмотря на ключевую роль ценностей в жизнедеятельности человека, к настоящему времени в науке не сформировалось единого понимания природы ценностей. В самом общем виде, под ценностью понимается «человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. Все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных

отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения... Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании как «субъектные ценности» (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений), выступая ориентирами деятельности человека» [8]. На другую, исключительно психологическую особенность ценностей, указывает Б.С. Алишев. На его взгляд «... ценности можно определить, как универсальные психические комплексы, образуемые наиболее общими, в значительной мере интуитивными представлениями личности о должном, о добре, о месте человека в мире и среди людей, наполняющиеся в каждой ситуации жизнедеятельности конкретным содержанием и позволяющие в качестве критериев, во-первых, определить отношение, во-вторых, осуществлять выбор варианта поведения» [1, с. 129].

Субъективистский взгляд на природу ценностей высказывает А.Н. Занковский, утверждая, что «...ценности представляют собой базовые представления о том, что определенные идеи, цели, формы поведения или ин-

ституты являются индивидуально или социально предпочтительнее иных идей, целей, форм поведения» [3, с. 471]. Вместе с тем приведенные определения ценностей указывают скорее не на присутствие противоречий в отношении их природы, а на различие субъективных позиций в их оценке [5].

С социально-исторической точки зрения ценности могут представляться как закрепленные в общественном сознании представления о человеческом, социальном и культурном значении определенных явлений; с позиций психологии трактоваться как универсальные психические комплексы, что совершенно не исключает восприятие самим человеком ценностей как субъективной предпочтительности объектов природного и социального окружения [2].

Ценности и ценностные ориентации изучает наука аксиология, которая является отраслью философского знания. Ее предметом служат следующие элементы:

- субординация ценностей и ориентации личности в них;
- ценностные ориентации как структурный элемент личности;
- управления процессом ориентации личности в ценностях;
- иерархия ценностного мира;
- онтологический статус ценностей.

Исходя из выше определённого, целью данной статьи является определение сущности понятия «ценности» и его роли в деятельности личности человека. Объектом исследования выступают «ценности» как элемент ценностной структуры личности.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, так как ценностная система личности соотносится с важными аспектами личности, одним из которых является определение цели деятельности самой личности. Только сформированная ценность может сделать любую идею идеалом, на который будут направлены и деятельность, и стремление личности.

Понимание ценности характерно для работ, прежде всего психологов и философов. В такой интерпретации слово «ценность» оказывается синонимом таких понятий как «смысл» и «значимость» [9, 12, 13]. Проблема ценностей рассматривалась многими отечественными и зарубежными исследователями, среди которых можно выделить Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Олпорт, К. Роджерс.

Исходя из совокупности изученных работ, можно утверждать, что ценности включены в категории «социальных представлений», являясь основой объективного порядка общественного бытия определенного социума,

которые несут практический опыт обществу. Выделение понятия идеала как отдельного явления, формируется путем применения идеологических конструкций. Идеологические конструкции консолидированы и ориентируются, в том случае, если последние отражают в себе мотивацию общественной деятельности. Только «ценность», имеющая большое значение, может интерпретироваться как «идеал» [4, с. 85-89].

Субъектом системы специфических ценностей может выступать социальная общность. В связи с этим возникают неформальные группы, отличающиеся от формальных, институциональных сообществ (семья, учебная группа, академическая группа, профессиональное сообщество). Если отнести понятие «ценности» к материальным объектам или предметам, мы подходим к вопросу: считать ценностями конкретные значимые для субъекта предметы, или же закрепить это понятие по особым абстрактными идеальными сущностями?

Так, в работах Р.Б. Перри, Дж. Дьюи ценностями называют все то, что производит реализацию потребностей и интересов [12, с. 763]. Классическое определение социальной ценности в философском контексте мы находим в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «социальная ценность – некий заданный ориентир, обладающий эмпирическим содержанием, доступным всем членам определенной социальной группы, и значением, в силу которого он является или может стать объектом действий» [11, с. 189-195]. Магун В.С. указывает на существование двух принципиально различных форм организации социально полезной деятельности человека: «Они отличаются и своими социальными механизмами, и содержанием, отраженных в психике человека с помощью эмоциональных и рациональных оценок ценностей. С точки зрения представленности социальных ценностей в психике субъекта, две упомянутые формы побуждения его социально полезной деятельности можно различать как прямую и косвенную. В случае прямого побуждения, потребности и блага других людей и социальных групп отражаются в психике человека в тех же эмоционально-оценочных формах, характерных для отображения им своих собственных ценностей. В этом случае образ чужого блага или чужой потребности сопровождается переживаниями субъекта собственного удовольствия или страдания. Человек не только переживает за других людей, но и думает об их благополучии» [6, с. 57].

Категория ценность в данном случае раскрывает один из существенных моментов универсальной взаимозависимости явлений, а именно момент значимости одного явления для представления другого. Субъектом ценностного отношения выступает и сторона, относительно бытия, которой определяется ценность другой. Так что перед нами возникает необходимость различать субъект ценностного отношения и субъект познания

ценности, которые не всегда совпадают [14]. Некоторые из философских, а также множество психологических и педагогических подходов к проблеме ценностей, выходят из такой установки, при которой понятие «ценности» описывает особую реальность, что не сводится к нуждам.

Ценность обладает особым статусом среди множества других окружающих человека явлений, «наделяя тот или иной объект статусом ценности, человек как бы есть этот объект, признает за ним право на собственный «голос» [7, с. 41-45]. Понимание ценности как наиндивидуальной реальности мы находим в теории социализации Т. Парсонса, когда речь идет о категории, адекватной для описания культур или социальных систем [8, с. 448].

Так, Парсонс отмечает, что «индивид как бы «вбирает» в себя общественные ценности в процессе общения со «значимыми другими», в результате чего следование общезначимым нормативным стандартам становится частью его мотивационной структуры». Механизм этот, как полагает Парсонс, работает на основе сформулированного Фрейдом принципа удовольствия – страдания, приводимого в действие с помощью вознаграждения, и наказания и включает в себя также процессы торможения и замещения.

В аксиологической традиции заключено два подхода к проблеме ценностей: натуралистический и антинатуралистический. Суть антинатурализма заключается в отрыве ценностей от реальных интересов личности, от естественных потребностей человека. Для этого подхода ценности являются идеальными сущностями, сфера которых находится вне опыта и которые не зависят от человеческих интересов. С позиций натурализма ценностью является все то, что способствует эффективно функционированию «человеческой природы», удовлетворению его интересов, развитию потенциальных задатков. Важным аспектом является то, что «система ценностей определяет приоритеты и критерии оценки, становится основой при определении целей деятельности, раскрывает позицию личности. Реализация ценностей является реализацией позиций, которые становятся особенно прочными, когда они являются осмысленными» [5, с. 123-137].

Итак, под миром ценностей понимают мир культуры

в широком смысле слова, в котором выражается мир духовного богатства личности, моральные ценности. Именно в силу этого факта, ценности не рассматриваются как примитивное изображение взглядов и интересов субъекта. Осознание ценности как наиндивидуальной реальности предполагает конкретизацию ее субъективно-психологических синонимов, которые описываются через такие понятия как «потребность», «мотив», «интерес», «ориентация ценностей».

Ценности можно рассматривать как основу личности, что обеспечивает ее устойчивость и является фактором ее развития и социализации. То есть философская интерпретация данной категории позволяет рассматривать ценности как компоненты индивидуально-психологической структуры личности [10]. Ценностные ориентации, являясь элементами структуры личности, выступают в форме потребностей, интересов, мотивов, поведения. Они обуславливают дальнейшее профессиональное и личностное самоопределение человека.

Особый интерес вызывает социально-философская интерпретация наиндивидуального характера ценностей. Они, выступая определенными целевыми маркерами, определяют верхнюю границу в уровне философско-социальных стремлений личности. Понимание ценности как идеала позволяет отметить не только «наиндивидуальность», но и «надобщность» ценностей, часто выполняют функцию высшего критерия для ориентации в мире и опоры для личностного самоопределения.

Понятие ценности могут быть включены в сферу таких понятий, как сознание общества, социальный характер, бессознательное [13, с. 77].

Таким образом будучи порождением конкретного социума, ценности отражают в себе основные черты этой жизнедеятельности. Самостоятельным субъектом ценностного отношения может выступать любая социальная общность. Ценности не являются абсолютными и объективными в конкретном их понимании. Человеческие ценности несут в себе конкретно-исторический опыт совокупной жизнедеятельности человечества. Современной тенденцией является осознание человечеством своего единства и формирования мирового сообщества, что породило необходимость выработки общих ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев Б.С. К вопросу о психологической сущности ценностей // Социально-профессиональное становление молодежи: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции (17-18 мая 1999 г.), в 2-х частях. Часть 2. Казань, 1999. – С. 126-129.
2. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. – С. 106-114.
3. Занковский А.Н. Организационная психология. М., 2000. – 648 с.

4. Краус В. нигилизма и идеалы. М., 1994. — 136 с.
5. Кулюткин Ю.Н. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара, 2002. — 400 с.
6. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983. — 211 с.
7. Малахов В.А. Культура и человеческая целостность. Киев, 1984. — 213 с.
8. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Американская социологическая мысль. М., 1994. — С. 448-463.
9. Патрушев В.Д., Бессокирная Г. П. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы // Социологические исследования. 2003. № 5. — С. 72- 84.
10. Петровский А.В., Шпалинский В. В. Групповая сплоченность как ценностно-ориентационное единство // Психологическая теория коллектива. М., 1979. — С. 43-65.
11. Томас В., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. — 343 с.
12. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. — 789 с.
13. Фромм Э. Душа человека. М., 1992. — 187
14. Яницкий М.С. Ценностная ориентация личности как динамическая система. Кемерово, 2000. — 204 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Федотов Владимир Владимирович

Доцент, Российский Университет Транспорта

vladimirfedotov1@yandex.ru

MAIN THEORIES OF WORK MOTIVATION IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PHILOSOPHY

V. Fedotov

Summary: The article discusses the main schools and theories of human labor activity motivation, recognized in the framework of sociological science. The importance of procedural theories of labor motivation for socio-philosophical knowledge is noted. The combination of the ideas of justice, participation and satisfaction in the main approaches to work make it possible to reveal the philosophical potential of these theories. The need for belonging provides a person with a desire to be needed, both in the social sphere and in the professional one. The need of the individual for belonging is directly related to the need for communication and self-realization, which allows us to consider labor motivation as a subject of socio-philosophical knowledge.

Keywords: labor motivation, justice, need, self-realization, personality.

Аннотация: В статье рассмотрены основные школы и теории мотивации трудовой деятельности человека, признанные в рамках социологической науки. Отмечается значение процессуальных теорий мотивации труда для социально-философского знания. Сочетание в основных подходах к труду идей справедливости, сопричастности и удовлетворенности позволяют раскрыть философских потенциал данных теорий. Потребность в принадлежности обеспечивает человеку желание быть нужным, причём как в социальной сфере, так и в профессиональной. Потребность личности в сопричастности непосредственно связана с потребностью в общении и самореализацией, что позволяет рассматривать трудовую мотивацию в качестве предмета социально-философского знания.

Ключевые слова: мотивация труда, справедливость, потребность, самореализация, личность.

Вопросы мотивации труда работника традиционно находятся в фокусе внимания отдельных социально-экономических дисциплин, прежде всего, социологии и менеджмента. В русле социально-философской проблематики трудовая мотивация рассматривается как компонент общей проблемы личности, позволяющий подробно раскрыть метафизические основы человеческой мотивации, побуждений в трудовой деятельности и потребностей индивида. Вместе с тем основные теории трудовой мотивации обыкновенно решают чисто утилитарные задачи, позволяя повышать производительность и эффективность труда, и лишь в сухом остатке сохраняя свою социально-философскую подоплеку. Мотивация является одним из главных факторов качественной работы коллектива, а значит и предприятия в целом. Сама мотивационная система должна отвечать запросам сотрудников, а сам работодатель должен находить правильные способы в системе мотивации трудовой деятельности персонала.

Школа научного менеджмента Ф. Тейлора является классическим направлением теоретической мысли в данной сфере. Для Тейлора основным в системе мотивации труда является её повышение за счёт более чёткой увязки результатов труда и получаемого денежного вознаграждения. Иными словами, по мнению Тейлора, мотивировать можно только путём денег и пониманием работников связи его труда и заработка. Мотивация в его понимании важна, она направляет работников и наполняет качественное выполнение их трудовой функ-

ции особым смыслом [4, с. 75].

Школа поведенческих наук рассматривает роль отдельно взятого работника в работе организации. Значимыми фигурами здесь можно считать Д. МакГрегора и Ф. Герцберга. Д. МакГрегор, являясь создателем теории «Х» и теории «Y», был сторонником мнения о том, что мотивация эффективна тогда, когда человек имеет желание работать, когда он видит свою цель и хочет создавать пути к решению проблемы. Иными словами, если есть желание трудиться, мотивация нужна и важна. Теория «Х» предполагает собой то, что человек по своей природе ленив, он не желает брать на себя ответственность, он ленив и безразличен к происходящему. Мотивировать таких людей к труду очень трудно. Главным стимулом для них может стать лишь материальное вознаграждение или принуждение к труду. Согласно теории «Y» все работники активны и амбициозны. Они готовы брать на себя ответственность и проявляют инициативу, поэтому вопрос мотивации здесь достаточно прост. Такие сотрудники получают удовольствие от своей работы, нужно всего лишь заинтересовать их.

Существует двухфакторная теория Ф. Герцберга, согласно которой человек удовлетворён или не удовлетворён работой из-за влияния двух факторов: «гигиенического» и «мотивационного». Отсутствие первых влияет на неудовлетворённость работой, но своим наличием не мотивируют человека. А вот отсутствие мотивации не ведёт к неудовлетворённости. При наличии мотивации

человек хочет работать, он удовлетворён ею, что и повышает результат его деятельности [8, с. 207].

Теория иерархии потребностей А. Маслоу представляет собой «пирамиду», которая отражает потребности человека, сформированные по определённым признакам. Всего выделяется пять уровней потребностей человека:

1. Физиологические потребности человека являются фундаментом всей мотивационно-потребностной сферы человека. Прежде всего к ним относят потребности в пище, воде, крыше над головой и потребность в продолжении рода. Именно после удовлетворения данных потребностей наступает развитие других. Очень важно их удовлетворение, так как такие потребности определяют поддержание жизни человека;
2. Потребность в безопасности отражает то, что каждый человек хочет и должен быть защищён. Причём, такая безопасность касается не только его жизни, но и гарантий, социального положения, прав и личного пространства;
3. Социальные потребности. Каждый человек стремится быть в социуме. Это касается дружбы, любви, общения. Именно то, насколько для человека важны социальные потребности, определяет, в первую очередь, его характер;
4. Потребность в оценке и уважении. Данная группа потребностей представляет собой совокупность двух подгрупп потребностей: потребность в самоуважении и потребность в уважении со стороны других людей. Стоит отметить, что данные подгруппы зависимы друг от друга.
5. Потребность в самореализации. Достаточно важная группа потребностей. Именно благодаря потребности в самоуважении человек развивается и ставит перед собой высокие цели.

Согласно теории Маслоу, отдельные потребности влияют на поведение человека в соответствии с двумя принципами:

1. Принцип дефицита. Человек никогда не бывает удовлетворён полностью. После того, как удовлетворяется одна потребность, сразу же появляется другая. В каждой последующей потребности человек видит уже новый смысл и стремится к их удовлетворению;
2. Принцип приоритета. Как правило, люди всегда хотят чего-то большего, чем они уже имеют. То, чего они хотят, напрямую зависит от того, что они уже умеют. Маслоу отмечал, что существует определённая последовательность, в соответствии с которой человек удовлетворяет свои потребности. По его мнению, потребности способны «активироваться» в строго определённом порядке [1, с. 12].

Базовыми являются физиологические потребности, без достижения которых невозможно достижение ни одной потребности других групп. Это вполне логично, ведь при недостатке или отсутствии еды человек не сможет работать, учиться и, тем более, поддерживать жизнедеятельность. Стоит отметить, что группы потребностей возрастают от физиологических. Пирамида потребностей влияет на систему мотивации труда. Это можно объяснить тем, что при удовлетворении одной потребности человек стремится к удовлетворению следующей потребности – более высокого уровня. Удовлетворение первичных потребностей приводит к появлению желания, например, в получении более высокой должности, а значит затем к потребности в уважении со стороны коллег и личностный росте.

Продолжением развития теории потребностей А. Маслоу можно считать теорию К. Адельфера. Основной мыслью данной теории является то, что потребности человека состоят из трёх уровней: E - потребности в выживании и существовании человека; R - потребность в общении с другими людьми и G - потребность в личностном росте и саморазвитии. Главным отличием теории Маслоу от теории Адельфера становятся разные взгляды на удовлетворение потребностей у этих учёных. Первый считал, что потребности более низкого уровня при их удовлетворении обеспечивают желание человека удовлетворить вышерасположенные потребности. Идея К. Адельфера заключается в том, что потребности трёх сформулированных уровней могут в одинаковой степени влиять на поведение человека. К тому же, согласно теории данного автора, неудовлетворённость потребности одного уровня может быть компенсирована с помощью удовлетворения потребности другого уровня [6, с. 77].

Теория приобретённых потребностей Д. МакКлелланда основывается на том, что каждая организация даёт человеку возможность реализовать себя на трёх высших уровнях потребностей: во власти, в успехе и в принадлежности. Потребность во власти удовлетворяется за счёт получения человеком более престижного положения относительно других. Удовлетворение такой потребности, как правило, повышает самооценку и в большинстве случаев повышает его производительность. Потребность в успехе заключается в желании работника реализовать себя в профессиональной или непрофессиональной сферах. Чаще всего потребность в успехе удовлетворяется путём выполнения какого-либо сложного для него задания, повышения или поощрения (награждения). Таким образом, содержательные теории мотивации основное внимание уделяют потребностям человека, как базовому фактору, побуждающему его к деятельности.

Процессуальные теории более сложны в своём по-

нимании. Они отражают формирование целей человека, его распределение сил при достижении результата и его поведение в процессе деятельности. Другими словами, содержательные теории мотивации описывают содержание деятельности людей, а процессуальные - её процесс. Если содержательные теории оцениваются исключительно на потребностях человека, то процессуальные не считают их единственной составляющей [2, с. 85].

Теория справедливости, основоположником которой является Дж. Стейси Адамс, предполагает собой изучение соотношения вклада человека в его трудовую деятельность. Согласно этой теории, сотрудник сравнивает полезность своей деятельности и вознаграждение, которое он получит. Для сотрудника важен ещё и показатель дохода других сотрудников. Он как бы делает вывод о справедливости своего вознаграждения. При этом учитывается не только отношения человека к организации, но и то, что человек получил от неё. Другими словами, если вклад человека в работу был большим, но он получил заработную плату ниже, чем ожидалось, то человек понимает, что его работа была сделана без положительного эффекта для него самого. Как известно, справедливость способна развивать гармоничную работу организации, укреплять и развивать взаимоотношения внутри коллектива, повышать авторитет руководителя и облегчать работу с кадрами. А вот несправедливость, наоборот, несет разрушительный характер. Человек, столкнувшийся с несправедливостью, не станет добросовестно выполнять работу и может отреагировать достаточно непредсказуемо [7, с. 34].

Теория ожиданий Виктора Врума определяет зависимость между действиями и поступками человека и возможными результатами. В основе мотивационных механизмов человеческого поведения лежат три основных понятия:

1. Ожидания того, что затраченные работником усилия приведут к ожидаемому результату;
2. Инструментальность. Под этим понятием принято понимать осознание человеком того, что выполненные работы и достижение определённого результата являются основным условием (инструментом) для получения вознаграждения;
3. Валентность – значимость вознаграждения для человека.

Всегда важно поддерживать у работников высокую мотивацию. Если человек не будет мотивирован, он не

сможет выполнять работу для получения высоких результатов. Именно поэтому руководителю важно понять, что именно является для человека важным мотивирующим фактором: одни хотят уверенности в завтрашнем дне, другие ожидают карьерного роста, третьим достаточно удобного рабочего места.

Разработчиком теории постановки целей стал Э. Лок. Данная теория предполагает то, что мотивацию работника можно повысить за счёт постановки определённой цели, причём, чем сложнее цель, тем больше мотивация. Такая теория, в первую очередь, касается людей с высоким уровнем потребностей в самореализации. Именно они стараются развивать свои навыки, получать необходимые знания. Если человеку с низкой мотивацией предоставить работу, уровень которой на много выше ожидаемого, это не принесёт никакой пользы и даже может усугубить ситуацию. Концепция партисипативного управления действует в основном на объяснении социального участия человека в организации. Если работник принимает участие во внутриорганизационной деятельности, он становится вдохновлённым и удовлетворённым, его работа становится лучше. Такой сотрудник, как правило, приносит организации большую пользу, он сосредоточен в работе и принимает инициативу при решении каких-либо вопросов [5, с. 124].

Теория мотивации Л. Портера - Э. Лоулера, название которой подсказывает нам своих авторов, основана на теории справедливости, однако процесс мотивации в этой концепции раскрывается с иной стороны. Согласно этой теории, работа, произведённая человеком, зависит лишь от него самого. Для качественного труда важны три составляющие: затраченные усилия, характер и желание человека, и осознание того, что принесёт его работа для деятельности всей организации. Работа над собой, мотивация со стороны менеджера и внутренние установки могут оказать огромное влияние на трудовую деятельность [3, с. 319].

Итак, содержательные и процессуальные теории различны по своей природе и способу воздействия. Одни действуют на основе сущности, а другие – на основе деятельности. Процессуальные теории описывают нам выходы из ситуации своеобразного кризиса в мотивации. Выбирая ту или иную теорию, можно выйти на верный путь мотивации и составить такую систему мотивации труда в организации, которая будет её развивать и приносить определённую пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов М.К. Системы трудовой мотивации и стимулирования труда // Уральский научный вестник. 2017. Т. 3. № 2. С. 011-013.
2. Василенко О.А. Управление трудовой мотивацией персонала на коммерческом предприятии // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 83-91.
3. Иглицкая Е.А. Особенности трудовой мотивации персонала в современных условиях // Мотивация и оплата труда. 2017. № 4. С. 318-319.

4. Карпов А.Б., Смирнова М.В. Эволюция системных представлений о трудовой мотивации // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 70-83.
5. Климова А.С. Мотивация личности в трудовой деятельности, основные аспекты // Ростовский научный вестник. 2021. № 10. С. 123-124.
6. Пронин В.Ю. Теоретико-методологические основы понятия трудовой мотивации в социологии // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 4. С. 75-82.
7. Смирнова М.Е. Управление трудовой мотивацией: современные проблемы с учетом исторических основ // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6. № 2. С. 33-35.
8. Цебро Ю.А., Жук С.С. Зарубежный опыт управления трудовой мотивацией человеческих ресурсов проекта // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 1-1 (26). С. 206-208.

© Федотов Владимир Владимирович (vladimirfedotov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта

Наши авторы

Barinov V. – postgraduate student, Ryazan State University named after S.A. Yesenina

Davydenkova A. – PhD, Saint-Petersburg State Agrarian University

Fedotov V. – assistant professor, Russian University of Transport (MIIT)

Gorsheneva M. – post-graduate student, Federal State Budget Educational institution of higher education "Maikop State Technological University", Maykop

Gutkevich E. – Doctor of Medical Sciences, Leading Researcher, Research Institute of Mental Health Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Tomsk State University

Khamenok V. – PhD (MSU), assistant professor, Schnittke Moscow State Institute of Music

Kovalenko N. – PhD, Saint-Petersburg State Agrarian University

Myagkova S. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow)

Parshikova G. – Ph.D. in Philosophy. assistant professor, Bryansk State Technical University, Bryansk

Polyakov I. – Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute "Kemerovo State University"

Proskuryakova L. – Doctor of Biological Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute "Kemerovo State University"; Novokuznetsk State Institute of Advanced Medical Training - Branch of the Russian Ministry of Health

Our authors

Rendakova A. – postgraduate student, Kuban State University, Rostov-on-Don

Ring E. – Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

Semjonovs P. – Dr., principal researcher, University of Latvia; Riga, Latvia

Shilova I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Omsk State Pedagogical University

Sidorova A. – Senior Lecturer, Arctic State Institute of Culture and Arts

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Tkach E. – Candidate of Psychological Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»

Trusova A. – Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute «Kemerovo State University» of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Novokuznetsk State Institute of Advanced Medical Training - Branch of the Health Russian Ministry

Vyaznikova L. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Zaredinova E. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, GBOUVO RK "Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov"

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).